

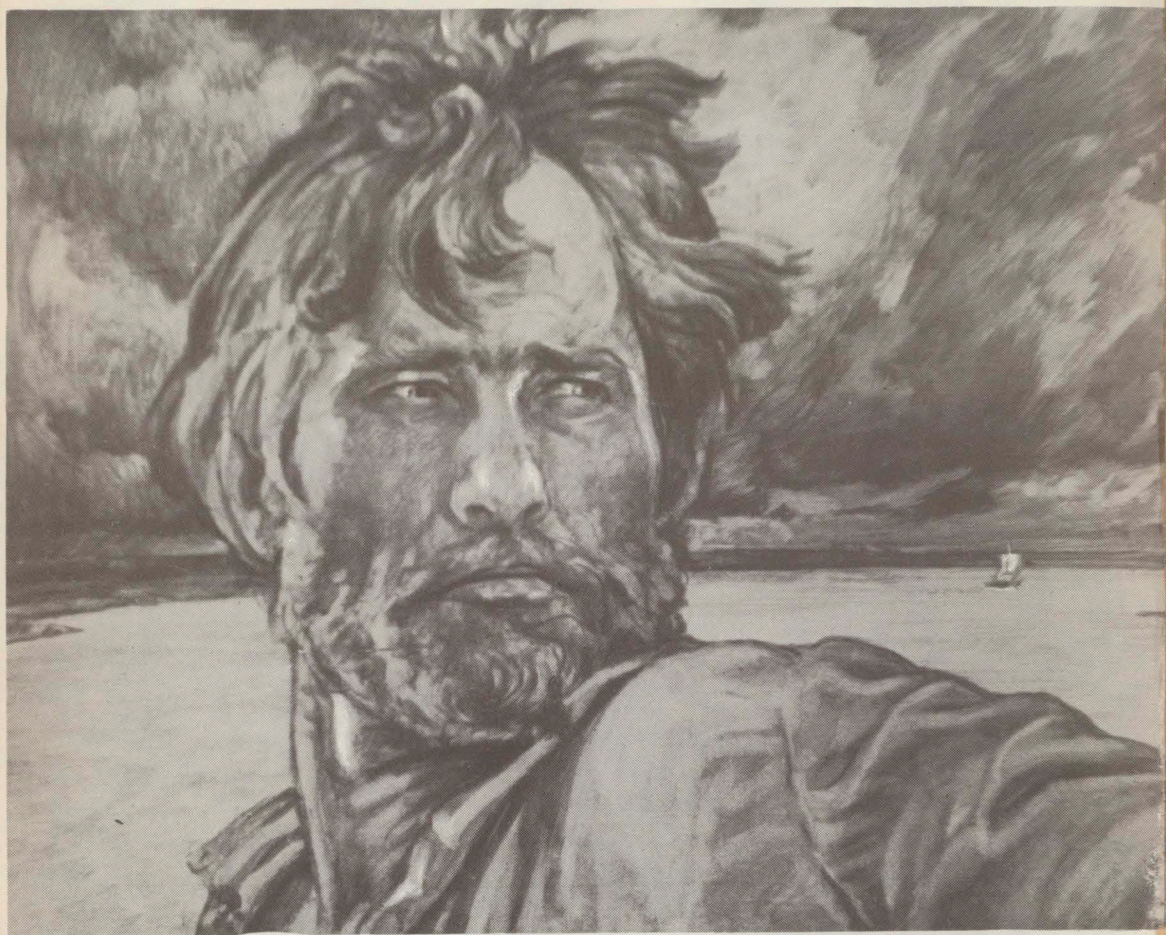
0-25

№ 1 1980

январь—март

ОГНИ
КУЗБАССА

ОГНИ КУЗБАССА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ,
ОРГАН КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

Выходит ежеквартально

Год издания 32-й

№ 1(66)

390438

В Н О М Е Р Е

СТИХИ

- Иван Полунин. У памятного дома. «Крылья крепнут
в полете!...». У Прохоровки 3
- Любовь Никонова. Ночная река. «В траве земля-
ничной...» Свидания в дождь. «Мама, в лесу невозмож-
но теперь...» 63
- Владимир Иванов. «Как много печали в разлуке...».
«Взмахи веток и солнце с утра...». Птенец. «Из ряда
привычных явлений...» 64
- Леонид Гержидович. Нинка. «То ли с кедра, то
ли с липы...» 65
- Алексей Томилов. День рождения. «Полдень
знойный...» 66
- Тамара Страхова. «Подари мне снеговика...». Де-
рево. «Нам все известно наперед...» 67

ПРОЗА

- Геннадий Емельянов. Истины на камне. Фанта-
стическая повесть 5

ПЕРВЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

Д

НАШ СОВРЕМЕННИК

Нина Спирина. Три ключа 68

ИСКУССТВО

Эвелина Суворова. Жить и творить в своем времени 76

СЛОВО — КРИТИКЕ

Светлана Мекшен. Житель своей земли. Заметки о поэтическом сборнике Леонида Гержидовича «Таволга» 81

ВЕСЕЛАЯ МИНУТКА

Геннадий Юров. Баллада о последней сигарете . . 85

ПЕСНЯ

Г. Григоренко, В. Махалов. «Родина» 86

На первой странице обложки — фототюд В. Карева.

На второй странице обложки — картина кемеровского художника Германа Захарова «В. Шукшин в несыгранной роли Степана Разина».

Редактор В. М. МАЗАЕВ

Редакционная коллегия: В. М. Баянов, Г. А. Емельянов, И. М. Киселев, В. Ф. Куропатов (отв. секретарь), В. В. Махалов, З. А. Чигарева, Г. Е. Юров

Адрес редакции: 650099, Кемерово-99, Советский пр., 40,
тел. 6-26-95, 6-85-14.

Рукописи не возвращаются

Ведущий редактор Т. И. Махалова; художественный редактор А. С. Ротовский; технический редактор Г. Н. Манохина; корректор В. А. Лузина.

Сдано в набор 26.10.1979 г. Подписано к печати 23.1.1980 г. ОП10224. Формат 70×90¹/₁₆. Бумага типографская № 3. Печать высокая. Усл. печ. л. 6,44. Уч.-изд. л. 8,72. Тираж 5000. Заказ № 15525. Цена 55 коп. Кемеровское книжное издательство, Кемерово, Ноградская, 5. Полиграфкомбинат, Кемерово, Ноградская, 5.

О 70500—16
М 145(03)—80 29—80—4702000000

© Кемеровское книжное издательство, 1980.

Иван Полунин

У ПАМЯТНОГО ДОМА

Жил здесь писатель Александр Волошин...
И свет в окне
Призывней маяка
Манил к нему друзей издалека,
Нередко забинтованных порошей.

Был рад Никитич другу горняку,
Внимателен к зеленому собрату.
Он так умел оттачивать строку,
Как некогда — саперную лопату.

Его душа, как будто степь, могла
Всех разместить
И раззадорить встречу.
А много ль было выдано тепла
Ему взаимно? Вряд ли я отвечу.

Он предо мною глыбою вставал —
Немногословный, мудрый и весомый.
А перед ним... последний перевал
Был траурною кистью нарисован.

И над потоком майского тепла,
Над городским задумчивым кварталом
Пронзительная музыка текла
И — вдруг... Сменилась
Громом небывалым!

Как будто небо выразить протест
За эту смерть
Тебе, земля, хотело!

Гроза промчалась.
И затих оркестр.
Но как душа, душа осиротела!

И дом — не тот...
Знать, каждой нервной клеткой
Я к старшему собрату прикипел!
Я с ним делился бедами нередко,
А счастьем поделиться
Не успел.

* * *

Крылья крепнут в полете! —
Утверждает молва.
И куда ж вы плывете,
Острова, острова?

Судьбы, судьбы людские,
Не воспетые мной...
Их, как бремя, не скину,
На тропинке лесной.

На себя нахлобучил
Этот груз и несу.
Может, выпадет случай
В одичалом лесу:

Я пойду на рыбалку,
Прихвачу туесок.
Повстречаю русалку
У прибрежных осок.

И она для забавы
Очарует меня,
Отобьет от Любавы,
От лазурного дня.

Отобьет и засушит,
Как дубовый листок.
Станет голос мой глуше,
А характер — жесток!

Но кому это надо,
Чтобы меркли слова?
Вы — и горе, и радость —
Острова, острова.

И хотя я не вечен,
Но зато не отпет...
Опускайся на плечи,
Шелковистый рассвет!

И во мне чародейство
Разбуди, разбуди!
Пусть наивное детство
Заворкует в груди.

И захлопает в крылья,
Что окрепли чуть-чуть.
Пусть над степью ковыльной
Обозначится путь!

У ПРОХОРОВКИ

В шелковистом рассвете
Душа обретает
Необычную легкость — пушинке сродни.
И деревня парит лебединою стаей
На пригорке, обугленном в давние дни.

А снега отшумят, и сады закипают,
И шуршат муравьи, что-то строят опять.
На хорошие всходы
Земля не скупая...
Ты, душа, оставайся — родимой под стать!

Забывай о плохом, что с лихвой прихватила,
Уподобиться надо кормилице впредь.
Как страдала она от огня и тротила,
Но осилить смогла
И жестокость, и смерть.

Здесь когда-то казалось:
Не вырасти травам...
Но ведь, помнится мне,
Я в окопе встречал:
Сквозь отверстие гильзы,
Заброшенной, ржавой,
Пробивались былинки навстречу лучам!

Принимаю, что все под огнем истребимо...
Сила жизни одна
Не подвластна огню!
Вот на этом пригорке сгорела рябина,
Где встречаю ее молодую родню.

Зеленеющим кронам
Неведомо даже
О трагедии старшей далекой сестры.
И конечно никто деревцам не расскажет,
Что не только под осень пылают костры.

А ведь старшим-то выдалась доля крутая
Вместе с нашей землицей в тяжелые дни.
Так пускай хоть сегодня
Душа обретает
Необычную легкость — пушинке сродни!

Геннадий Емельянов

ИСТИНЫ НА КАМНЕ*

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Рисунки Ярослава Полуэктова

Глава первая

1

Толчок. Совсем легкий толчок. Спустя мгновение я увидел корабль — почти круглый и раскрашенный полосами. Моя гондola скатилась с корабля, будто капля росы с арбуза.

Я всем чужой, у меня нет прочных привычек, и потому, когда выяснилось, что Седьмая планета в системе, мимо которой лежал наш курс, пожалуй, обитаема, капитан молча и пристально посмотрел на меня. Я лишь пожал плечами. Тогда капитан сказал:

— Готовься, Логвин.

— Есть!

Моя гондola висит среди звезд, будто среди искр костра, поднятых ветром. Я ощущаю вдруг необыкновенную душевную легкость. Мой час пробил. Да здравствует тишина! Вот теперь можно и включить связь.

... — Ты слышишь нас, Ло?

Это спрашивает капитан. Голос его с хрипотцой — раздраженный.

— Слышу, кэп.

— Почему отключился?

— Автомат подвел, кэп.

Капитан мне не верит и некоторое время тяжело дышит.

— Мы за тобой придем, Ло.

— Не сомневаюсь.

— Примерно через пять лет.

— Буду ждать.

Снова тяжелое дыхание: капитан мне не верит. Моя гондola вполне автономна, ее возможности разнообразны — я могу сесть на планету, могу подняться в космос.

— Мы надеемся, что ты выполнишь научную программу...

— Я справлюсь, капитан.

— Прощай, Ло.

— Прощайте, люди! Пусть вам сопутствует удача.

— Спасибо.

Я снова отключил передатчик. Они не услышат моей песни. Моя песня славит Приключение.

2

Гондola, экспедиционный автомат, опустилась на берегу ручья, у пляжика, окруженного джунглями. Я прижался лбом к экрану и увидел въяве восход на Седьмой. Солнце си-

* Журнальный вариант.

неватого цвета всплывало толчками, и листья деревьев, толстые, пупырчатые, поворачивались, словно паруса, к мерклой звезде. Джунгли неприятно молчали. Вода в ручье блестела, как срез свинца. Я надел легкий скафандр и велел киберам открыть шлюз. Главный Мозг повинился, но предупредил:

— Далеко не забираться.

— Посижу вон на бережке, там славно...

— Приступаю к исследованиям, — сказал автомат.

— Приступай, что ж...

У самой воды песок был темен, выше резко выделялась розовая полоса, потом рдьяная, дальше — серая, на взгорке же пышно, как снег, лежал ослепительно белый песок, от него шло сияние — отражение зари. Я сел и поглядел в ручей. На течении, помахивая хвостом, стояла рыбка, горбатая, со старушечьим лицом и напряженно выпученными глазами.

— На первый раз достаточно, Ло, — сказал Мозг.

— Хватит, так хватит. — Я встал и пошел «домой».

3

Время загустело и остановилось, будто лед на реке.

Мозг пока не пускал меня на планету.

Я вспоминал и думал. Меня несколько раздражало, что головной корабль не связывается со мной, что там совсем не интересуются, как обстоят мои дела. Наверно, я сам виноват: я всегда был замкнут, отдален от людей и предпочитал одиночество, потому что не нашел себя. Если я чем интересовался по-настоящему, так это историей — изучал извилистые пути человечества к вершинам совершенства и познания. Мои современники считают, что главное позади. Я же считаю нашу жизнь слишком благополучной, мы становимся хрупкими, как музейные экспонаты под стеклом, теряем свою сущность без борьбы, риска и духовного движения. Впрочем, вопрос этот сложный, и как-нибудь я к нему вернусь. Сейчас же мне пуще всего хотелось покинуть гондолу и податься куда глаза глядят — и откроется мне великое множество чу-

дес. Здесь, на Седьмой, можно и не сносить головы. Эта планета — чужая, и ей все едино: совершенен ты или примитивен. Здесь свои законы. Здесь все настоящее.

Я всегда хотел настоящего.

Еще в школе Первой Ступени, когда мне было девять лет от роду, я нашел в старой книге слово «кулачки». Меня это слово заинтересовало, начались поиски, и выяснилось следующее. Наши предки по праздникам (часто просто по субботам) сходились улица на улицу и били друг друга в незащищенные места кулаками (отсюда и слово «кулачки»). Никаких ограничений. И два правила: пятаки (медные монеты) в ладонь не зажимать, лежачего не бить. А что если попробовать? Я прочитал однокашникам на досуге лекцию про кулачки и пламенно призвал воспроизвести древнее ристалище в натуре. У меня спросили:

— Цель эксперимента?

— Предки, — ответил я, — метили по сопатке (передняя часть лица) и пускали друг другу юшку, то есть кровь. Это неэстетично, конечно, зато предки испытывали боль, знали чувство торжества и горечь поражения.

Меня не поняли. Тогда я вызвал на поединок самого крупного из компании — румяного Клода. Я сказал толстому Клоду, любителю кондитерских изделий, что он в сущности тепличное существо, продукт цивилизации, не ведавший настоящих трудностей и, несмотря на разницу в физической силе, я пуцую ему юшку, потому что на основании древних источников воспитываю в себе жажду борьбы. Клод доел торт, утер губы и заявил, что готов ради любопытства помахать кулаками. Я показал ему боевую стойку, мы попрыгали, как петухи, и я ударил, согласно предписанию, по сопатке, из носа моего неповоротливого противника хлынула кровь. Именно с того самого момента, я считаю, жизнь моя покатила особицей...

— «Комета». Вызываю «Комету»!

— Слушаю тебя, Ло?

— Эта наша связь — последняя, капитан.

Через два часа аппаратура вас уже не достанет.

— Да, Ло, не достанет.

— Как ваши дела, капитан?

— У нас все нормально. Рассказывай, как у тебя? Мозг уже кое-что сообщил нам. Твои личные впечатления?

— Здесь нескучно, капитан.

— Мы посоветовались, Ло...

— И решили меня вернуть, пока есть возможность, не так ли?

— Примерно так.

— Вы боитесь за мою жизнь?

— Да.

— Я ведь авантюрист, капитан?

— И такие слова были сказаны.

— Жизнь моя немного стоит, а зла я никому не причиню. Вы мне верите?

— Я — да. Верю.

— Этого вполне достаточно. Прощайте, капитан.

— До встречи. Все шлют тебе самые наилучшие пожелания, и никто тебе не завидует, Ло. Ведь ты — один.

— Ничего, капитан, справлюсь. Прощайте.

Глава вторая

1

Мозг разослал по планете зонды и доложил сразу, когда я поднялся с ложа в маленькой каюте. Я не люблю спать в холле — там слишком просторно и неудобно. Так вот, Мозг доложил:

— Замечено нечто вроде поселений, Ло.

— Показывай!

...Изображение поступило с полчаса назад. Четкое изображение. Я подпер щеку кулаком и задумался. Что же это такое? И на что это похоже? А ни на что не похоже. Однако где-то я видел подобное... Где-то и когда-то... Да, видел! И опять в древних книгах. Поистине, ничто не ново даже в Великом Космосе. Передо мной натуральная азиатская юрта, но юрта гигантских размеров, в ней, наверное, помещается не семья, не род — целое племя. Юрта была сильно вытянута вверх, на куполе не замечалось ни одного смотрового отверстия.

Второй снимок объяснял кое-что. На втором снимке купол был раскрыт, и от желтоватой серединки этого диковинного цветка расходились круги, будто от камня, упавшего в воду. Каждый круг — стена; от центра сооружение пересекали прямые радиальные линии — скорее всего, коридоры, ведущие к джунглям, окружающим городище с трех сторон. На север же простиралась степь в кустарнике, по степи текла река, неширокая и в мягких излучах.

Я еще не верил, что городище населяет гомо сапиенс. Если здесь обитают братья по разуму, мне, значит, выпала необычайная удача: ведь человечество до сих пор одиноко. Жизнь в космосе мы находили, но разумную — никогда.

— Верни зонд, — приказал я Мозгу. — Пусть передаст прямое изображение. И крупным планом.

— Есть.

— Быстрей!

...Но разумную — никогда. Часть ученых Земли пришла почти к абсолютному убеждению, что надежды наши, увы, тщетны. Правда, сейчас, когда изобретен способ перемещения, в несколько раз превышающий скорость света, увеличились шансы человечества ответить на вечный и мучительный вопрос: есть Разум во Вселенной или же нет его?

У экспедиции, в состав которой я попал почти случайно, была цель совершенно иного свойства: «Комета» добиралась в область галактики, где начался чрезвычайно активный процесс образования звезд. «Комета» не могла задерживаться, и потому я здесь.

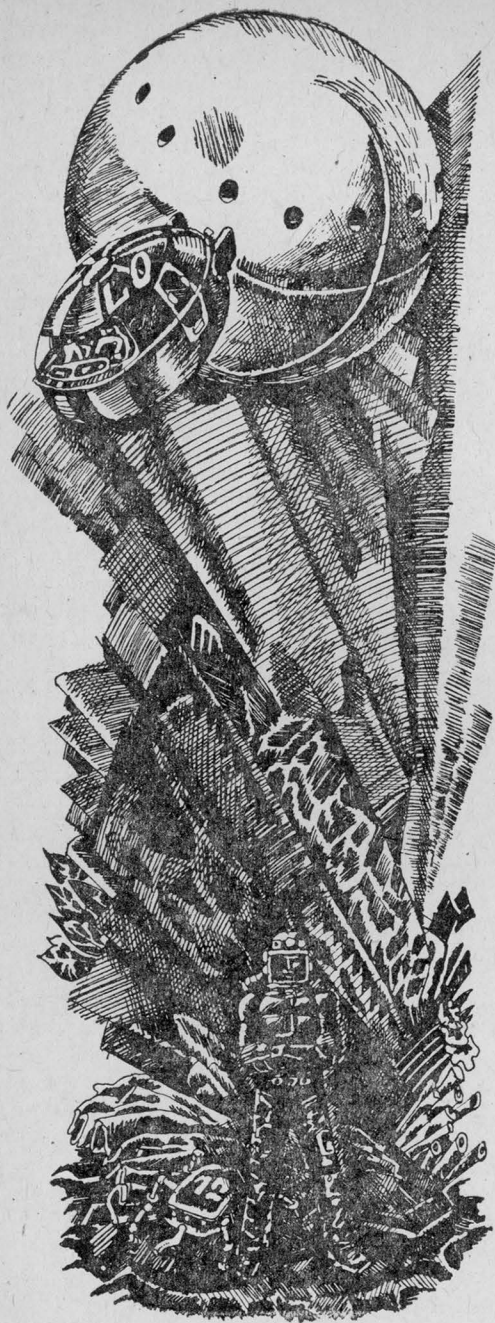
Сердце мое ёкнуло, когда зонд начал передачу. Он завис над городищем, и я закричал:

— Люди! Это же люди!

Подробности сперва ускользали, но я видел людей, таких же, как я — они смотрели вверх с тревогой, потом (и опять я не уловил подробностей) что-то там произошло, что-то там зашевелилось, и во мгновение ока передо мной опять была юрта с острым верхом, коричневая и гладкая, как стекло.

Я ликовал.

«Здравствуйте, братья! Я скоро приду, разделю ваши печали, подтяну ваши песни, если

вы их поете, посижу у ваших костров, если они горят, и расскажу вам про небо, черное и без края. Я помогу вам, чем могу. А могу я многое...»

Я надел скафандр и покинул гондолу. Я торопился, будто на пожар. Вот уж никак не предполагал, что способен на такие порывы: нас с детства скрупулезно и умело приучали анализировать поступки, внушали аксиому: сперва мысль, потом уж и действие. Кроме того, среди молодежи царил дух иронического скепсиса. Мы хотели быть мудрыми и ничему не удивлялись. Старались, во всяком случае, ничему не удивляться. Очень старались! Наш образ действий, наши манеры обуславливались обстановкой. Для земной цивилизации все проблемы казались разрешимыми, природа не имела тайн, которые бы мы не могли в принципе разгадать. Я считал и считал, что чрезмерные эти возможности лишили человека многого — они разучили его радоваться малому. Нас обволакивало благодушие, обволаживала безмятежность, мы дряхлели. Не всем такое положение вещей нравилось, и «Комета» все-таки рванула в космос. За ней пойдут другие корабли.

...Вездеход миновал пляж, дальше потянулись холмы, поросшие тощей травой, и вдалеке я заметил белые пятна, когда же подъехал ближе, разобрался, что это цветы-деревья, иначе их не назвать. Цветы-деревья от метра высоты до четырех-пяти. Мохнатые стволы, напоминающие формой старинные амфоры, венчались соцветием-розеткой. Лепестки лишь обозначались, сам же цветок, идеально круглый, напоминал шестеренку, однако зубья ее были не острые, они очерчивались мягко, обегая полный круг. Я остановил танкетку, не утерпел: грех проезжать мимо такой красоты. Я выбрал деревцо поменьше и опустился перед ним на колени, чтобы заглянуть в чашу, в темную ее горловину, стекающую в ствол. Цветок был прозрачный, в нежных жилках, внутри его сонно пульсировала жидкость, подчиненная ритму, — она то разбегалась по цветку, то опадала, как вода в родничке. Это тихое движение можно было наблюдать вечно. Но смотреть одно. Я хотел еще в силу исконной человеческой привычки потрогать

чудо руками, меня просто подмывало прикоснуться к цветку, иначе бы я целый день чувствовал неудовлетворение, жил бы, испытывая легкое огорчение от мысли, что не сделал чего-то весьма важного. Через скафандр я все равно бы ничего не ощутил: теплый цветок или холодный, гладкий или шершавый, нежный или грубый? Рассудок диктовал: не трогай, но рука, неладная, помимо воли легла на цветок, белый, как подвенечное платье, и такой хрупкий на вид. Я заплатил за мальчишество: розетка мигом сжалась в трубку, внутри трубки что-то хлопнуло, как в простуженном горле, из отверстия ударила сильная струя. Обзорное стекло скафандра заволокло серой пеной. Я ощущал грудь, пальцы липли к скафандру, ко мне, кажется, слеталась и сползалась вся живность планеты. И откуда она бралась в пустой степи? Вот оно что: от меня пахло, наверно, будто от парфюмерной лавки. По стеклу ползали букарашки, кто-то, похоже грызун, больно рванул ногу зубами. «Пора бежать!»

Танкетка не спасла от напасти, ведь все живое я затащил с собой в кабину.

— Голова! — крикнул я, постанывая от боли. — Спасай!

Танкетка понеслась, подпрыгивая на рытвинах, как необъезженный жеребец (мне доводилось объезжать лошадей), но лихая езда не страшнула с ноги злую крысу или как там ее называть — она, похоже, задалась целью передать мою кость своими челюстями. «Хорошо еще, что танкетка стояла недалеко, иначе я подсобирал бы компанию побогаче». Вроде я даже видел сквозь мутное стекло, как ко мне спешили животные величиной с собак, горбатые и с длинными хвостами. Те бы дали жару! Боль накатывалась ужасная, она разливалась по телу горячей волной, лоб мой вспотел, дышал я часто и затажно. Я бил ногой изо всех сил, пытаюсь стряхнуть проклятую крысу, но она не отцеплялась, она, наверно, и мертвая не отпустит. В кабине не развернешься, к тому же и обзорное стекло скафандра залеплено сплошь. Как изловчиться? Я подобрал на ощупь какую-то железку с пола, но достать железкой ноги не мог, а сил

моих терпеть уже не было. Я застонал, подумав с горькой усмешкой: «Доигрался!» Перед глазами замельтешили искры и накатила темнота.

Глава третья

1

Я лежал вверх лицом и видел небо, оно было низкое и в облаках. «Кажется, смеркается? — подумалось равнодушно и сразу вспомнилось, что я на Седьмой и здесь всегда сумерки — утром ли, вечером ли, днем ли. Здесь всегда облака. Еще ни разу не видел я чистый горизонт и чистый зенит. Может, время года такое? Почему же нет дождей?

Будут и дожди.

Все будет, дай срок.

— Как чувствуешь себя, Ло?

Это спрашивает Голова.

«Почему мне так легко?» Я понял: крыса отцепилась и боли нет. Ужасной боли нет. Хорошо-то как!

— Ло, тебе придется снять скафандр, — сказала Голова.

— Это почему же? — Я повернулся на бок и увидел, что лежу на пляжке метрах в тридцати от гондолы и возле суетятся киберы — плоские круглые коробки с ножками и усиками антенн — осматривают и ощупывают меня, будто ископаемое.

— Жидкость, которой ты облит, несмываема и с острым запахом.

— Испортил скафандр! Запасной есть?

— Есть, но утяжеленной конструкции.

— Новый сможешь изготовить?

— В принципе — да, но на это потребуется время.

— Пусть киберы раздевают меня. Добегу, поди, и без скафандра.

— Тебя подтащат к самому шлюзу.

— Сам доплетусь.

Я чувствовал слабость, тошноту, тело повиновалось мне плохо, но я поднялся, постанывая, и побрел, сопровождаемый киберами, к шлюзовой камере. Песок был податлив и вязок, каждый шаг давался с мукой, левая нога

не сгибалась, она волочилась, будто лишняя.
«Ну и цветок! Такой красивый цветок!»

Теперь я лежал уже у самой гондолы, автотоматы ворочали меня, как сырую колодину. Застежка на спине почему-то не поддавалась, и кибер сел на меня верхом, немягкие его ноги ощутимо давили. Сперва это было даже забавно, но потом я возмутился:

— Слезай, железяка, ведь я живой еще!

— Мне удобно, — ответил кибер.

— Ему удобно! Зато мне неудобно.

— Мне удобно, — с унылой монотонностью ответил кибер и опять начал переступать по мне, как по мостовой.

— Слезай, говорю!

— Замки заклинило, — сказала Голова. — Жидкость еще и клейкая. Потерпи, Ло.

— Терплю, куда деваться!

Я терпел стоически и уже не протестовал, когда кибер опять забегал по мне с лихорадочной поспешностью — он, видать, сообразил, что чем быстрее он оборачивается, тем меньше доставляет мне неудобств. Умная машина, черт бы ее побрал! Наконец, Голова распорядилась:

— Набери дыхания и лезь в шлюз.

Набрал дыхания. Киберы освободили от скафандра сперва лицо, и я услышал с замиранием сердца десятки звуков. Над пляжиком с легким шорохом сочился ветер. Слышался же пуще всего охлаждающий душу стон. Он был всюду, этот стон, а исходил вроде бы снизу. Я потряс головой и расставил ноги пошире, чтобы железные труженики быстрее стаскивали с меня синтетическую шкуру. И вот скафандр лежит, распластанный, облепленный погибшей мелкотой, в основном насекомыми самого причудливого строения. Впрочем, мне некогда было рассматривать скафандр, я поднялся и тут, не ведаю, как получилось, слегка вдохнул благословенного воздуха благословенной Седьмой. В нос мне шибанула такая мерзость, что я нырнул в шлюз с величайшей поспешностью, ударился лбом о притолоку и заорал Голове:

— Пропусти без дезинфекции!

— Нельзя, — ответила Голова.

— Тупица!

— Нет, я хорошая.

Я задыхался, закатывал глаза, хватался руками за живот: запах был до того тошнотворный, что я просто не знал, с чем его сравнить.

— Да быстрее же!

Потом я почти всю ночь стоял под душем, забыв про еду, забыв начисто, что я тот самый представитель человечества, которому довелось увидеть воочую братьев по разуму. Биологический анализатор утверждал, будто от меня уже ничем не пахнет, но я беспрестанно нюхал руки и был уверен: душ не помогает.

...Начинался рассвет.

Джунгли молчали. Рассвет здесь, кажется, никого не удивляет, и встречают его скромно, не то, что у нас, на моей Земле. У нас поутру поют птицы. И солнце у нас другое — большое и великодушное.

Я постоял возле танкетки.

Справа были джунгли, слева — речка, она шумела на камнях и поблескивала. Впереди начинались холмы, за холмами ждали меня чудеса — там были люди. Мы пойдем друг друга — обязательно и непременно! Я подумал: «Почему здесь нет дождей?» Только подумал так и увидел на обзорном стекле скафандра мелкие капли, увидел, что даль замутилась. Дождь сеялся скупо и устало. Так падает на Земле грибной дождик, но дома у нас он приносит совсем другое настроение. Представилось вдруг, как заблудшая тучка, лужица на фоне пронзительной синевы, мимоходом и лукаво брызнула водичкой и убежала, а сосновый бор остался умытый и весь в иглах света. И запахи-то, запахи! Земляничкой пахнет, мхом, истомной прелью. И капли дождя, отражая вселенную, падают, громко ударяясь о лопухи.

Благословенная Земля моя, как ты далека и желанна!

Да пребудет с тобой покой.

Ехал я два часа по холмам, поросшим невысокой травой синего цвета. Трава росла не сплошь, а пятнами и была жесткой, будто железо: я это чувствовал, потому что стебли касались стенок танкетки с тугим шорохом.

Киберы успели поставить новое обзорное стекло в моем вездеходе, и даль я видел неохватно. Впереди дымились паром джунгли, ближе ко мне была река, в которую, вероятно, впадает ручей, текущий возле гондолы. Непрыткий дождь истаял, трава блестела, блестели и следы гусеничных траков, проложенные мною два дня назад. Мои следы уже стирались, но я прокладываю новые. Здесь будет много моих следов, если я вернусь: риск все-таки есть, потому что я пренебрег инструкциями, предписывающими осмотрительность и постепенность. Инструкции предписывают ждать, а ждать-то как раз я и не могу. При мне нет оружия, кроме ножа, подаренного когда-то одним человеком, которому я помогал пасти лошадей. То был старик, с маникальным упорством отрицающий блага цивилизации. Он хотел жить, как жили его далекие предки, и отвоевал себе такое право, сын степей, потомок кочевого племени, берущего начало чуть ли не от монголов. Старик сказал мне, когда расставались:

— Возьми вот, парень, нож. Я скоро помру. Нож этот старше Земли, он дамаскский стали. У меня нет сыновей, нет внуков, я один. Ты не суетился и не мешал мне думать. Возьми на память.

Я взял.

Старика звали Муртаза. Я его почему-то боялся. Он был чужой, как далекое прошлое, но с ним хорошо молчалось.

Я подъезжал к долине Цветов, откуда так позорно бежал недавно; я немало размышлял о своем приключении и пришел к выводу, что цветы таким способом защищаются — выпрыскивают жидкость, которая имеет свойство привлекать все живое, и тот, кто дерзнет притронуться к холодной плоти и несказанной красоте белого дива, поплатится головой, никак не меньше, потому что все жаждут отведать пахучего нектара. Я остановил танкетку поодаль, чтобы еще раз осмотреть долину. Цветы росли редко и вразброс, без системы. Остановился я еще и затем, чтобы поискать дорогу, минуя это страшное место, и направил танкетку влево по откосу, но тут же притормозил и не сразу догадался, почему притормозил. Я давно заметил какое-то мель-

тешение среди Белых Цветов, но не придавал сперва этому никакого значения. Я принял к окуляру видоискателя большой разрешающей силы. Долина стала наплывать, приближаться в мельчайших подробностях. Даже ворсинки на цветах я мог теперь рассмотреть. По телу пробежал озноб: я увидел глаза — они были коричневые, широко расставленные, они смотрели в какую-то точку сосредоточенно и жестко. Я откинулся на спинку сиденья, подышал глубоко, с интервалами, и опять приткнулся к окуляру с такой быстротой, что ударился лбом о какой-то выступ в кабине и боль почувствовал спустя много времени.

Их было трое — невысоких, с плоскими затылками и вытянутыми головами. Они имели темную кожу синеватого отлива. Сквозь кожу рельефно проступали мышцы. Они скользили среди цветов с грацией хищников и почти не оставляли на песке следов. Шли они цепочкой друг за другом. Передний нес палку метра три длиной, загнутую на конце, будто клюв птицы. Двое сзади чуть подгибались под тяжестью мешков, сшитых из шкур. Мешки были, похоже, пустые, но тяжелые. Люди эти останавливались, рвали траву, нюхали ее и бросали наземь.

«Что они ищут?»

Я погнал танкетку в кустарник — хотел укрыться там до поры и обдумать план действий. «Чего доброго, вспугнешь этих охотников, потом налаживать контакт будет сложней. Приглядимся для начала».

Я отыскал в шкафчике небольшой аппарат — «лингвист». Это компьютер, и предназначен он для перевода. По замыслу, аппарат может расшифровать любой язык. Во всяком случае, ученые в том уверены, хотя опробовать систему нам было негде: планет, как уже говорилось, земляне познали много, но не встречалось нам даже самой заштанной цивилизации. Я включил «лингвиста», запустил в сторону аборигенов радиозонд величиной с яблоко и видел, как зонд нырнул в песок и из него осторожно вытянулась тонкая антенна. Удары моего сердца отдавались в ушах, подобно раскатам грома.

«Ну, что же там?!»

Техника не подвела — я услышал, как тем-

нокожие ступают по песку, услышал даже их дыхание. Я теперь незримо, но прочно связан с теми троими в логу среди цветов. Я видел, как двое вдруг опустились на колени, третий же, самый высокий, не выпуская палки из рук, встал на плечи соплеменников, вытянул свой жезл, раскрыл руки. В «лингвисте» замигала лампочка.

— О Вездесущий и Неизмеримый! Ты настолько велик и могуч, что пьешь реки и глотаешь звезды. Мы здесь, жалкие слуги твои — сыны племени Пророка, говорящего Истины, записанные на Камне. О, Вездесущий! Пусть вернется Пророку память, пусть будет с нами Камень, где записаны Истины, дай, о Великий, удачи в охоте, дай нам немного крови Белого Цветка. Кровь эта молодит, и Пророк вспомнит Истины. Пошли удачу!

Высокий, опершись на палку, легко соскочил наземь. Двое медленно поднялись и отряхнули с колен песок. Я видел на их ногах извилистые вдавлины от травы, видел пот на их висках.

— Что сказал Неизмеримый?

Высокий ответил, воткнув палку возле ног:

— Он молчал. Он всегда молчит. Только старики умеют слушать Его. Но умеют ли?

— Мы пойдем, Сын Скалы?

— Мы пришли. — Высокий вскинул палку на плечо, постоял неподвижно, резко согнулся и мелкими шажками двинулся среди цветов. Это был довольно стройный парень, но уши он имел несолидные — они шибко оттопыривались. Да и у спутников его уши тоже не отличались изяществом формы. Задний вдруг приостановился, широкие его ноздри зашевелились, он скинул мешок с плеч и оборотился. Он смотрел в мою сторону, глаза его пронзительной черноты заглянули на какой-то миг прямо в душу мне. Я почувствовал, как мягкая волна прокатилась между нами и отдалась болью в моем затылке. Глаза были не страшные, скорее печальные, и в них была обреченность.

Охотники взобрались на холм и встали кругом возле отдельно растущего цветка, без суеты приготовили мешок — они поставили его наземь и раздёрнули горловину.

Высокий скомандовал:

— Помолимся, воины!

«Много времени, дорогие-хорошие, на молитвы убиваете, — подумал я. — Молитвы не помогают, ребята!»

Снова охотники пощипали траву, подбросили ее в воздух, прошептали скороговоркой:

— О, Вездесущий, дай нам немного крови Белого Цветка и Пророк вспомнит Истины, записанные на Камне. Всё!

Дальше действие развивалось так. Сын Скалы, судя по всему заглавный, ткнул палкой в жерло цветка. В то короткое мгновение, когда лепестки сомкнулись в дудку, на него был накинута мешок, снят и завязан. Через секунду охотники уже мчались прочь. Впереди, задавая темп, вымахивал длинными ногами заглавный с палкой, за ним поспешали низкорослые воины и несли в руках заметно пополневший мешок. Они бежали рядом, плечом к плечу, и держали ношу перед собой, неудобно. Шагов через сто добычки остановились и сели с маху на траву, вытирая пот со щек. Мешок они осторожно привалили к деревцу. Высокий не сел, он отдыхал стоя, опершись на свой посох. Над цветком уже повисла темная туча мошкеры, привлеченная запахом. Некоторое время охотники молчали, потом высокий сказал:

— Второй мешок пуст...

— Счастье не выпадает дважды, Сын Скалы!

— Цветы дают кровь только пять дней...

— Пусть завтра придут другие.

— Мы станем избранными. Нас пустят в яму к Пророку!

— Честь великая, но мы разбудили зло! — Воины разом вытянули руки в сторону цветка, уже повергнутого и растерзанного. На песке, подобно черной луже, шевелился живой комок. Невысоко парили стаи птиц и тревожно кричали.

«Значит, цветок погиб? Значит, механизм защиты сработал не в ту сторону. Эти растения имеют коварное свойство наказывать врагов с помощью чужой и сумасшедшей силы, но за промах платят дорогой ценой: поскольку жертвы нет, гибнет сам сосуд, хранящий вожделенную жидкость...»

— Пусть завтра придут другие, Сын Скалы. Еще не поздно.

— А мы разве трусы, Червяк Нгу?

— Мы — смелые.

— Тогда помолимся опять. — Высокий, как давеча, сноровисто взобрался на согнутые спины товарищей и обратился к небу:

— Вездесущий, мы возьмем малость крови Белого Цветка? Прости, Неизмеримый, нашу дерзость: никто из племени изгнанных не совершал такого. Мы хотим испытать силу и ловкость свою. Прости, Вездесущий, нашу слабость, но мы воины и мужчины. У воина, о Неизмеримый и Вездесущий, душа просит подвига. Храброго любят женщины и почитают старики, живущие в яме! — Высокий ступил со спин на землю и гордо вскинул голову. — Я хорошо говорил?

— Ты плохо молился! Почему сказал о женщинах? Ты осквернил слух Вездесущего хулой и пошлым словом!

— Вездесущий знает все!

— Каким способом?

— Неисповедимым. Разве ты забыл уроки в школе стариков, Нгу? А, может, Вездесущий и сам любит женщин?

— Речь твоя богохульна, Сын Скалы!

— Мы будем брать кровь Белого Цветка?

— Ты ведь молился...

— Тогда не станем мешкать.

— И все-таки ты напрасно упомянул женщин! Ты говорил, как глупая старуха.

— Слова наши истекли, воины!

Сердце мое тревожно екнуло в предчувствии беды, я протянул руку за спину, в глубину танкетки, и сразу нашел, что искал. Мне нужен был мешок из плотнейшей синтетической ткани, набитый инструментами и продуктами. Делом секунды было расстегнуть застежку и вывалить все добро на дно кузова. Я перетянул мешок к себе на сиденье, открыл дверцу и вышел на волю.

Трое с Синей уже подступали к цветку, росшему на макушке холма и несколько на отшибе.

Я приказал танкетке следовать рядом и бежал. Бежал я сильно и раскованно. Я бежал, цепляясь ступнями за жесткую траву, и

за моей спиной, подобно парусу, развевался голубой мешок. «Поспею?»

Поспел!

Я смаху едва не наткнулся на цветок. Под ним распластался Сын Скалы. Глаза его были закрыты — он обреченно и тихо, как подобает мужчине, дожидался мучительного конца. Тело воина было облито жидкостью, напоминающей по цвету сосновую смолу. Смерть уже поспешала: я видел черное облако, оно несло из джунглей, со стороны реки. Парень дышал часто, на сером и плоском его лице, неживом, лишь вздргивали ресницы.

Глава четвертая

1

Путь мой лежал к реке. Путь лежал среди белых цветов и с неудобной ношей: я тащил на горбу воина, запеленованного в мешок, скользкий, как рыба, ткань к тому же вытягивалась, и страдалец скатывался со спины, ударял по ногам, я падал, буквально втыкался головой в песок, шея моя трещала, в ушах глухо отдавались толчки сердца. Уму непостижимо, как я все-таки не задел ни одного цветка, непостижимо также, каким образом воин не задохнулся. Скорее всего, километр до реки я одолел в рекордные минуты. И вот наконец берег — отлогий пляж с омутом. Я вытряхнул лопухаго Сына Скалы в воду, он упал спиной и поднял фонтан такой высоты и силы, что вполне можно представить, будто в омут с разбегу свалился, например, бегемот. Я сел на мокрый берег, малость отдышался и вскочил тут же, озираясь. Мне было видно отсюда, как наверху, на холме, опять беснуется несметная летающая и ползающая рать — терзает цветок. Два охотника улетывали вдоль берега. Они убежали уже довольно далеко и не собирались возвращаться; они не выпускали из рук бурдюков и даже тащили за чем-то длинную палку. Сперва я их осудил за трусость и предательство, но, по здравому размышлению если, то ребята правы: третьему они не могли бы помочь при всем желании. «Кто нам поможет? — с отчаянием подумал я. — Сей же момент на запашок при-

будет бригада и станет нас понемножку убивать». Танкетка моя остановилась на краю роши, она не могла давить цветы и делать на этой планете вселенский переполох. Я велел танкетке идти кружной дорогой. И велел ей торопиться.

Сын Скалы, или как его там, вынырнул. Рот его был кругл и черен, в глазах был ужас, он греб беспорядочно, бил по воде ладонями, как цирковой заяц по барабану. Он не умел плавать, этот великий воин, черт его возьми. Я сказал:

— О Вездесущий, спаси душу мужчины с большими ушами! Он любит славу и женщин, но то не так уж важно. В принципе он — хороший. Не имею представления, о Неизмеримый, как относятся женщины к его ушам, но это тоже не так уж важно.

Я забрел в реку по пояс, ухватил воина за шею и притянул к берегу, как сырую колодину. Парень, ошеломленный, поплелся было на карачках к суше, но я стукнул его по спине и положил в воду так, что лишь голова торчала наружу, и пригрозил кулаком:

— Лежи и не двигайся!

Над нами уже зависла нечисть. Облачко над нами, вполне возможно, обратится сейчас в грозовую тучу, упадет, придавит и растащит на мелкие кусочки.

Мне почему-то не страшно было умирать. Если честно, я не верил, что умру вот сейчас, всего лишь несколько минут спустя. Безвыходных ведь положений нет. Я поднялся, чтобы встретить опасность стоя. «Успеет или не успеет Голова принять меры?»

Над нами завис небольших размеров металлический шар, он, повисев доли секунды, раскрылся лепестками, подобно лилии, и на нас куполом опустилась прозрачная пленка. Она образовала нечто вроде юрты диаметром в основании метров в двадцать и накрыла нас, захватив часть воды, где, постанывая, шевелился вождь. Под купол успела попасть и танкетка — она остановилась резко и подняла пыль, которая улеглась не скоро. Когда же пыль улеглась, я увидел, что на спасенного мною воина навалились корчи и вода вокруг его тела кипит. Я схватил бедолагу и выволок на сухой взлобочек. Тело его было в мел-

ких кровотокающих шрамах. «Значит, и рыба обожает сок Белого Цветка!?»

— Прости, Сын Скалы, — не догадался я, что тебя рыбка щиплет. Сейчас мы с тобой о жизни потолкуем. — «Лингвист» лежал на сиденье танкетки, и дотянуться до него ничего не стоило. — Итак, слушаю?

Парень молчал, он лишь сопел, распластавшись на берегу, и медленно перекачивал по песку голову, не глядя в мою сторону. Тогда я сказал в микрофон «лингвиста»:

— Как чувствуешь себя, могучий воин? — Я хотел малость подольстить этому парню, поскольку он нуждался сейчас в лести. Прибор, мигнув красной лампочкой, что-то прочиркал птичьим голосом, охотник приподнялся, сел и тоже что-то прочиркал. Машина исправно перевела:

— Я в печали.

— По какому поводу, простите? — Меня, конечно, обидело то обстоятельство, что спасенный мной балбес еще и в печали. Хотя бы поблагодарил для порядка.

— Я должен умереть.

— Вот тебе раз! С какой стати ты должен умереть?

— Племя уже справляет тризну по мне. С того света не возвращаются.

Что ж, весьма логично: товарищи этого неудачника уже добежали до городища и принесли на устах печальную весть, и, конечно, весьма некстати будет, если следом приплетется труп.

— Кровь цветка метит неминуемой смертью.

Да, ситуация! Племя ответит ритуал, отправит душу убиенного на небо или еще куда там у них предписано, а душа не улетела, она осталась при теле. Явное несоответствие. Выходит, у моего подопечного пиковое положение.

— Невелика беда, — сказал я. — Что-нибудь придумаем.

— Меня уже нет.

— Но ты же есть!

— Меня уже нет. Убей несчастного, сын племени, которое пришло сверху!

— Откуда ты взял, что я пришел сверху?

— Мы видели...

— Есть хочешь?

— Нет, я в печали. И печаль моя велика.

О тонкие стенки пузыря, спущенного на нас, ударялась летающая мелкота, скатывалась, скользла, и осыпалась наземь. Какой-то зверь, тощий и величиной с собаку, захватывал оболочку пастыю, но она, пронзительно скрипя, выскакивала из его зубов, не давалась, зверь наливался яростью, глаза его кровянились. Я засмеялся. Однако воин не ответил на мою улыбку (я показал ему пальцем на сердитого зверька), он раскачивался с закрытыми глазами и тонким голосом творил молитву такого содержания:

— О Вездесущий! Прими меня к себе, потому как меня здесь уже нет, я стану исправно работать на тебя в поле, по вечерам же буду исполнять для тебя танец Услады. Прими, я молод и совершил еще мало зла.

Над нашим шатком и несерьезным на вид укрытием лопались шары, испуская желтый дым.

— Что творишь, Голова?

— Усыплю все живое, чтобы вы могли идти.

— От воина пахнет, хотя, честно, я этого почему-то не чувствую. Воин мой — теперь вроде живца, на которого любая гадость поймается. Подскажи, как его отмыть, отстирать?

— Вода растворяет сок, пусть обветрится, тогда я сниму защиту.

— Все понял. Спасибо.

— Есть новость, Ло.

— Слушаю?

— Биоанализатор показал, что атмосфера этой планеты пригодна для дыхания.

— И можно снять скафандр?

— Можно, если хочется.

— Хочется!

...Первое, что я услышал, был плеск воды о берег, я услышал еще, как сопит мой удалец из племени Изгнанных — он все качался, обхватив руками голову; потом я уловил запахи — пахло мокрым песком совсем так же, как и у нас, на Земле. Хорошо! Я упал на колени и потрогал руками траву, она была сухая и жесткая. Однако насладиться звуками и запахами не дал мне Сын Скалы. Он полз ко мне, все постанывая, и уныло канючил:

— Отпусти — пойду к Вездесущему. Я выну из груди свое сердце!

— Погоди вынимать сердце, обратно его уже не вставишь, давай, брат, лучше помоемся. — Я пошел к танкетке, достал кусок мыла, вернулся к воде и опустился на корточки. — Хорошо-то как, Сын Скалы с Гималаев или Кордильеров. Вода, милый ты мой, настоящая, ее даже можно взять в ладошку, а?

Абориген не слушал меня, он стоял, уставясь на макушку прозрачного купола, и печально моргал. Я зачерпнул воду обеими ладонями, полную горсть, бросил ее в лицо себе и засмеялся — на меня нахлынуло необыкновенное ощущение полного единения с этой Синей планетой, которую я теперь буду чувствовать — буду брать в руки камни, буду купаться и ступать босыми ногами по траве. Судьба подарила мне целый мир, неисчерпаемый, чужой, но уже дорогой мне, как родина.

— Иди сюда, Скала. Да ближе, ближе!

Он подошел с робостью. Я показал ему, как надо мылиться. Вода холодила. Скала взял мыло и через мгновение окутался пузырящей пеной. На толстых губах обескураженного парня впервые проблеснула улыбка, и он, обнажив зубы, кивнул: посмотри, мол, на себя — ты стал забавный. Я тоже показал на него кулаком: на себя, дескать, полюбуись. Он несколько не боялся меня, и это удивляло. Я спросил, ложась в воду:

— Почему ты меня не боишься?

В общем-то вопрос был сформулирован неправильно — я собирался сказать: «Почему ты не удивляешься?»

Воин тоже лег в воду, и мыльная пена зашипела вокруг нас, опадая, речка же покрылась радужной пленкой. Купол над нами лопнул вдруг с нежным звоном, и я почувствовал мокрым затылком ветерок. Воздух был парной, со стойкими и неназойливыми запахами.

— Эге-ге-ге!

Эха не было. Голос мой пропал, запутался, будто я в вате. Я вылез из воды, отряхиваясь, и опять спросил у воина — он лежал на спине с закрытыми глазами, блаженствовал:

— Так почему все-таки ты меня не боишься?

Парень вылез из речки неловко и ударился задом о песок.

— Вы уже были.

— Как это — были?

«Лингвист» помаргивал лампочкой, и воин косился на него без симпатии.

— Вы ушли и пришли.

— Мы не приходили!

— Разве не вы оставили нам Истины на Камне?

— Не мы.

— Я не верю! — ответил воин и поднялся, стаскивая с себя набедренную повязку. Черные его ягоды блестили, как лакированная мебель. Он отжал повязку, морщась, уселся на свой мокрый след, оставленный давеча. Какой смысл было тогда отжимать повязку, коли опять устроился в лужу? Забавный, однако, малый.

— Что за камень?

— На нем Истины. Он там. — Воин вытянул руку, показал в морозное и дряблое небо. — Он у врагов, а Пророк, — тут воин подозрительно огляделся — не слушает ли нас кто? — а Пророк забыл Истины. Он помнит только одну, но Камень большой.

Я, конечно, ничего не понял и пожал плечами.

— Племени нужны Истины, жить без них грешно — так завещано.

— Кем же завещано?

— Кто ушел и придет.

Абракадабра какая-то!

— Ты теперь домой подашься, парень?

— Нет, я умер.

— Ты, милый, совсем живехонек. Ну, поедем со мной тогда.

— Я сейчас буду вытаскивать сердце и удалюсь к Вездесущему.

— Это успеется. Все мы когда-нибудь удалимся к Вездесущему. — Я затолкал этого малехольного юнца в танкетку, и мы помчались домой. Скафандр мой лежал рядом на сиденье, и шлем, свисая, болтался при тряске, будто голова трупа. Это было неприятно, и я спрятал скафандр в бункерок.

— Мы еще поживем, Сын Скалы! И по возможности дольше, потому как жить — любопытно.

2

Лопоухий абориген по-прежнему был в страсти. Я совал ему всякие безделушки, я показывал ему фокусы, но парень засох в своей тоске, он дни и ночи сидел на краю ковра в холле, качался, как будда, и нехорошо был. Надо нам как-то выворачиваться, иначе помрет Сын Скалы во цвете лет, задавленный печалью, черт его заберит! Я допытывался у парня, как и чем живет его племя. Отвечал он мне неохотно и без конца повторялся. Выяснилось, что когда-то (никто не помнит и не знает, когда) явились сверху люди, большие и желтые.

— А на чем они явились?

— Никто не знает и никто не помнит. Они оставили нам Истины, которые написаны на Камне. Камень большой, и Истин было много. Но Пророк стар и каждое утро с башни поет только одну Истину.

— И что за Истина?

— Помогай слабому. Слабый в яме.

Вот это да! Стоило пришельцам тратить энергию и время, чтобы принести из далекого далека такую захудалую мудрость. Что-то здесь не так.

Сын Скалы раскачивался сидя, подобно механизму, и пел. Он в общем-то не пел — поскрипывал с безысходностью. «Лингвист» переводил со сбоями и пропусками следующее:

«...А однажды я повстречал чудище на трех ногах (третья была сзади) и с тремя глазами (третий глаз был сбоку). Я не умею бояться, но у меня вспотела спина. Я сказал тому на трех ногах и с тремя глазами: «У тебя свои заботы, у меня — свои. Разойдемся?» Но чудище зарычало, и я пронзил его копьем. На землю полилась черная кровь. Я бы принес домой шкуру того зверя, но когда я пронзил его копьем (это был удар настоящего воина!), то все исчезло и был только дым. О, Вездесущий, если я сказал не так, ты простишь меня по безмерной доброте своей. Я ведь всего слабый сын племени Изгнанных.

Ты же велик, и лицо твое большое, как небо. Сердце твое тоже большое, и глаза твои видят все... А еще однажды я испытал свою силу — ударил по камню так, что стало больно руке, из камня же прынул огонь такой силы, что погасли звезды. Дело было ночью, и никто не видел того пламени, только в лесу заплакали птицы. Я сильный! Возьми меня и сделай солдатом твоего войнства. Не пожелаешь сделать солдатом, определи слугой, и не будет у тебя слуги преданной и проворней...

Я не сразу догадался, что приятель мой сочиняет нечто вроде рекомендации самому себе, цель которой — исхлопотать у Вездесущего место потеплее. И врет, конечно, как си-
вый мерин.

«...А еще однажды, тоже ночью, я крикнул так, что в реке остановилась вода. Буду рабом твоим, о Вездесущий, и смогу из башни говорить твои указы так громко, что меня услышит даже трава...»

Я убил полдня, чтобы втемяшить мысль, осенившую меня, в лопухую башку этого молодого лгуна, что умею слова оставлять на бумаге, что письмо Вездесущему можно послать как бы по почте и ждать рассмотрения ходатайства, так сказать, на месте. У Вездесущего много хлопот, и чем слушать ему каждого, он прочитает документ и наложит резолюцию в таком духе: или, значит, Сыну Скалы следует спешно вознестись, или же проживать в своей деревне до востребования. Скала был парень в общем-то не совсем темный, он наконец уловил суть. Потом я продемонстрировал ему, как оставляют слова на бумаге, и несложная эта операция привела его в восторг. Потом мы начали сочинять документ. Как и всякий документ, он составлялся по форме. У Вездесущего было несколько sinecurных должностей. Самая перспективная — нечто вроде телохранителя и начальника личной гвардии. На худой конец можно поступить и в гвардию рядовым с видами на повышение. Вторая завидная должность — управляющий хозяйством Вездесущего. Тут имелась в виду охота, рыболовство, ну и хлебопашество. Рядовым охотником сделаться еще куда ни шло, а вот закабалиться в крестьянство — совсем нежелательно, по-

тому что от этой исходной точки путь наверх заказан. И уж совсем золотая дорога — третья: стать мужем одной из дочерей Вездесущего. Их две у него, дочери: одна ведает тьмой, другая же — светом. Дочь тьмы — та постарше и побогаче. Это и объясняет, что на планете всегда смутно и солнце на чистом небе — большая редкость. Значит, чтобы Незмеримый как-то выделил того, кто возносится на данный момент, от иных прочих, надо иметь силу, хозяйственную сметку и высокие мужские достоинства. Ясно. Поехали!

Я сочинял с великим удовольствием, и фантазия моя зацвела пышным цветом. Скала попробовало было кое-что вставить, но я отмахивался от его советов — слишком уж парень занимал свои возможности.

— Ты, Пришелец, вверни, пожалуйста, про то, как я ударил однажды палкой по камню и выбил из камня огонь.

— Лучше будет так. Слушай: «А еще однажды (дело было ночью) я ударил копьём оземь, и копьё мое проткнуло Синюю, как гнилой плод, и конец копья возник у моих ног».

— О! — застонал Скала. — Как это?

— Сам не знаю. Молчи!

— О!

«А еще раз (это было ночью) я взял в руки пепел костра и сжал его с такой силой, что из пепла полилась вода! Никто этого не видел, но рука моя была мокрой весь день и еще один день».

— Как это?

— Тонкости не имеют значения, брат мой!

— О-оо!

«...А еще однажды (это было ночью) я простоял на ушах до утра, испытывая терпение и мужество. Уши мои болели, но я пел песни».

— Зачем на ушах, Пришелец?

— На твоих ушах неделю простоять можно. Молчи и не мешай!

Скала ничего не понял, но лицо его выражало благодать: ему, видать, нравилось, как я закручиваю ситуацию. Мне и самому нравилось закручивать, однако родник мой начал давать сбои. И в этот критический момент отважный воин, брат мой, пропел с закрытыми глазами следующее:

— А женщины, Вездесущий, и совсем молодые девушки, все разом и каждая в отдельности, любят меня так, что у них от тоски выпадают волосы и крошатся зубы.

Я крикнул и покачал головой, завидуя творческой находке моего соратника, и изложил его светлую мысль в такой редакции: «У зрелых женщин от любви ко мне выпадают волосы, у юных же девушек, у девственниц, крошатся зубы». Не везет же красавицам племени Изгнанных: они все там лысые и беззубые. Я представил себе одни лысые головы, черные и уныло блестящие, и мне стало как-то нехорошо.

— Пожалуй, мы перегнули палку, брат?

— Вездесущий умеет прощать, Хозяин, — дипломатично ответил Скала.

Я вздохнул с печалью.

— Ну ж, пойдем дальше?

— Пойдем дальше. Складно у нас получается, Пришелец!

Трудились мы самозабвенно, письмо получилось некороткое, и я устал.

Глава пятая

1

...Я стою посреди холла. На мне фуфайка особого свойства — она дает прохладу, когда жарко, и греет, когда холодно. На мне мягкие брюки серого цвета и тяжелые ботинки, не имеющие сноса, вечные. На мне пояс с ножом, подаренным Муртазой, через плечо на мягкой цепочке — «лингвист». Вот и все.

2

Здесь, на Синей, настала короткая благодать: небо было чистое, высокое и края облаков выделались над чертой горизонта — там они лежали в несколько слоев и смотрелись на срезе, в самом низу — угольно-черные, выше — фиолетовые и вдруг сразу, без полутонов, оранжевые, лимонные и пурпурные. Эти краски были до того веселые, до того милые сердцу, что я вновь испытал чувство неизбывной симпатии к моей планете с непокладистым норовом. Я обнял Скалу за плечи.

От моего отважного воина шибко пахло милом. Ему нравился этот запах, мне — не очень. Но мне нравятся облака над чертой горизонта. Он манит, горизонт: а что там, дальше и дальше? Какие там живут народы, и какие они думают думы?

— Скала, как вы называете эту речку? — я ткнул пальцем на воду, текущую перед нами. Там, в глубокой и спокойной воде, опять плавали рыбы со старушечьими лицами и выпученными, словно от натуги, глазами.

Скала ответил, что речка эта без названия, потому как войны его племени сюда не забираются — нечего здесь делать.

— А джунгли? — Я показал рукой за спину. — Разве там нет охоты?

Деревья, нестройные в стволах и невысокие, ветвились во все стороны, сплетались стенами, и через ту живую стену пробиться было невозможно. За стеной царит сырой полумрак, здесь, наверно, место обитания всякой нечисти — летающей и ползающей. Над джунглями вздрагивал воздух, выше и дальше перспектива смотрелась как через выпуклую линзу.

— В лесу трудная охота, Пришелец, — ответил Скала. — Опасная охота. Гиблая.

— Итак, вперед?

Скала молча кивнул и перепрыгнул через речку. За нами двинулась танкетка.

Я снял ботинки. Трава покалывала ноги, но идти было приятно. В лицо бежал ветерок, дышалось легко. Впереди тянулись холмы, попадались кустарниковые рощи с мелкими и твердыми листьями. И — ничего примечательного: скучные холмы, трава и песок. Я внушал Скале, идущему рядом, что хочу стать таким, как он, и добывать пищу хочу так, как добывает он. Скала попервости эти слова принимал за шутку, но, поняв, наконец, что намерения мои вполне серьезные, сказал:

— Там, где ты обитаешь, много таких глупых?

— Мало таких глупых, брат.

— И я думаю — мало.

Воин явно забеспокоился, он поднимался на носки, из-под ладони оглядывал места, по которым мы проходили, пока не нашел, чего искал: мы остановились перед деревом с чер-

ным искореженным стволом. Это дерево свело судорогой, не иначе. Листьев на этом чуде природы почти не было, на ветвях висел мох, ниспадая, будто с головы ведьмы. Тем не менее Скала торжествовал — для начала он пустился в пляс, причмокивая губами, потом нагнулся и стал копать руками яму. Песок струей хлестал между ног воина и падал за его спиной с шелестом. Я присел неподалеку и надел ботинки — ступни горели, я их натер о траву с непривычки. По плоской спине воина уже катился пот, но струя песка не тонила и не прерывалась. Скала вырыл окопчик и погрузился в него, наружу торчала лишь голова. Я почему-то устал, руки мои дрожали, и ломило плечи.

— Голова, почему я такой слабый?

— На Седьмой кислорода чуть меньше, чем на Земле. Не рекомендую долгой работы и резких движений — нужно определенное время для адаптации.

— Спасибо.

Еще две задачи предстояло решать неотложно: во-первых, я не прочь был пообедать, во-вторых, не прочь был и попить. Проще простого, конечно, кликнуть танкетку, но тогда зачем я дал клятву ступить на тропу предков? «Слаб я! Слаб и изнежен».

Брат вылез из окопа с кривым дрыном в руках, белозубо и счастливо скалясь.

«Чему радуется, балбес? — вяло подумал я. — Откшпал кривую палку, и рот до ушей».

Скала вернулся в окоп (помаячила там его круглая голова) и снова прибежал ко мне с корнями поменьше в обеих руках, сел рядом и кивнул: бери! Корень покрывала слизь, я брезгливо вытер ладонь о траву, искося посмотрел на воина, который катал в зубах, мусолил, жевал только что открытую добычу и сыто урчал. Мутный сок стекал с его подбородка. Я вспомнил про пустой желудок и жажду, мучившую меня, и сунул свою порцию в рот. Сперва я не почувствовал никакого вкуса, холодная влага хлынула в горло и тоже потекла по подбородку. Я жадно пил сок ведьминского дерева, и мне чудилось, что где-то и когда-то я уже пробовал это несладкое зелье. Где-то и когда-то... Но я нигде и никогда не пил ничего подобного. Жидкость

не имела вкуса, я не мог ее ни с чем сравнить. В жаркий день, когда есть выбор, на такое пойло не позаришься, но здесь, посреди пустыни, я наслаждался до тех пор, пока Скала не вырвал скользкую палку у меня из рта.

— Много нельзя!

— Почему?

— Голова распухнет.

Голова моя и на самом деле пухла, я слышал звон, он нарастал, ширился и застыл на высокой ноте, пронзительный, будто комариный писк. И явилась картина: я увидел, как с большой сосулины падает вода, она падает на жестяной карниз, отбивая дробь. Видение явилось из древности, потому что в мое время на Земле таких домов и таких карнизов не было. Сосулина была огромная, в ней пульсировала радуга, и сквозь мокрый лед, в неясной и зыбкой его глубине, я увидел лицо девушки с голубыми глазами. На ее голове тяжелым кольцом лежала коса. Незнакомка вытягивала руку и ловила в ладошку капли, падающие сверху. Она стояла у раскрытого окна. Видение отдалилось, помельчало и рассыпалось, я повалился навзничь и, кажется, крепко уснул, когда же проснулся, с несказанным облегчением подумал: «К черту максимализм! Никому не нужно мое геройство: пищу я добывать не умею и, если не стану подражать аборигену, имеющему громадный опыт борьбы за существование, околею как муха и холодный труп мой беспечно склюют здешние птицы. Будем приспосабливаться потихоньку».

Я позвал танкетку.

— Скала!

Воин, брат мой, тоже дремал сидя. Он проснулся сразу и подбежал ко мне.

— Нужен огонь, Пришелец.

— Добывай сам.

— А твои боги, Пришелец? Они же все умеют...

— Мои боги гnevаются и не дадут огня.

— Зачем же они гnevаются?

— Есть на то причины. — Я хотел посмотреть, как здесь разжигают костры. Потом, ведь Скала должен сохранять форму, иначе вместо одного будут по этой милой планете бродить

двое изнеженных мужчин. Скала должен вернуться на круги своя.

— Боги у тебя добрые. И огонь нужен быстро.

— Мои боги огня не дадут!

Скала печально вздохнул и потер потную грудь ладошкой.

— Много будет работы...

— Я помогу.

...Мы обильно пообедали в тени танкетки, и Скала сразу ушел куда-то, озабоченный.

3

Опять на свет появился кривой дрын (Скала вырыл его из песка) толщиной в руку и длиной метра три, пожалуй. Появился дрын на свет, когда был добыт огонь классическим способом, известным нашим пращурам на Земле — путем трения палочки о палочку. Скала проделал нудную операцию со стоическим терпением и похода допрашивал меня, отчего это мои боги осерчали?

— Чем ублажают твоих богов, брат? Я готов убить киня, готов достать рыбу из воды или зажечь костер из священного дерева. Могу также украсть жену из деревни.

— Не годится все это.

— Что любят твои боги, скажи только, и Сын Скалы свершит подвиг?

— Мои боги предпочитают покой. Они не любят, когда им докучают. Они сами скажут, какие подвиги нам при случае совершать. А кинь — это зверь?

— Зверь.

— Ты много их убивал, киней-то?

— Ни одного. И никто из воинов моего племени не убивал.

— Эвон как, но почему же ты обещаешь убить?

— Разве твои боги не умеют прощать?

— Умеют вроде бы...

— Наш Вездесущий прощает.

— Оно и заметно. — Я вспомнил про письмо, сочиненное нами, и улыбнулся про себя. Письмо то я положил на круглый валун и велел роботу дать сильнейшую струю воздуха. Бумага затрепетала, расплескав страницы, и исчезла на глазах изумленного

воина. Скала окончательно поверил, что наше беспардонное вранье отправилось в высшую инстанцию — прямиком на небо.

Брат мой хлопотал возле костра, подбирая в огонь хворост, следом пошли в ход пучки травы, горевшей с треском. От костра вкось стелился дым, к моим ногам хлопьями падала жирная сажка. Я сидел на взгорке и следил за сложными манипуляциями Скалы. Воин натаскал из окопа влажного песка и построил из него абочку с идеально круглой дыркой, абочку полил соком, выжатым из корней черного дерева, потом с великим тщанием обложил хрупкое сооружение все той же травой и зажег ее головешкой, взятой из кострища. Брат мой напоминал теперь мальчика, играющего в песочнице, он даже и сопел, как дитё, и на толстых его губах пузырилась слюна. Оставалось еще язык высунуть. Он его и высунул. На спине молодого воина обозначились сухие мышцы. «Небогатырского ты сложения, — думал я. — Зверь кинь поломает тебя просто, зато зверь кинь вряд ли догонит тебя — бегать ты умеешь. Все твоё тело приспособлено к бегу. Ты не хищник, ты — жертва».

Скала валил на абочку уже небольшие бревешки, огонь был бледен, жарок, и тепло его доставало моего лица.

— Все! — сказал с облегчением брат мой и присел рядом. — Теперь — ждать.

— Подождем...

А чего ждать, какого чуда?

— Ты угостил меня соком дерева, парень, голова моя распухла, и явилось мне видение. Всегда бывает так, когда напьешься сока?

— Всегда.

— Но понимаешь, как бы объяснить тебе... Я видел то, чего не встречал в жизни, почему так?

— Память предков пробудилась в тебе, Хозяин.

Да, чем дальше, тем больше загадок...

— Теперь молчи!

— Почему?

— Об этом не говорят вслух. — Добродушное круглое лицо Скалы стало вдруг жестким. — И не спрашивай больше ни о чем!

Когда костер притух, истаял на малино-

вые угли, Скала сгреб свой кривой дрын, вставил один конец его в отверстие арки и начал тянуть на себя. Песок, облитый соком, сделался на диво прочным. Влажный корень, протягиваемый сквозь отверстие, прямился, чернел, и вверх с шипением вырывался зеленый пар. Я успел застрогать ножом толстый конец корня, и Скала с натугой вытащил из стана идеально прямое, острое и заостреннее до прочности железа копьё. Отлаженная, однако, технология! Конечно, можно выяснить для себя, почему и как все это получается, каким уникальным свойством обладает сок невзрачного дерева, но это потом. Теперь же, не медля, мне захотелось тоже иметь копьё. Я сказал:

— Сделай второе.

— Воин, если он настоящий, добывает копьё сам. Такого копьё нет ни у кого из племени Изгнанных.

— И почему же?

— Я — Сын Скалы! — Воин торжественно ударил себя кулаком в грудь. — Разве этого мало тебе, Пришелец?

— Немало, конечно. Ты у нас молодец, но почему даже вожди не имеют такого копьё?

— В наших краях мало черного дерева. Торопись, сок уходит.

Я добыл себе копьё, какого не было ни у кого на Синей. И еще я сладил себе лук и стрелы к нему — целых десять штук. Сперва мои упражнения в стрельбе вызвали у Скалы усмешку, которую он деликатно прятал, отворачиваясь, но потом, когда стрела пронзила насквозь лист нефигуристого растеньица, напоминающего лопух, мой приятель вскочил на ноги, покачал головой раздумчиво и посмотрел на меня уже с заискивающим почтением. Растеньице оказалось твердым, и пришлось попотеть, вызволяя из него стрелу.

— А мне? — Скала заглянул в мои глаза с подобострастием.

— Воин, если он настоящий, добывает лук и стрелы сам.

Брат мой с унынием и обреченностью взялся за работу. Вечером через два дня он положил свою уродливую поделку на песок, сел, изможденный, и заявил распевно, прищелпывая губами:

— Такого оружия нет ни у кого!

— Мое — лучше!

— Твое никуда не годится!

— Наглый ты, однако, малый!

— Пора, Хозяин?

— Пора.

Мы собрали с поляны нехитрое барахлишко и двинулись вперед.

Глава шестая

1

История, рассказанная Сыном Скалы, потомком клана воителей племени Изгнанных. История, рассказанная по пути к городищу.

«Сейчас мы слабые и голодные, но когда-то мы были сильные и сытые. Мы жили у синей воды, которая никуда не течет. У нас было много врагов, но они не пугали, они лишь горячили нашу кровь. Враги тоже нужны, чтобы у людей, носящих копьё, не дрябли руки и не мягчали сердца. Воины забирались высоко в горы и кричали врагам: «Приходите мериться силами. Если вы не придете, над вами будут смеяться женщины!» И они приходили, потому что смех женщин и детей — страшнее смерти. Мы возвращались с победой, хоронили убитых как героев, и старики пели длинные песни. Длинные песни они пели потому, что мужчины племени совершали много подвигов, а в песнях надо сказать про все.

Потом мы остались одни возле синей воды, которая никуда не течет: у соседей, окружающих нас, иссякли силы. Племя, делающее дома из камня, просочилось сквозь горы, подобно ручью, и мы его больше не встречали. Племя, делающее лодки, уплыло туда, где уже ничего нет. Мы не знали тропы сквозь горы, мы не умели строить лодок, потому и остались одни в долине, где много плодов, зверей и птиц. Это было хорошо. Поля наши тучнели, и женщины рожали толстых детей. Еще дед моего деда помнил то время, он помнил его плохо, но говорил: это было хорошо. Дед говорил еще: «Большие Желтые Люди не желали зла и научили нас жить, согласно Истинам». Большие Желтые Люди с белыми

волосами пришли из ниоткуда, наши дозоры их не видели и не слышали, но мы успели выстроить войско. Нас было больше, мы держали черные копья — такие копья, какое сейчас у меня, и дух наш смеялся: мы презирали врагов, потому что не разучились еще умирать без стога.

— Вперед! — громовым голосом крикнул вождь. — И стена двинулась. Наши уже торжествовали победу, но рано они торжествовали — первый ряд шеренги был смят, как молодая трава: Большие Желтые Люди изрыгали огонь. Они не хотели войны, но наши шли и падали. Большие Желтые Люди сказали:

— Покоритесь, и мы научим вас Истинам. Мы покорились.

Пришельцы воздвигли прозрачный дом и никого туда не пускали, лишь несколько избранных юношей учились Истинам. А Большие Люди умирали, они засыпали лицом к небу и не просыпались. Эти люди могли все, но не могли справиться с тоской — все время глядели на небо и засыпали. Нежданные гости не успели научить наших юношей своей мудрости, они лишь записали Истины на камне и по одному, молча, испустили дух. Они оставили нам Камень и тревогу: Мы теперь тоже глядим на небо, когда нет туч, и хочется нам окунуться в звезды как в воду. Случается, мы плохо спим, когда темно, и сердца наши стучат, рвутся из груди куда-то. Мы стали не теми, какими были, вот и все».

— И что же потом?

«Мы еще долго называли себя Победителями, хотя побеждать было уже некого. И песни старух становились короче. Мы чего-то ждали, мы думали, что пришельцы способны проснуться однажды и начать все сначала, но они спят. А потом... Потом близ наших деревень однажды упали шары, они были горячие и провалились в глубокие ямы. Наши предки не пытались достать их оттуда, потому что с неба и раньше падали камни и они нам были без пользы. Из ям, однако, после дождей потянулись растения без листьев, и мудрецы наши почувствовали недоброе, мудрецы советовали сниматься, бросать поля и уходить. Однако не все были согласны уходить, а Главный Вождь сказал: — Подождем.

Воины пробовали ломать деревья, но они не поддавались никакой силе. Еще потом с ветвей упали мягкие шары и не такие большие, как те, что падали сперва, из них пошел зеленый пар, он съедал все живое, и воины наши падали, дети падали, старухи падали. И не вставали уже. Трупы чернели, как головешки. Наступил великий мор. Тогда мы побежали от воды, которая никуда не течет. Бежали мы до тех пор, пока хватило сил. Когда остановились, мудрецы ушли в яму с молодыми женщинами, остальные наверху выстроили деревню и покрыли ее листьями, чтобы защищаться от хищных птиц и другого зверья. И еще, чтобы защищаться от зеленого пара. То место, где раньше процветало племя, теперь табу. И Камень с Истинами давно зарос травой. Вот и все».

— Печально.

— Это так. А вот и моя деревня.

2

Мы стояли на бугре, ниже была деревня — отчий дом Сына Скалы. То была удивительная деревня, состоящая из трех колец, в середине возвышался толстый столб, вершину его венчала маковица. Стены покрывали, подобно рыбьей чешуе, коричневые листья, и эти листья слегка пошевеливал ветер. В маковице на вершине столба вроде бы маячило лицо человека.

«Дозорный, наверно», — подумал я.

Скала стоял рядом и прерывисто дышал.

Откуда-то раздался слабый крик, листья на стенах вдруг зашевелились, вздыбились разом, и деревня на глазах превратилась в шапку, на крутой вершинке которой осталась лишь маковица, отверстие в ней тоже закрылось. Так встречают врагов. Тревога пробита, и ни одна живая душа не проникнет теперь в городище. Законопатились. Ждут нас с копьями в потных ладонях воины племени Изгнанных. Они никого и давно уже не ожидают, они отстаивают лишь право жить.

Мы появились перед деревней рано утром, на восходе. Солнце поднималось где-то далеко, выплывало, качаясь между холмами, в до-

лину лился непривычный для меня свет — синий, он преломлялся в росе, на кустарнике за деревней, горел огоньками. Внизу, у самой земли, что-то качалось, ползло, стонало, освобождаясь от сна. Листья, покрывающие деревню, блестели.

— Они спят?

— Они давно не спят! — ответил Скала и присел на корточки, закричал визгливо, ударяя ладонью по ляжкам себе:

— Разве вы не видите, это я, Сын Скалы из клана воителей? Я ходил за соком Белого Цветка. Разве товарищи мои — Червяк Нгу и Мягкая Трава — не вернулись? Я пришел рассказать вам о своих подвигах и привел свидетеля, он — из гвардии Вездесущего и Неизмеримого, он скажет вам про то, какой я теперь сильный и могучий. Я научился побеждать, и это подтвердит воин из гвардии Вездесущего.

Скала витийствовал, а деревня молчала. Я начинал гневаться не на шутку, я думал о том, что эти жалкие граждане должны устроить празднество по случаю нашего прибытия, должны ликовать до полного изнеможения, но они, понимаешь, в рот воды набрали, будто мы со Скалой совсем уж бросовые парни. Я боялся наделать глупостей по горячке и сказал:

— Предлагаю позавтракать, брат мой.

Скала тотчас же согнал с черного своего лица скорбное выражение и закатил глаза — он тоже, видать, проголодался. Мы с достоинством удалились в редколесье, где пряталась танкетка.

После завтрака Скала опять принялся за уговоры, и в его рассуждениях пробивались уже новые мотивы: меня, дескать, можете признавать или не признавать, но со мной здесь посланник Вездесущего и Неизмеримого, он, посланник, добр и могуч, но терпение его тоже имеет предел, а коли уж он разгневался, даже Сын Скалы ничем не сможет помочь своему племени. Брат попал в точку: терпению моему наступил конец. Я вспомнил про свой лук. Тетива была из синтетической нити необыкновенной упругости, я натянул ее до отказа, и стрела с пчелиным перегудом рванула из моих рук, буквально через мгновение

раздался щелчок и с вершины маковицы, гремя, подобно куску жести, покатился коричневый лист.

— Ты совершил великий подвиг, брат мой! — испуганно шепнул Скала. — Скажи заклинание, и они выйдут.

— Какое еще заклинание? — Краем глаза я видел: на маковице торопливо заделывают дыру. Технология там, похоже, налажена — пока я смотрел на Скалу, который сидел на корточках и восхищенно жмурился, дивясь моей удали, все было поправлено.

— Лист дерева пур прокопчен на костре, его не может пробить даже копьё, а ты пробил его, брат мой! Они поверят, что ты с неба. Скажи заклинание!

— Какое?

— Любое.

Я пожал плечами, включил «лингвист» на полную мощь и крикнул:

— Упавшие с неба не привыкли ждать, почему вы молчите там, племя Изгнанных? Я могу предать ваш дом огню. Сейчас я произнесу заклинание и, если после заклинания вы не откроете ворота и не впустите нас, пеняйте на себя. Я не привык ждать.

— Говори заклинание, брат!

Ничего заклинательного не пришло в голову, и я запел песенку, популярную в школе первой ступени. Я пел ее в свое время самозабвенно, потому что сам нашел текст в старинной книге.

— Не переводи! — приказал я «лингвисту» и заорал, приплясывая:

Бабушка козлика очень любила,
Бабушка козлику трусики сшила.
Трусики сшила бабка козлу.

— Хорошее заклинание, брат!

Мне и самому оно понравилось: мотив был живой и веселый. Жаль только, что в старинной книге был лишь этот куплет и ни слова дальше.

— Еще петь?

— Не надо — они идут.

И верно: они шли, как бы просачиваясь сквозь нижний ряд городьбы, и листья шевелились, будто клавиши. Это было немое и скорбное шествие. Впереди, с натугой пере-

ставляя худые ноги (он их не сгибал в коленях), вышагивал рослый старик с пучком жестких волос на затылке. Волосы били из его черной головы фонтанчиком, перевязанные зеленой веревочкой. С чахлах плеч старика на спину свисала небольших размеров пестрая шкура. За стариком на почтительном отдалении полукружьем двигалась рать, состоящая из мужчин разных возрастов. Некоторые имели копы, другие же были вооружены тяжелыми палками.

— Что за личность? — спросил я у Скалы, имея в виду тонконого старика.

— Главный Воин. Когда он был совсем молодым, он проткнул глаз киню. Глаз лопнул с силой грома. Главный Воин живет не с нами и появляется редко, когда беда.

— Как зовут его?

— Так и зовут.

— Ему на пенсию пора. Давно, между прочим.

— Не понял, брат мой?

— После разберемся. А почему ты на коленях, Скала?

— Так разговаривают с Главным Воином.

— Неприлично валяться на коленях, но тебе видней...

— Закрой уста, брат мой. Смотри и слушай.

Главный Воин, проткнувший в далекой молодости глаз страшному зверю по имени кинь (глаз, как известно, лопнул со звуком грома), все плелся в нашу сторону, за ним стеной, настороженное, двигалось войско. Это было не страшно, но я на всякий случай не спускал с толпы глаз: мало ли что может взбрести в голову какому-нибудь удалцу — треснет по голове палкой, потом разбирайся, кто прав и кто виноват.

Главный Воин, наконец, доковылял до Скалы, лежащего ниц. Я заметил мимоходом, что уши моего брата просвечивают несолидно, как у поросенка, затылок его напряжен, спина колышется от частого дыхания. Старик постоял в прострации, с закрытыми глазами, волосы его блестели, будто крыло ворона.

И что же дальше?

Я с замиранием сердца увидел: острие

копья, покачавшись, замерло, нацеленное между лопаток моего брата.

— Эй, папаша, ты бы убрал палку, не то я вознесу тебя на небо или еще выше — в самую тьму. Остановись, папаша!

Однако дед не остановился — он неловко ткнул копьем брату моему промеж лопаток, и черная кожа враз окропилась кровью. Скала застонал, вскинулся и вяло упал щекой в песок. Я не двинулся с места, но был готов сделать прыжок в том случае, если брату будет грозить серьезная опасность. Старый воин медленно повернулся к толпе и поднял над головой тощую руку:

— Это не дух, это человек!

Мужчины племени повторили вразнобой:

— Это не дух, это человек!

— Хочешь ли ты вернуться домой, Сын Скалы? — спросил старик, обращаясь скорее к толпе, чем к брату моему.

— Хочу! — ответил Скала поспешно.

— Пойдем! И ты поведаешь нам о своих подвигах, а твой покровитель пусть ждет, мы пока не готовы принять его, мы должны подготовиться.

Я поднял Скалу, поставил на ноги и сунул в слабую его руку переговорное устройство в форме медальончика.

— Трудно будет, позовешь. Я буду слышать тебя, друг.

Скала кивнул отрешенно и, окруженный соплеменниками, скрылся за стенами деревни.

3

Вот и снова я один.

Но теперь мне не хочется ни тишины, ни одиночества.

Надо мной ночное небо, и на него можно смотреть целый век. Это занятие не наскучит и не разочарует. Оно всегда новое и беспокойное, здешнее небо, оно полно тайны и навевает сладковатую грусть, оно зовет неназойливо, полное величия и силы, у него нет ни счастья, ни несчастья: слишком оно большое, чтобы испытать боль, ждать и надеяться. Оно — небо.

Я лежу в танкетке на раздвижном ложе и сквозь прозрачный купол кабины гляжу вверх.

Некоторые звезды очерчены четко, другие же напоминают паучков, которые, перебирая лапками, взбираются по черному своду к его вершине.

Не спится.

Еще недавно я верил, что никогда не буду скучать по Земле, но все чаще и чаще без причины вроде бы в нос мне ударяет запах полыни, которым настояна горячая степь, я вижу вдруг, как трепещут крылья бабочки-капустницы, вижу черемуху в цвету, спелую землянику на крутом яру. Ягод много, они, точно капельки киноvari, упавшие с кисти рассеянного художника, проходившего вдоль опушки бора с забавной песенкой на устах. И щемит мое сердце от этих картин, проплывающих перед глазами чередой. Временами я чувствую на щеках ее руки. Эта женщина не любила меня, зато любил ее я, единственную.

— Голова!

— Слушаю тебя, Ло.

— Также не спишь?

— Я никогда не сплю.

— Знаю, ради вежливости спросил. Ты можешь представить, Голова, как шелестит осенний дождь и как осыпаются деревья после заморозков?

— В принципе могу, но зачем?

— Тебе действительно, незачем. Я вот не подберу слов, чтобы ты представил, Голова. Дождь шуршит сонно, а листья опадают с печалью. Эта печаль обреченности: деревья ведь, как люди, бывают молоды и стареют тоже. Они все понимают, деревья. У тебя мало информации обо мне, Голова? Изволь, дополню, если хочешь, твою память некоторыми фактами. Когда я родился, ты знаешь. Мне двадцать восемь лет, рост — два метра и тридцать сантиметров. Я крепок, здоров, тем не менее не совсем полноценен с точки зрения моих соотечественников — ко мне относились как к больному, и это угнетало меня лишь поначалу, потом я привык. Со мной разговаривали как с ребенком или умной собакой. С раннего детства я увлекся историей, изучал древние языки и прочитал уйму книг в подлиннике. Захватывающе интересно, признаться, читать древние книги. Очень рано я понял, что история цивилизации — это в сущности история

духовного совершенствования человека. Ты меня понял?

— Не совсем.

— Продолжаю. Возьмем наше время. Это — расцвет, подлинный триумф Разума, изобилие, благополучие и беспечальность. И главный критерий в оценке каждого — его работа, критерий оценки достижений общества — работа всех. Мы говорим: мы достигли вершин потому, что наши предки умели работать, создавать, творить. И вся история теперь оценивается именно под этим углом. Наш идол — Здравый Смысл. Мы отделяем таким образом творца от его духа. А кто такой творец, то есть человек? Само собой разумеется, человек в наше время лишен изъянов — он добр, умен, некорыстен и совершенно объективно судит себя, знает свое место среди прочих, подобных себе. Мой дядя, например (его тоже зовут Логвином), первый ученый планеты, председатель Академии Светил, которые определяют пути развития общества, а же — никто. Почему? Потому что мой дядя имеет выдающиеся способности, а же не нашел настоящего дела до сих пор. Но продолжаю мысль. Человек создавал блага быстрее, чем совершенствовался сам. Для иллюстрации два примера. В седой древности Европу и Азию сотрясали монголы. Они катились лавиной и сметали на своем пути все живое. Они завоевывали, покоряли и убивали без всяких моральных принципов, они были сильнее, вот и все. Спустя века появился Гитлер. Монголы имели в своем распоряжении огонь и стрелы, Гитлер имел пушки, пулеметы и газовые камеры. Суть этих сотрясателей была одна: я сильный и, значит, прав. Они опирались на темные стороны человеческой натуры. Вождь без масок — ничто. Не так ли, Голова?

— Скорее всего так...

— Вождь взывал: «Бери, пользуйся результатами чужого труда, ты сразу станешь богатым и счастливым, ты будешь Хозяином, остальное — дым и химера». И ведь шли за таким вождем, с жадной легкой наживы, с надеждой на власть, на исключительность положения. А почему опять? Потому, Голова, что человек имел скудный духовный багаж. Человечество всегда делилось на людей хо-

роших и на людей плохих, добро всегда вступало в конфликт со злом. Эта война не имела конца, катастрофы рождали кратковременное равновесие сил, и все начиналось сначала. В итоге человек мучительно медленно поднимался по шатким ступеням к вершинам собственного «я», к идеалу, если хочешь. То был трагический путь, и не раз перед нашими пращурами разверзалась пучина, не раз судьба всего живого висела на волоске, особенно в эпоху атома. И все крутые повороты в судьбе народов, все беды и печали заложены были в самом характере человека: если ты жаден, допустим, или чрезмерно честолюбив, ты должен оттолкнуться от пирога других, чтобы нажраться самому или непременно занять господствующее положение, чтобы попирать ближнего своего. И государства часто отражали характер своей элиты. Тебе понятно, Голова? Однако постой: кажется, заговорил брат мой, великий лжец Скала. Послушаем, это забавно.

Глава седьмая

1

Скала начал так:

— Вы спросите, о почтенные отцы, с кем я пришел и кого привел? Вы спросите, о почтенные отцы, где я встретил этого неизвестного? Для начала понюхайте меня.

В микрофоне раздалось сопение. Скалу нюхали основательно и по очереди.

— Разве мертвые пахнут так, отцы? — осведомился Скала вкрадчиво. — Только вы, о мудрые, знаете, как пахнут злые духи. И как же они пахнут?

— Не так они пахнут, — вразной и неохотно ответили мудрейшие.

— Я принес запах пены из дома пришельца. Этой пеной очищаются от скверны. Я очистился и воспарил. Я теперь безгрешен, и все, что скажу дальше — святая правда. Говорить, о мудрейшие?

— Мы здесь.

— Вам известно, что втроем мы пошли за соком Белого Цветка. Мы не спросили вашего соизволения, но нам хотелось, чтобы

Пророк, испив малую толику сока, вспомнил бы Истины, записанные Большими Желтыми Людями. У нашего Пророка в памяти — дыра.

— Разум Пророка — выше облаков, уста Пророка — родник неиссякаемый! Тебе об этом неизвестно, воин?

— Мне известно про то, отцы, но жить с одной Истиной — скучно.

— Замолчи, отступник! Мы бросим тебя в костер и пепел твой развеем возле смрадной норы киня, мы вырвем твой язык! Нам хватает одной Истины.

Ага, попржижали старички брата моего! Не надо наглеть. Мудрецы — народ консервативный, кроме того, они ведь защищают Устои, а без них нет порядка. Зарвался брат мой, зарвался!

— Мне известно про то, отцы, от Пришельца: он сказал насчет сквозной дыры в голове Пророка, разум которого — выше самых высоких облаков, а уста его — родник неиссякаемый.

Эвон как повернул, смерд лукавый! Не помню, чтобы я так нелестно говорил насчет главного идеолога. Убей, не помню! А вообще-то слова в моем стиле.

— И почему ты не убил его?

— Кого, отцы?

— Пришельца?

— Кто из нас убивал киня? Ты Главный Воин (и то было давно) попал копьем ему в глаз (никто этого не видел), но все слышали, что глаз лопнул со звуком, подобным грому. Пришелец — сильнее десяти киней, и он бес- смертен.

— О!

— И он брат мой! Он сам пожелал назваться братом и сказал: мне нужен оруженосец, и я выбираю тебя, Сын Скалы, потомок вождей и совершатель великих подвигов.

— Какие же подвиги ты совершил?

— Я с товарищами своими добыл сока Белого Цветка. Однажды (это было ночью) я простоял на ухах до утра, испытывая терпение и мужество. Уши мои болели, но я пел песни. А еще однажды (это было тоже ночью) я ударил копьем оземь, и копье мое проткнуло Синюю, как гнилой плод, и конец копья возник у моих ног!

— О!

Все ясно: дальше ушлый парень будет шпарить наизусть письмо, посланное Вездесущему, использует текст до последней строчки — у него хорошая память.

— Голова, так продолжим наш разговор. Ты слышишь речь аборигена?

— Слышу.

— Ложь его — типична, она порождена скудностью жизни. Вот он сейчас врет, брат мой, по необходимости, по ритуалу, и больше — из любви к искусству. Ложь его оценивается соплеменниками больше как литературное произведение — ведь каждый из тех, кто сидит у костра, знает, что может человек в принципе и чего не может. Ложь безобидна до тех пор, пока она не становится оружием власти. Но то — к слову. Вернемся немного назад. Итак, я понял, что совершенствование человека — бесконечно, как бесконечна все- ленная. Мне говорили мои друзья: — Мы достигли высшей точки совершенства и всегда отныне будем стоять на вершине. Я возражал: — С вершины можно подниматься на другую вершину или же спускаться вниз. Стоять на месте вредно: мы зачахнем, мы устанем, не имея цели. Мы погибнем! — Надо мной смеялись. Я же говорил еще: — Наш долг — искать братьев по разуму и помогать им, если они слабее нас, учиться, если они сильнее нас. Нам нужны испытания, сопротивление и главное, повторяю, нужна цель. Я отверг образ жизни типичного землянина и держал себя в черном теле — был погонщиком коней, охотником, егерем заповедника. Я построил себе дом в тайге, сам выращивал овощи, питался тем, что давало мне мое поле. Некоторые считали, что психика моя надломлена, другие сочувствовали моим неудачам, а женщина, которую я любил, — жалела. Потом ей надоело жалеть, и она ушла. Лишь дядя мой, Логвин-старший, не смеялся над моими заблуждениями, не сочувствовал и не жалел, потому я и здесь. Все, Голова, на сегодня. Хватит. И пора спать.

— Спокойной ночи, Логвин-младший.

— Спокойной ночи, Голова.

В кабине прозвучал колокол тревоги. Он включается в том случае, когда компьютер танкетки не может принять решения. Я открыл глаза и увидел за стеклом перекошенное лицо Скалы. Вид у него был весьма потрепанный, он плющил нос о стекло, коровьи глаза его были вытаращены, будто кто-то сзади давил брата за горло. Парень, ясное дело, не спал ночь — витийствовал. И напереживался к тому же. Я нажал кнопку в изголовье, дверь отошла, и Скала, разламываясь, точно плохо склеенная кукла, пополз на карачках и ткнулся головой мне в живот. Я отстранил его и встал с ложа.

— В чем дело, уважаемый?

— Прости, брат! — Скала поднялся с колен и молитвенно сложил руки возле горла. — Беда, Пришелец, беда!

— Ты будешь объясняться толком?

— Вырви мое сердце и отдай его птицам — я виноват!

— Понимаю: нагородил старикам сорок бочек арестантов, теперь представить себе не можешь, как выворачиваться?

— Я сказал: Пришелец — сотрясатель, содрогатель и стиратель, он принесет в деревню Камень, на котором записаны Истины, он согнет в дугу киня, он закроет ладонкой, если захочет, конечно, созвездия Трех Братьев, он друг Вездесущего и Неизмеримого!

— Что касается Вездесущего, ты явно загнул — на «ты» с ним я еще не общался: высоко сидит, он не моего ранга гражданин. В остальном же так и есть — приволеку я вам Камень. И киня убью, но как-нибудь потом, я не люблю убивать. Что еще?

— Я воспаряю, брат мой: ты даешь мне надежду жить, но я еще сказал от твоего имени, что у нашего Пророка в голове дыра и что иметь лишь одну Истину в запасе — скучно.

— Ты правильно оттенил этот важный момент, друг. Но ведь то — не мои слова?

— Не твои. Я наврал.

— Вот именно. И что же ответили старики?

— Они ответили: он оскорбил нас и пусть

несет наказание, мы, ответили, забьем его грязный рот песком, чтобы ни одно хулительное слово о Пророке не гневало нас больше.

— Суровый приговор. Но как же они забьют мой рот песком, брат? — Мне стало немного грустно, что с самого начала возникают непредвиденные сложности. Надо будет, видимо, пугать здешнюю публику, а это не входило в мои планы. — Язык твой — враг твой, брат мой Скала!

— Это так. Ты простишь меня, Хозяин?

— Я тебя прощаю.

— Буду слугой твоим до последнего дыхания, Хозяин! А мы победим?

— Мы обязательно победим!

— Ты бог или человек, Пришелец?

— И бог, и человек.

— Так не бывает! — Скала осторожно сел на водительское кресло. Вид у него был квелий: он верил мне и не верил. Ему очень хотелось, чтобы я был богом и мог все. Я и могу почти все, но я человек. Ему того не понять пока. — Так как же они накажут меня, Скала? Есть хочешь?

— Накорми. А времени у нас мало.

Скала ел жадно, речь его была тороплива и невнятна, но «лингвист» переводил.

— Когда мы жили у воды, которая нигде не течет, лишь качается, мы были многочисленны и сильны.

— Слышал уже.

— Мы воевали и искали сражений. Когда мы уставали от войны, мы кричали врагам своим: — Выставляйте богатыря, у нас есть богатырь, и пусть они сражаются до пота. Сильный победит, слабый заплачет, как старуха. И мы посмеемся над слабым.

— Разумно.

— Наши старики отбирали у женщин новорожденных и растили из них силачей. Не все новорожденные годились для такого дела. Младенцев никто после не видел — они воспитывались отдельно. Наши силачи всегда побеждали, они ломали врагов, как сучья, и множили славу народа. Скоро старики крикнут тебе, Пришелец: — Выходи бороться, и мы посмеемся над твоей немощью! Они выставляют против тебя силача.

— И когда они крикнут?

— Скоро. Я приду за тобой. Ты боишься?
— Нет, не боюсь.
— Мне страшно, брат: наши богатыри, как гласят предания, никогда не падали наземь.
— Возвращаясь к старикам, скажи им: «Пришелец сердит, но он чтит обычаи народа и готов к любым испытаниям».
— Я запомнил.
— Ступай.

3

Мы поднялись на лысую верхушку холма. Скала трусил впереди вяло и немощно, у него от страха подгибались колени, он выл и паралично потрививал головой, предчувствуя наш смертный час. Я не утешал его — пусть потрясется, меньше языком будет работать: втравил, понимаешь, в историю и поет еще, на нервы действует.

— Здравствуйте, люди! — крикнул я, и «лингвист» разнес мои слова окрест.

На скате холма, сбегающего к деревне, была вырыта круглая яма, посередине ямы на столбах стояла корзина, и в ней лежало яйцо величиной с бочонок средних размеров. Сквозь кожуру яйца, пеструю, как речной камень, просвечивало желтоватое нутро. Из ямы торчали лысые головы стариков, дальше и ниже, у стен деревни, полукругом собрался народ. Впереди — воины, за ними — стар и млад. Лепестки маковицы в центре городища были раскрыты, и там тоже маячили зрители.

— Там — Пророк! — шепнул Скала со всхлипом и тычком упал на колени. — Падай и ты, Хозяин!

— Встань! — громовым голосом приказал я. — Ты мой оруженосец и состоишь под моей защитой. — Слушай, племя! Я пришел с миром, с миром и встречайте. Хотите войны, не будет вам от меня пощады. Я — сотрясатель и содрогатель, и горе врагам моим. Я все сказал и слушаю.

Из ямы выкарабкался тощий старик и, опираясь на копьё, сделал несколько шагов в мою сторону.

— Главный Мудрец! — шепнул опять Скала из-под руки, не поднимаясь с колен. — Он

живет под землей и редко кажет свой лик народу.

— Ты встань.

— Не встану, боюсь!

Я слегка поддал ногой под зад брату моему, он пробороздил с пяток метров по песку и поднялся, ошеломленный, потирая зад ладошкой.

— Встань рядом и замри, не то откручу твою кудрявую голову. Ну!

Подействовало: встал рядом и замер, выпучившись.

Главный Мудрец напоминал макаронину, с которой вяло свисали руки, макаронины потоньше. Кадыкастую шею венчала голова с плоским и кривым носом. Взгляд старика был суров и пронзителен. Этот папаша, похоже, не ведает жалости, и сердце его высохло вслед за телом.

— Внимай ты, который будто бы сотрясатель и будто бы содрогатель! наших следов давно нет у синей воды, и нет наших следов на горных тропах. Может, ты явился оттуда, чтобы сквитаться с нами за старые обиды? Или ты пришел с неба, чтобы умереть лицом к звездам? Нам все равно, кто ты. Мы покинули Родину и забыли вкус рыбы, но мы не разучились побеждать. Ты один, и ты будешь драться насмерть с нашим удалцом. Ты оскорбил Пророка, сказав, что у него пусто между ушами, там, где Вездесущий и Неизмеримый помещает разум. Нам хватает одной Истины, произносимой Пророком на восходе солнца. Уста Пророка — родник чистый и неиссякаемый. Пророк не может ошибиться, он видит во сне Вездесущего и Неизмеримого. Пророк — небесный дар, ниспосланный нам. А кто ты такой?

— Я из племени, живущего на звездах, я с миром к вам. Я научу вас жить без страха и без врагов. Мой народ живет так.

— Нам не надо чужой мудрости, ты будешь драться или покинешь нас, осмеянный. Мы не разучились побеждать, и в честь победы мы напьемся влаги из яйца киня. Эта влага веселит, и в ней голоса предков.

Я понял, что слова здесь пусты.

— Зовите вашего силача, и я вгоню его в землю по самую макушку!

Скала шепнул:

— Произнеси заклинание!

Я произнес заклинание:

Бабушка козлика очень любила,
Бабушка козлику трусики сшила...

— Хорошее заклинание, брат мой, оно их напугает. Они не знают такого заклинания!

Не похоже, чтобы они напугались: воины опять потрясли копьями, толпа зароптала, а тощий старик распластал руки, точно Христос, прибитый гвоздями к кресту, и закричал пронзительно. Это была, наверно, песня войны или что-нибудь в этом духе. «Лингвист» не смог перевести текст, Скала же опять вознамерился пасть на колени.

— Смелее, брат мой и воитель — бог не выдаст, свинья не съест, как говаривали наши славные предки.

— Он произнес заклинание Первой Ступени!

— И что оно значит?

— Ты погибнешь! Я — тоже.

— Я жду! Где ваш воин?

— Он здесь!

Наконец-то я увидел своего противника, он прятался в яме среди старцев и выскочил оттуда, как пробка из бутылки. Это был дюжий малый и, похоже, другой расы: кожа его была светлей, чем у деревенских, голова — котлом и широкое лицо свирепо расписано. На шее богатыря трепыхалось ожерелье из корней какого-то растения, в правой руке он держал шишковатую палицу. Я сразу определил, что этот малый, несмотря на свирепый вид, ребенок передо мной, он слаб и медлителен, вдобавок боится меня.

— Не трогай ожерелье! — шепнул Скала. — Оно ядовитое.

Сквозь яркую — зеленое с черным — раскраску глядели на меня незлые карие глаза.

— Старик, что будет с вашим удальцом, если он будет повержен?

— Мы прогоним его прочь!

Что ж, приемлемо.

Воин шел на меня сторожко и пыхтел, наливаясь яростью. Так он обучен устрашать. По всем правилам у меня сейчас должны затрястись поджилки, но я смеялся и ласково

манил удальца к себе. Жест дразнил его, он отвел правое плечо, и палица со свистом полетела в мою голову, я перехватил ее в воздухе и запустил с озорной силой в сторону деревни, она промчалась над головами изумленной галерки и ударилась о столб, державший маковицу с дозорными и Пророком. Столб качнулся, из маковицы кто-то вывалился, слышно ударившись о листья стены. Наступила мертвая тишина.

— Эй, подайте парню оружие! — приказал я.

Супротивнику моему принесли копьё, но и оно, перехваченное на лету, ударилось о столб вскользь, отскочило прочь и воткнулось в песок, покачиваясь. Публика застонала, старики ужали в яму свои лысые головы. Одним прыжком одолел я метры, разделяющие нас, схватил удальца за ноги, согнул дугой, побежал с ношей в сторону ямы, остановился на ее краю, заметив мимоходом, что почтенная элита лежит на дне пластом. Я пробежал по твердым, как доски, спинам и посадил задом славного рыцаря на яйцо киня. Не посадил, а воткнул. Скорлупа лопнула, лицо мое окропило липкой жижей, следом со змеиным шипением ударил в нос такой гнилой дух, что я еле устоял на ногах и, стараясь дышать реже, кинулся назад быстрее лани. «Яйцо-то тухлое!»

Скала на взгорке дрыгался, будто его поставили на красные уголья — он торжествовал, пил полным горлом сладкое вино победы, но пил он его недолго: как только до брата докатился дух тухлого яйца, он захлопнул рот со звуком, какой издает камень, упавший в воду, изумленно глянул на меня и с раздрающим сердце воем кинулся в сторону танкетки, отбрасывая ногами струйки песка. На его шее болтался «лингвист». «Расколтит аппарат! — загоревал я. — Обязательно ведь расколтит!»

— Эй, попридержись, дорогой!

Скала не слышал меня и скрылся в кустах. Я пересилил себя и досмотрел происходящее до конца.

Яйцо шевелилось в корзине, будто живое, и упало в яму, оттуда тараканами поползли старики, народ у деревни смелб единым ма-

хом — зрители рекой втекли в ворота, листья на стенах возделались и упали на перекладыны, городище опять закрылось шапкой, готовое встретить бедствие со стойкостью. Старики шевелили мослатыми лопатками — ползли домой, втыкаясь головами в траву, чтобы отдышаться; малое время спустя из яйца вылез, облепленный скорлупой, силач. Невезучему молодцу суждена была горькая доля изгоя. Он, спотыкаясь, поплелся куда глаза глядят, наобум — позор народа, его бесславье. Я показал страдальцу путь к реке:

— Тебе срочно надобно отмыться, уважаемый!

Силач вдруг остановился и робко оскалился: давай, мол, если хочешь, сразимся еще? Я, сглатывая тошноту, тумаками погнал этого недотепу к воде и приказал танкетке поспешать за нами.

Глава восьмая

1

— Как тебя зовут? — Я искупался и лежал на поляне, подстелив под себя одежду: здешняя трава была тверда и упруга, как проволока.

Силач, с которым я час назад состязался в удали молодецкой, сидел в речке, из воды торчала лишь большая его голова. На толстых щеках героя смешались краски, и лицо потеряло свирепость — парень казался даже каким-то домашним, похожим на повара или на доброго родственника. Скала сидел на корточках у бровки берега и наблюдал с любопытством за соплеменником.

— Как тебя зовут? — повторил Скала. — Хозяин спрашивает?

Увалень молчал — он не смирился с позором и страдал, униженный. Что ж, я ему даже сочувствовал.

Скала покачал головой со снисходительной укоризной:

— Он дурак, Хозяин. Сильный, а дурак. Старики отбирают дураков. А где ты жил, толстый? Я не знаю, где вы живете? И никто не знает, где живет племя дураков.

— Дай ему мыла, Скала.

— Не дам я ему мыла, самим не хватит.

— Хватит.

— Не хватит!

Пока мы пререкались, силач вылез на берег, медленно разгребая коленями тугую струю, ни с того ни с сего схватил Скалу за горло и начал душить, пригибая. Брат мой захрипел, глаза его округлились, и в них был ужас. Я ударил силача кулаком по затылку, поднял его (это было уже лишним) и бросил. Обмякшее тело покатилося вдоль берега. Укачилось оно далеко, ударившись о песок с хлюпающим звуком. Меня окатило жаром от мысли, что совершено убийство и что душа моя осквернена до конца дней. «Неужели я способен убить? Неужели!» Скала повалился на колени, держась руками за горло. Ему было туго. Я осторожно пошел вдоль среза воды, присел возле бездыханного тела. Силач лежал, раскинув руки, на его губах пузырилась пена, лоб пожелтел. Я пощупал пульс, он прощупывался редко и едва различимо. «Вот хорошо! Груз ты великий снял с меня, парень! Очухаешься, ты крепкий. А зачем ты такой коварный и нечестный?»

В нашу сторону, пьяно качаясь, шел Скала и волочил по песку копые.

— Куда?

— Я добыю дурака, Хозяин?

— Нет.

— Почему?

— Все люди — братья, друг мой.

— Ты тоже дурак, Хозяин!

— У тебя разве нет друзей, Скала?

— Есть.

— Пусть и этот, — я показал на бездыханное тело, — будет тебе другом. Потерпи.

— Я добыю его!

— Ты хочешь лечь рядом с ним?

— А ты разве бросишь меня так же, как его?

— Я брошу тебя дальше, потому что ты хочешь убить беззащитного!

Скала с опущенной головой вернулся к танкетке и подчеркнуто аккуратно прислонил к ее гусеницам свое копые.

Мы обедали, когда силач зашевелился, — он пытался подняться, но руки его подламывались. Наконец упрямец одолел себя и, спо-

тыкаясь, стал удаляться вдоль реки, все убыстряя шаг, потом припустил бегом и скрылся в темном кустарнике.

— Голова!

— Слушаю.

— Возьми под свое крыло этого парня, который убегает, он отвергнут и в печали.

2

Деревня была «под шапкой» и встретила нас молчанием. Чувствовалось, угадывалось, что за нами наблюдают десятки глаз.

— Открывайте! — весело крикнул Скала. — Пришел Хозяин. Он добрый, и у него много вкусной еды. Он хочет жить с нами, пока не надоест, он полюбит нас, если будет возвышен.

Ни звука, ни шороха. Мне казалось, что я слышу за стеной, отделяющей нас, натужное сопение.

— Вы видели: Хозяин бросает силачей, вскормленных яйцом киня, будто камешки. Он содрогатель и сотрясатель!

Никакого впечатления!

Я позвал танкетку и велел выстрелить лазерной пушкой по маковице. Пушка ударила издали, из-за рощицы. За нашими спинами, нарастая, возник ноющий тонкий звук, и маковица повалилась словно цветок, срезанный ножом.

— Он может сейчас же сделать большую дыру, и в ту дыру провалится наша деревня! — закричал Скала. — И в ту дыру вам суждено, глупые, падать вечно.

Демонстрация силы, как я и предполагал, действовала незамедлительно: листья начали подниматься, и я увидел столбы, вкопанные глубоко и соединенные сверху толстыми жердями. На поперечные жерди и привязывались листья, составляющие нечто вроде лат, какие надевали когда-то рыцари на нашей старой и доброй Земле. За первым рядом столбов была еще стена, закрытая наглухо. В про свете же, открытом перед нами, не наблюдалось ни одной живой души. Я дал знак Скале, чтобы он оставался на месте, сам же осторожно шагнул вперед. Встретили меня копы, они летели густо и со свистом. Я увернулся от

смерти играючи, но Скала сзади застонал и тело его слышно стукнулось об утоптанную дорогу.

— Голова, займись братом моим!

— Тебе грозит опасность, Ло!

— Займись братом, говорю!

— Есть.

Мне нельзя было оглядываться, я успел скатить со столбов жердь и, ослепленный яростью, рванул в полутьму круглого коридора, сминая по пути теплые и твердые тела. Я кричал иступленно:

— Индейцы твердолобые! Не хотите мира, получайте войну!

Меня давило отчаяние: я понял, как дорог сердцу моему лукавый ребенок, брат мой Скала. «Неужели они погубили его?» В коридоре слева обозначился просвет, последние метры были преодолены с бешеной скоростью, в грудь ощутимо бился ветер с запахами раздолья. Несколько позже я догадался, что сделал круг по внешнему обводу городища и вернулся туда, откуда начал свою бестолковую атаку.

Скала лежал на бугорке неподалеку от главного входа, когда я нагнулся над ним, он вяло открыл глаза — влажные и затуманенные болью.

— Что с тобой, друг?

— Переверни меня на живот, Хозяин.

На спине парня, ниже правой лопатки, кровоточила рваная рана: он все-таки успел увернуться, и копы ударило вскользь. Это не смертельно, слава судьбе! Я взял раненого на руки и побежал к танкетке.

3

К вечеру брат мой запел песни. Он ел абрикосовое варенье, выплевывал косточки в горсть и блаженно жмурился. Абрикосовое варенье принесла на космодром любимая мною женщина. Она не печалилась, когда мы расставались, она смеялась. Ей представлялось, что лечу я ненадолго, и потом, она не имела понятия, как нам быть дальше? Я был забавен ей поначалу, потом же наскучил по той причине, что был однообразен в своем упрямстве.

— Ты станешь вспоминать обо мне? — поинтересовался я.

Она не умела лгать и рассеянно пожала плечами:

— Наверно... Ты вернешься, и я сварю тебе абрикосового варенья. Ты же так его любишь!

Я его ненавижу — слишком оно сладкое.

Космодром был затоплен людьми. Сплошь лица, они белели, чернели, желтели над бетонным полем, как плоды, как обильный урожай моей Земли. Было много цветов, но не было радости: над всеми довлела мысль, что встреча, если она состоится, будет только через века. Может статься, эта встреча будет уже на другом поле. И другие цветы принесут сюда? Многое не суждено нам знать и предвидеть.

Я сказал женщине:

— Прощай, Наташа.

— Прощай, Логвин.

— Я жду напутствия.

— Сделайся таким, как все, и заживешь счастливо, Логвин.

— Попробую...

Мы присели перед дальней дорогой на столбик ограждения, сквозь который была продета черная цепь. Столбы и цепи через все необъятное поле. Это — граница, и через нее посторонним ступать запрещено. Корабль стоял далеко, у самой черты горизонта, и отсюда, охваченный радугой, светился лишь его острый нос с оранжевым отливом. Я думал о том, что никогда больше не увижу ее, что я умираю, но умираю, обремененный памятью, и память та пойдет за мной по пятам, во мне станут жить два существа, резко разделенные, как это взлетное поле, черной цепью. Старая, земная память, ничем уже не пополнится с той самой минуты, когда корабль с жалобным ревом оторвется от бетона и унесет меня в другой мир, где начнется другая память, новая.

Мы присели перед дорогой, и у нас не достало слов сказать самое заветное.

— Прощай, Наташа! Прощай, Земля.

...Я лежу в танкетке, уставясь в макушку

прозрачного купола, и меня терзают недобрые мысли.

— Скала, как ты думаешь, многих я там покалечил?

— Где?

— В твоей деревне?

— Я не видел.

Брат мой доседает третью банку варенья и поет. «Лингвист» переводит: «Я сказал ему: «Человек, у тебя есть дочь. Разреши, я приду к ней темной ночью, и мы поладим. Ты говоришь, я ничего не умею делать? Правильно, я ничего не умею делать. Предки мои копали землю и выращивали вкусные корни, но поля наши отобрал зеленый пар. Я молод и всем подчинен. Один день меня посылают собирать хворост для костра, другой день я собираю жерди для ограды, третий — таскаю на плечах слабых и старых. Меня пинают все, кому не лень. Но я умею, отец, то, чего не умеешь ты: я могу делать детей в большом количестве. Пусти к своей дочери ночью, и ты убедишься, что я не вру. Не пустишь? Тогда спи крепко, я найду твою дочь в темноте, потому что она мне нравится. Я найду ее, если ты будешь крепко спать...»

С этим парнем не соскучишься!

— Скала, какие наши планы?

— Ты не печалься, Хозяин, они явятся сами, чтобы просить тебя о мире.

— Кто явится?

— Старики.

— Не верится что-то.

— Я могу съесть все ягоды, брат?

— Ешь на здоровье, только не лопни.

— Я не умею лопаться. Ты успокойся, сейчас Скала сбегает за соком черного дерева — сок помогает убрать печаль.

Опять я пил странный напиток, глотал пахучую мякоть, впадая в забытие. И видел снова огромную сосулину, внутри которой мельтешили острые блики, видел женщину в проеме окна, протягивающую руку навстречу мне. Глаза ее, голубые, зовущие, спрашивали: «Почему душа твоя туманится?»

«Я жесток и неумен».

Она ответила: «Терпи, страдай, да снизойдет к тебе покой».

Три дня мы прожили в тишине.

Мы были у черного дерева, и я изложил Скале лук, подзапасся на всякий случай стрелами. Я был разбит, вял и задавлен переживаниями, мне все чудилось, будто со стороны деревни доносятся стенания раненых, плач женщин и детей. Скала, брат мой, стрелял из лука по мишеням, и всякий раз, когда попадал в цель, всплывал, бил себя кулаком в грудь и требовал громкой похвалы. Я гладил его по голове:

— Ты великий воин!

— Я великий, конечно, но никогда не стану таким, как ты.

— Может, и станешь. Со временем. Кстати, сколько тебе лет?

Он не понял моего вопроса, пришлось долго толковать ему, что срок жизни измеряется, как измеряется, допустим; высота дерева или длина пути от места охоты до деревни. Скала задумался и ответил спустя несколько минут:

— Про то знают старики, обитающие под землей.

Теперь я не понял. Оказывается, посреди городища есть отверстие, куда спускаются старики и живут там, поднимаются они на свет божий лишь в исключительных случаях, когда, скажем, в яму бросается мало еды. Оттуда же, из подземелья, поднимается по полному столбу Пророк, чтобы прокричать Истину. Иногда старики посылают еще силачей, чтобы наказать виновных. Отступников и бунтарей силачи часто забирают с собой, и назад никто еще не возвращался. Забирают они и самых красивых девственниц.

— Они идут, Хозяин.

— Кто?

— Воины.

Вот еще одна загадка. Ума не приложу, как этот малый чувствует и безошибочно угадывает (я успел в том убедиться) ход событий? Не носом же и не ушами он чувствует шаги и голоса. Приборы танкетки еще молчат, а брат мой уже в курсе событий. Удивительно! Но пусть загадки разгадывает могучая Голо-

ва — для того она и предназначена, у нас же сегодня другие цели.

Над кабиной танкетки замигало сигнальное устройство, предупреждающее об опасности: внимание, близко люди!

— Отставить тревогу.

— Ты разрешишь мне, Хозяин, говорить с ними?

— Разрешаю.

— Ты спрячешься в свой дом, Хозяин. Они тебя будут бояться.

— Хорошо.

Я отвел танкетку в густые заросли, поставил ее так, чтобы не терять из вида Скалу, сидящего на земле в очень важной позе. Брат мой закаменел, профиль его был высокомерен, одна рука, правая, царственно лежала на банке с вареньем из голубого пластика, другая держала копье. Чуть в стороне и на заметном месте лежал лук и колчан со стрелами. Всякая фамильярность в обращении исключалась заранее и решительным образом.

Аборигенов было трое. Они долго стояли в отдалении и поочередно смотрели на Скалу из-под руки, звали его с униженной робостью, но брат мой не шелохнулся. Тогда трое, будто по команде, упали на песок, остаток пути преодолели на четвереньках и смиренно легли у ног соплеменника своего, сделавшего за последние дни головокружительную карьеру.

Последовало долгое и томительное молчание. Я видел, как покрылись потом спины молодых воинов. Наконец Скала разомкнул губы:

— Вы можете даже сесть.

Делегация не преминула воспользоваться добротой, и воин с длинным, похожим на тыкву лицом заговорил торопливо, прищелкивая языком и качаясь, словно от зубной боли:

— Сын Скалы, разве ты не помнишь, как я ходил с тобой за нектаром Белого Цветка? Тогда ты называл меня другом? Почему же теперь не узнаешь?

— Я узнал тебя. Ты, кажется, тот, что родился, когда твоя мать собирала червей?

— О! Вспомнил!

— И тебе дали имя Червяк Нгу?
— О! Вспомнил!
— Неудачное дали тебе имя.
— Неудачное, ты прав. Как же называть тебя?

— Как и раньше — Сын Скалы из клана вождей. Это имя овеяно подвигами, которые не выпадали никому и никогда.

— Не выпадали. Никому. Никогда! — хором повторили воины и закачались, кланаясь.

— С нами за нектаром ходил Рожденный на Мягкой Траве. Почему он не пришел?

— Его взяли старики в яму с собой, чтобы наказать за ересь.

— Почему тебя не взяли, Червяк Нгу?

— Я дрался и убежал. Наше племя будет жить, Скала? Дети и старухи будут жить?

— Ты тороплив, как женщина, Нгу!

— Прости.

— Я решил угостить вас пищей особого свойства. Это — подарок Вездесущего и Неизмеримого.

— О-о!

Скала споровисто распечатал варенье («Какжется, последняя банка?») и протянул каждому в горсти по янтарному плоду, а сладость слизал с руки, сопя носом, взял из банки абрикос сам и выплюнул косточку в ладонку.

— Делай как я! — приказал брат мой и разбил косточку камнем, вынул зернышко и съел его, закатив глаза от наслаждения.

— Эту пищу можно есть дважды! — закричал Нгу, пораженный. — И дважды было вкусно. Никогда я не пробовал ничего подобного!

— Ты никогда больше и не попробуешь! — отрезал Скала и убрал банку с абрикосами за спину.

— А нельзя ли, Великий Сын Скалы из клана вождей, что осталось, положить обратно в сосуд и получить пищу снова такой же сладкой и такой же целой?

— Ты тороплив, как женщина, Нгу! Червяк Нгу.

— Прости, Великий.

— Я прощаю. С чем пришли?

— Расскажи, где был и что видел?

Спрашивал, почтительно клонясь, Червяк Нгу. Двое других, одинаково круглолицые, не-

выразительные, были, судя по всему, лишь статистами и не имели права голоса.

— Я могу рассказать о том, где был и что видел, до сезона дождей.

— А где тот, которого ты привел? — шепотом осведомился Нгу, оглядываясь.

— Он вознесся. Временно. — Скала показал пальцем на небо.

— И зачем он вознесся. Временно?

— Советуется с предками, как наказать племя Изгнанных за дерзость и непослушание.

— О! Виноваты старики, Великий, ты же знаешь! Ты скажи ему, тому, кто упал с неба, что старики бросили племя и спустились в яму. Они надеются, что под землей их не достанет месть. Скажи ему: мы покоряемся.

— Скажу.

— Он тебя послушает?

— Он — брат мой!

— О! Здесь нет девственников и стариков, Сын Скалы, можно и не врать.

— Ты мне не веришь!? — Оруженосец мой поднялся, свалив ногой банку с вареньем, схватил копьё и нацелился его острием в грудь Червя Нгу. — Я проткну тебя, нечестивец! Копьё мое пройдет сквозь твою грудь, как сквозь воду.

— Я тоже воин и умею драться, лгун Скала!

— Поднимайся, и мы будем драться!

Я переключил «лингвиста» на другой канал и закричал во всю мощь своих легких:

— Прекратить скандал!

Червяк Нгу упал плашмя, смаху, наземь и прикрыл затылок руками, двое сопровождающих воткнулись головами в песок, уныло выставив зады. Скала с неудовольствием посмотрел в мою сторону и положил копьё возле ног.

— Подними варенье, друг, — сказал я еще и уже не так громко. — Это последняя банка.

Когда брат мой увидел опрокинутое варенье, он завыл и со всей силы ударил Нгу кулаком промеж лопаток, расторопно встал на колени, вытянул губы трубочкой, собрал языком лужицу сиропа, абрикосы же с благоговейным тщанием сложил в посудину, которую тут же отнес на взгорок, поставил ее так, чтобы она

была заметна издали, и лишь потом решился продолжать разговор.

— Ты слышал ЕГО голос?

Нгу не ответил, только крепче вжался в землю, двое сопровождающих не подали признаков жизни.

— Ты слышал голос, отвечай, Червяк Нгу! Или страх заткнул твою поганую глотку, так легко произносящую непотребные слова? Отвечай!

Задавленный страхом малый пробубнил едва слышно, не поднимая головы.

— Я слышал.

Скала обратил лицо к небу и прокричал пронзительным голосом:

— Хозяин, изложи свою волю!

— Излагаю: те, что из племени Изгнанных, пусть возвращаются в деревню.

— И пусть ждут, да?

— Пусть ждут.

— Пусть ждут и молятся о спасении, да?

— Пусть молятся о спасении, и я явлюсь.

3

Я хотел явиться в тот же день, но Скала резонно заметил, что посланнику неба спешить несолидно. И лучше всего явление отложить до восхода или до заката: брат мой считал, что спектакль должен быть эффектным, иначе люди племени не проникнутся ко мне должным почтением. Я послушался мудрого совета, и мы подались в деревню, когда истаявала нетемная ночь. Долгожданная встреча произвела на меня гнетущее впечатление, поскольку мне стало очевидно, что народ Скалы доживает последние десятилетия, истощенный и уставший. Недалек тот день, когда тонкие руки старух разожгут в последний раз Огонь Племени. Я пришел вовремя.

Несколько слов об устройстве здешнего общества.

Живет в деревне «под шапкой» на глазах человек пятьсот-шестьсот. Я уже упоминал как-то о том, что городище построено концентрическими кругами. Внешнее кольцо, по которому я недавно гонял воинов, по существу точная канава, прикрытая тонкими жердями. Ума не приложу, как я в темноте умудрился

обежать этот чертов круг, не провалившись? В те рискованные минуты, как бывает нередко, тело мое было умней головы, теперь же, сопровождаемый почтительной свитой, я с великим трудом пробираюсь по шаткому настилу.

За воючей канавой обитает чернь и калеки. Если пользоваться терминологией, скажем, двадцатого века, когда модной стала наука социология, то второй круг населяла неквалифицированная рабочая сила. Некоторые жили семьями. Супруги ночевали в гамаках, подвешенных за верхние перекладины. Попасть в такие гамаки можно было с помощью веревочной лестницы. Дети и старики спали внизу на ковриках, сплетенных из сухой травы. Жалкое зрелище представляло собой это общежитие — запущенное и грязное.

Третий круг населяли собиратели корней, охотники и рыболовы, наиболее активная и здоровая часть деревни — человек двести. Здесь попадались на глаза матери с грудными детьми, попадались, хотя и нечасто, малые ребятишки. Жизнь и здесь протекала на двух ярусах: в гамаках и на утоптанной глине. Было тесно и смрадно.

Четвертый круг. Здесь обитали воины. Их было немного, от силы пятьдесят мужчин, и площади им вполне хватало. Убранство и обиход везде, за малым исключением, был почти одинаков, и я в полной мере удовлетворил любопытство. Пятый круг предназначался для холостяков, шестой населяли девственницы и охраняющие их старухи. Войти в эту запретную зону, признаться, не хватило духа. В тот час, когда я делал нечто вроде инспекторского осмотра, деревня пустовала, потому как все, и стар, и млад, собрались возле центрального столба слушать Пророка. Каждое утро ритуал повторялся неисчислимое количество лет. Народ, как выяснилось, хотел слушать и меня — народ желал знать, зачем я пришел и что принес: смерть или любовь, угнетение или помощь? Я не мог справиться с чувством жалости, переполнявшим меня, к этим униженным людям, способным, однако, еще надеяться на лучшее. Жалость эта была глубока, потому что я неизбежно соотносил ее со своей далекой и прекрасной Землей, с историей моей цивилизации, с моими предками, преодо-

левшими бесконечные муки на пути к благоденствию. Я думал: «Мы исследовали и, как могли, записали свою историю, но знания наши о прошлом бездуховны и академичны. Остались даты, остался перечень событий, но не слышны нам стенания праведников, сгоревших на кострах, не слышим мы рыдания матерей, потерявших на войне детей, не видим пламени, сжигающего добрые книги, не слышим свиста пуль, пронизывающих тела. Но ничего, я восполню часть огромной потери — принесу на Землю печальную хронику племени Изгнанных и еще раз докажу наглядно, что мы не имеем права без угрызений совести пользоваться достигнутым, мы просто обязаны вернуть прошлому хотя бы часть своего долга.

Глава десятая

1

Мы стояли толпой возле центрального столба и наблюдали, как поднимается солнце. Зрелище не столь эффектное, если сравнивать его с восходом на матушке Земле, но все-таки впечатляющее. На круглой площадке молча сидел народ, и лица, размытые сумерками, были обращены к солнцу.

Тем временем за горбинкой далекого холма незнатко очертилось темно-голубое пятно, оно выкатывалось толчками; пятно обегал, обволакивал туман, подобно тому, как ручей на перекате обегает валун. От солнца отстрелились два белых луча, пронзили плотную завесу во всю ширь горизонта. Еще два луча зажглись, еще... Солнце испускало белые стрелы теперь так часто и так много, что скоро возникло второе пятно, белое и с малиновым окаемом. Туман, словно вздыбленный конь, шевельнул гривой и опал во мгновение ока, покатился на нас, будто штормовая океанская волна.

— Хозяин! — сказал Скала шепотом. — Смотри наверх.

Я отпрянул от опоры и уставился на маковицу, открытую с одной стороны на манер театральной ложи, и глядел туда, пока в промежутке между листьями не показалось длинное

пергаментное лицо. Пророк был стар, морщинист, с острого его подбородка стекала небогатая борода. Был Пророк к тому же абсолютно лыс, и голова его напоминала рябое воробьиное яйцо. Старик с потугой открыл глаза, пронзительно черные и монгольского разреза. Сзади Пророка кто-то придерживал за плечи, я видел лишь мощные руки.

Народ, сидевший вокруг столба, кажется, не испытывал ни трепета, ни благодати. Я заметил, что кое-кто совсем отрешен от действия и занят своими мыслями. Пожилой воин, опираясь на копье, чесал щепкой ногу, парни пялились на девственниц, сидевших тесно и в окружении сердитых старух. На шее Пророка надулись жилы, глаза, закровянившись, вылезли из орбит, грудь поднялась, и он закричал так пронзительно, что у меня защеколало в ушах:

— Помогите слабым! Слабые — в яме.

Всё.

Листья на маковице задернулись, как занавес, я взялся за столб и опять почувствовал там шевеление. Внутри столба послышался шорох, будто горошина каталась там в сухом стручке: Пророк опускался в преисподнюю, чтобы подняться опять на восходе. Он, будто петух, исправно несет свою службу. Но где же смысл этого несложного спектакля? Как это все понимать?

— Тебя ждут, Хозяин.

— И чего они ждут, Скала?

— Слова твоего.

2

— Не падайте ниц, люди, — я принес мир! Я скатился с неба, чтобы научить вас добру. Наши страсти мелки по сравнению с вечностью, жизнь коротка и не создана для зряшной суеты. Чтобы понять это, надо иметь знания, способные дать вам пищу в изобилии и беспечальный досуг. Но для будущего надо поработать. Я не бог, но человек — такой же, как вы. Мой народ живет далеко отсюда, и мой народ послал меня сюда для работы. И я говорю: «Здравствуйте, братья!»

— Что нам делать теперь? — не поднимаясь с колен, крикнул пожилой воин, который

давеча, когда Пророк вещал Истину, чесался щечкой.

— Разойтись. Потом я скажу, что вам делать.

— Когда скажешь?

— Скоро.

— Ты вернешь нам Камень с Истинами? Ты можуч?

— Он вернет Камень с Истинами! — закричал сварливым голосом из-за моей спины Скала. — Он ответит нас к воде, которая нигде не течет и где наша Родина. Он могуч, и там, где он живет, другие обычаи — там мало говорят и много делают. Он могуч! Он прилетел сюда вместе со своим домом под названием Голова! Сейчас я попрошу Голову содрогнуть твердь. — Разбитной брат мой наклонился к «лингвисту» и зашептал: — Ты же знаешь меня, Голова, ты же любишь меня. Я — Скала, брат твоего Хозяина. Содрогни деревню, покажи свою силу!»

Я снисходительно улыбался: мозг, он трезвый, холодный и запрограммирован только на мои команды. Однако в следующую секунду я воткнулся головой в центральный столб и в голове моей нежно зазвенело. Сверху сыпалась какая-то шелуха, деревню окутала пыль. Из толпы кричали истошно:

— Не надо больше содрогать! Мы верим, что Пришелец — бог. Но зачем он выдает себя за человека? Мы верим!

Скала каким-то образом был поднят мною. Я сел, ощущая себя, страхнул с ушей труху и выволок за шею Скалу, брата моего, запыленного мусором:

— Содрогнул?!

— Содрогнул!

— Ты за дерзость еще поплатишься, друг! Голова!

— Слушаю, Ло.

— Если ты еще раз послушаешься этого парня, будешь отключен. Ты понял меня?

— Все ясно, Ло. Прости.

— Ты неисправен?

— Система в порядке.

— И ты начинаешь загадывать загадки!

— Прости, Ло.

— Прошу подняться, люди! — мягко сказал я.

Никакого впечатления: народ лежал, задавленный страхом. Скала шепнул, щекотно касаясь моего плеча губами:

— Крикни голосом, подобным грому.

Я крикнул так мощно, что откуда-то сверху опять посыпалась труха.

Подействовало. Зашевелились мои граждане и, подобно муравьям, без слов и команд каждый принялся за свою работу. Мое присутствие было лишним, и я крикнул еще:

— Мы уходим. Мы явимся завтра.

Опять никакого впечатления. Муравьи отключились от всего, что не касалось дела. Никто даже и не посмотрел вслед, клонясь. Холодность эта, признаться, обидела. На холме за деревней Скала, прихрамывая, догнал меня и сказал:

— Ты дурак, Хозяин!

— Зарываешься, однако!

— Ты дурак, Хозяин!

Брат мой давно напрашивался на легкую выволочку. Удар по загривку застал его в тот самый момент, когда он собирался растолковать популярно, почему я дурак. Парень кувыркнулся в воздухе, болтая ногами, и сел с маху на твердую здешнюю траву...

— Еще поучить вежливости?

— Я вежливый, не надо! Чуть глаза из черепа не выскочили, Хозяин! И все равно ты — дурак!

— Почему же?

— Ты плохо с ними говорил, совсем плохо! Зачем ты так? — Скала выпятил грудь, откинул голову и, кругло разевая рот, заорал: «Я не бог, но человек, такой же, как вы!» Зачем? Ты бог, и пусть они тебя боятся, в человека они копые кинут — человек смертен и грешен. В бога копые не кинешь — он карает.

— Я подумаю над твоими словами, друг. И не сердись.

— Я и не сержусь, Хозяин.

3

Ночь я не спал.

Я сидел у экрана гондолы и пробовал размышлять трезво и по порядку: наступал тот самый момент, когда легковерно полагаться

лишь на интуицию, нужен строго очерченный план действий. Никто не поможет мне найти правильное решение, даже премудрый искусственный мозг, лишенный души. «Как же мне быть дальше?»

— Где же теперь наш силач, Голова?

— Он не бедствует, он лучше подготовлен к одиночеству, чем другие. Показать его?

— Не стоит пока.

Я прилетел вовремя. Но как я помогу людям? Всякое грубое вмешательство, всякий диктат претят самой сути моей миссии. Племя сменит бога, только и всего. В седой древности у нас говаривали: «На бога надейся, но сам не плохай». Что ж, если исключить частности, я избрал верный путь. Я готов помочь им, но лишь в пределах собственных возможностей и не позволю за собой свои машины, не воспользуюсь колоссальными возможностями своей цивилизации. Они поймут со временем, что многое могут сами, освобожденные и просветленные. Они все могут сами. Другого пути у нас нет, иначе я рискую сделать из них капризных детей, избалованных благами, на которые не тратится усилий.

Глава одиннадцатая

1

— Вставай, Хозяин, беда! Раскрой глаза, Хозяин! — Скала стоял передо мной на коленях, обращенный лицом к экрану, и коровьи его глаза вылазили из орбит.

На экране была деревня племени Изгнанных.

— Чего кричишь?

— Смотри, Хозяин: Пророк не показался с рассветом и народ в печали.

— Невелика потеря.

— Закон гласит: Пророк умер — конец света.

— Ну, это ты загнул, брат.

— Гляди, Хозяин!

«Что там стряслось?»

— Голова, дай план крупнее!

Вот он, центральный столб. Вокруг валяются толстые травяные маты, содранные с

настила. Под жердями, уложенными решеткой, зияет черная пустота, скорее всего та самая яма, где обитают Слабые. Столб растет из преисподней, и Пророк каждое утро каким-то способом возносится оттуда. Наверно, карабкается по веревочной лестнице. Упражнение, скажу вам, не из легких. Площадь, где собирается народ для утреннего ритуала, была поначалу пуста, затем на стене, где обитают девственницы, дрогнули листья и сквозь неширокую щель крадучись стали просачиваться старухи как на заказ одна смурнее другой. Передняя карта брела, ощущывая пустоту руками, как слепая. Она и впрямь была слепая — запавшие глазницы прикрывали красные веки. Старуха жутко всплывала, крутила головой, разметая волосы, и ноздри ее хищно шевелились.

Скала завыл, и лицо его приняло синюшный оттенок.

— Хозяин, это сама Сур, рожденная у Моря в дни, когда умер последний Желтый Большой Человек. Он умер лицом к небу, и Сур слышала его завет. Сур живет вечно. Я ее ни разу не видел. Ее никто не видел, Хозяин!

Старухи тем временем устроили неприличный шабаш: они царапали груди ногтями, обнажались мерзко, тряслись, передвигаясь к яме. Я насчитал пять женщин, истощенных до последней степени, но неистовых. Они совершали, можно предположить, некий культовый танец и намерены были довести себя до полного изнеможения. Сур молчала, молчали и остальные ведьмы, они лишь санко дышали.

Мне причудилось, что где-то бьют барабаны. Звук, напоминающий раскаты грома, исходил вроде бы снизу. Он то притухал, этот звук, то нарастал и ширился — глухой, тревожный, лихорадочный. Над деревней, я обратил внимание, кружили черные птицы. Кружили они, как листы бумаги, поднятые горячими токами, исходящими от песка. Дряхлая Сур упала на карачки и, сметая волосами мусор, закружилась на месте; другие старухи продолжали плясать и корчиться, вознося руки. Сур поползла через гору травяных ковров, прикрывающих яму, и запричитала:

— Пророк, ты уже не любишь свой народ? И на кого же ты нас покинул? Нам тоже умирать, Пророк?

— Слышишь, Хозяин? Она говорит: «нам тоже умирать?»

— Голова, приготовь ракету.

— Ты рискуешь, Ло!

Да, рискую: ракета одноместная, и управлять ею без навыка неблагоприятно: двигатель развивает колоссальную тягу, я могу не справиться со скоростью, но выпал, кажется, такой момент, когда надо рисковать.

— Ракета на стартовой площадке, Ло.

— Хорошо. Скалу отправишь следом на танкетке.

— Пророк! — изволилась карга. — Мы не можем дать тебе яйцо киня, у нас нет мяса — горячего, с кровью и дымом жизни. Воины наши трусливы, как дети, женщины слабы. Дух наш угасает, как пламя покинутого костра. Но внимай, Пророк! Ты получишь в жертву самую красивую девицу, она утешит тебя, обученная искусству любви. Она умеет петь, от нее пахнет цветами. Пророк, ты утетишься, простишь нас, отступишь, и снова будешь подниматься, чтобы вещать Истину.

...Полет мой кончился, ракета упала брюхом на траву, пробороздив глубокий след. Когда я вылез из кабины, в нос ударил запах гари. Передо мной была глухая стена деревни, я перемахнул через нее без затруднений, вторая стена, третья, потом я почувствовал, что стою на утоптанной площадке.

«Успел!»

2

Мне не хватило мгновения, пресловутой доли секунды мне не хватило — я почти дотянулся до ее ноги, но она уже падала с пронзительным и длинным криком: ааа-аа! На жердях остался венок блеклых цветов, и он, покотившись криво, был тоже заглочен ямой. Воины, два юнца, несли очередную жертву. Несли они ее на сплетенных руках — совсем девочку. Голова жертвы, закрытая длинными волосами, болталась, как у подраненной птицы. Я сгреб старуху Сур в

охапку, откатил в сторону и загородил дорогу шествию:

— Оставьте девочку в покое!

Два балбеса тупо пытались пройти к яме и напирали на меня с высокомерной наглостью.

— Оставьте ее в покое! — В моих руках было хрупкое тело, расслабленное страхом. Воины сопли, напрягаясь, они, похоже, собирались и меня спятить к яме и столкнуть туда вместе с девочкой, глупцы! Краем глаза я видел: сквозь стену, откинув лист, противились две старухи, они тоже несли девушку, чтобы и ее отдать в жертву. Немного ли одному? Пророк-то, однако, сластолюбец! У моих ног зашевелилась слепая Сур, губы ее, обметанные пеной, сжались в ниточку, она села и обвела руками пространство перед собой, каким-то образом уловила, что я рядом, и заскрипела:

— Изыди, сын тьмы!

— Ты, бабушка, с больной головы на здоровую валишь!

Я ухватил воинов за шеи, поднял обоих, как щенков, и бросил подальше, они откатились, сшибли старух, несших жертву похотливому Пророку, образовалась шумная свалка, ведьмы с воем расползались, ныряли под листья стен, спешили прочь. Возле меня осталась девочка, она лежала комочком и без движения.

— Сур, убирайся в свою яму, пока я добрый!

— Изыди!

— Злая ты женщина, Сур!

— Воины! — завопила слепая. — Мужчины! Разве затупились ваши копья и глаза ваши не видят, как попирает меня этот пришелец? Разве в вас не осталось гордости? Бойтесь, жалкие, я прокляну, и мое проклятие страшнее смерти. Убейте его, убейте!

— Я вечный, Сур. Я не хочу беды, я принес покой и справедливость. Воины, она лежит, и проклятия ее — пусты.

Никто не метнул в меня копье — мужчины племени держали нейтралитет. Два парня, которых я откинул так неаккуратно, поднялись и укандывали прочь. Над нами было не-

бо, светило синее солнце. Стояло безветрие, и был хороший день. Я взял Сур в охапку, тело ее было сухое и горячее. От неё плохо пахло. Слепая хрипела и дышала со свистом. Я отнес ее в тень и оставил там.

— Отдохни, Сур. Тебе вредно волноваться — возраст не тот. «Как же я не успел-то! Она, наверно, умирает там, внизу?»

— Голова, пошли мне легкий скафандр, шнур и фонарь.

— Хочешь спускаться, Ло? Это — опасно.

— Рассуждать некогда, Голова!

Со стороны центральных ворот прибежал Скала, настроенный весьма кровожадно — он потрясал копьём и свирепо водил глазами.

— Я полезу в яму, Скала. Ты посидишь здесь.

— Там смерть!

— Надоели мне ваши страхи, милый!

Я не надел шлем и чувствовал кожей лица, как снизу течет влажный ветерок. Еще доказывался до меня снизу нестойкий, но резкий запах, от которого першило в горле. Я повис на шнуре, чтобы прокашляться. Белый луч фонаря, прикрепленного к поясу, мельтешил, вздрагивал, выхватывал из крошечной тьмы мокрые стены. Вода текла немymi ручейками, падала, но я не слышал, как она ударяется о дно. «Значит, здесь глубоко». Спускался я не торопясь, полагая, что путь мой некороткий. Вдруг навалилось ощущение, скорее уверенность: все это уже было — темнота была, крошечная и до того плотная, что ее можно пощупать ладонью. Я уже знал: темнота нехолодная, она шершавая. И еще знал: сейчас ступлю на мох и ноги мои увязнут по колено. В луче фонаря курился дымок — сизый и тяжелый, ветер не мог его растеребить и унести сразу, он прядками тянулся туда, где смутно виднелось небо. Предчувствие сбылось: ноги мои увязли во мху, который рос здесь пышно, посеребренный мелкими цветками. Я огляделся, вышаривая фонарем пещеру. Рядом высился камень в два человеческих роста. Скользя коленями, я взобрался на плоскую макушку этого камня и там увидел девушку, что была предназначена в жертву Пророку — она лежала на спине с вытянуты-

ми вдоль тела руками и восковым лицом и была похожа на статую, выточенную из слоновой кости. «Мертва, не успел!» И тут явилась уверенность, что она жива и что тревожить ее нельзя и надо ждать. «Чего ждать?» И явился ответ: «пробуждения». Мне сделалось жутковато: представилось, будто слова эти кто-то сказал и они просочились сквозь землю. Я направил луч фонаря вверх. Резко вогнутый купол тоннеля был довольно высок в том месте, где соединялся с вертикальной шахтой, дальше он уходил под уклон и становился ниже. Откуда-то полз дым, его становилось все больше, я набросил на голову шлем скафандра, висевший на спине, и включил автономное дыхание. Красавица моя лежала покойно-рослая, с длинными ногами, правильной фигурой и строгими очертаниями лица. Она другой расы, она по крови не принадлежит племени Изгнанных. Но откуда же это чудо, из каких тайников извлекли ее старухи, за какие грехи понесла она кару? Ковыльного цвета волосы скатывались с плеч, огибая тело, и доставали коленей.

Я осторожно сполз с камня и, увязая во мху, побрел в глубину тоннеля, рассекая лучом мрак впереди. Мох отпустил ноги, под ботинками захрустел гравий. Свод над головой постепенно скашивался, метров через двести я уже нагибался и задевал плечами стены, сшибая с них кусками сырую глину. Шел я так долго и уперся в завал, который образовался, видимо, недавно — свод в этом месте рухнул и загородил путь, лишь на самой верхушке каменной груды виднелась щель. Однако ближе груды, преградившей путь, — фонарь бил далеко — чернел провал, горловина такой же ямы, чуть разве поуже, через какую я попал сюда. Интересно! Я присел на корточки и осторожно заглянул вниз. Метрах в тридцати-сорока было дно и вытопанная до блеска тропа опять убегала в тоннель. «Целый лабиринт! Обязательно вернусь сюда, а сейчас пора двигать назад».

Красавица моя лежала, окутанная дымом, который все сочился, поднимаясь вверх. Я снова взобрался на камень, взял девушку в охапку — ноша оказалась нелегкой — и пустился в обратный путь.

Вот и кончилось мое мучительное восхождение.

Встретила меня толпа воинов. Поначалу я испытал приятное чувство: все-таки ждут, волнуются и, значит, привыкают, но тут же наступило разочарование — мое появление никого не обрадовало и не удивило. Мужчины, юные и весьма преклонных лет, галдели, вздымали кулаки, напирая на брата моего Скалу и на Червя Нгу. Скала застыл с копьём наотлет, презрительно щурясь. Червяк Нгу стоял на карачках, выгнув спину, как худая собака, и терзал зубами мой шнур, привязанный к большому пню, шнур, по которому я спускался в преисподнюю.

— Ты слаб, Червяк Нгу, ты слаб и глуп! — кричал брат мой. — Эту веревку тебе не перекусить до сезона дождей. И после сезона дождей тебе её не перекусить. И сыну твоему, если ты способен родить сына, тоже не перекусить.

Нгу устрашающе вращал глазами, рвал шнур ртом, и с губ его капала слюна.

Я отнес девушку в тень, положил ее там на сухую землю. Спасенная открыла огромные, пустые от боли глаза и застонала.

— Голова, будь готов взять эту красавицу в гондолу.

— Хорошо.

— Она еще слаба, пусть полежит немного. — Я сел в изнеможении на валик сухой травы.

Червяка Нгу уже пинали в зад — требовали, чтобы он признал поражение и уступил место другому. А желающих было немало. Сперва Нгу пинали деликатно, потом широколицый и дюжий малый со шрамом на щеке хватил его ногой так, что раздался чмокающий звук и бедняга воткнулся носом в землю, но шнура изо рта не выпустил, лишь передвинулся дальше, не покинув окончательно поле боя.

— Никто не перекусит веревку! — заявил брат мой Скала с торжественностью.

Второй воин упал на карачки, вцепившись зубами в злополучный шнур, третий... Толпа

угрюмо напирала на Скалу, который понемногу сплывался к яме, не теряя, однако, достоинства и высокомерия от превосходства над очевидной и безусловной серостью толпы. Червяка Нгу совсем заклевали, поскольку всякий считал своим долгом как можно ловчее дать бедолаге под зад. Положение истового бойца усугублялось еще и тем, что он не имел возможности обернуться и запомнить обидчика. Нгу лишь выгибался пуще, и по худой его спине обильно катился пот. Скала сделал ловкий маневр, отступил ко мне, сел рядом и покрутил головой.

— Устал?

— Устал, Скала.

— Это я придумал, Хозяин, — веревку перекусывать.

— Зачем придумал?

— Они хотели меня бросить вниз. Они — сердитые.

— Почему они сердитые?

— Старики ушли, старухи ушли. Пророк молчит. Что дальше?

Над нами бежали облака, небо синело, воздух был легкий. И жить было хорошо. И печаль моя истаяла, я с любопытством наблюдал, как мужчины состязаются в удали. Червя Нгу оттащили от шнура, его отволокли, как неодушевленный предмет, он некоторое время лежал ничком, распластанный, и хрипло дышал, потом вскочил и начал кулаками прокладывать себе дорогу назад — нет, он не сдался, он хотел бороться, упрямец, но опять получил дружный отпор и был повержен. Воины образовали свалку — каждый жаждал показать себя — и затеялась рукопашная, где один с кошачьей ловкостью дрался против всех. Это уже беспорядок, это уже не по правилам. Я собирался подняться и раскидать неистовую публику, но Скала опередил меня, издав пронзительный крик, не сплошной, а с перепадами и паузами. Примерно так орут у нас ослы невест по какой причине — скорее всего, от тоски. И свершилось чудо: воины рассыпались по деревне с прыткостью ртутных шариков и тут же была запущена система защиты деревни, начал закрываться верхний полог. Начал он закрываться от центра к пери-

ферии. Сперва лепестками упал полог со столба Пророка, затем от первой круглой стены — на следующую. Спустя минуту сделалось темно, и лишь между листьями, прилегающими кое-где неплотно, жилками пробивалась густая синева. Это было даже красиво. Я забыл, что у меня есть фонарь, и крадучись пробрался в ту сторону, где лежала спасенная мною красавица. Я нашел ее руками, ощупал лицо, почувствовал щекотное прикосновение ресниц. В плечо мне дышал Скала. Я спросил его:

— И долго это будет продолжаться?

— Недолго. Они опять захотят столкнуть меня в яму, Хозяин.

— За что?

— Я прокричал тревогу, но опасности-то нет.

— Нехорошо обманывать, брат мой.

— Может, и нехорошо, но они бы побили друг друга. У нас мало здоровых мужчин. Ты отвлеку их чем-нибудь, Хозяин.

— Это мысль. Попробую.

Когда брат мой дал отбой (он сложил руки трубой возле рта и произвел весьма нежный звук), я научил воинов древней игре — перетягиванию каната — и не рад был, что научил: вся деревня, даже малые дети, выползли из закутков, чтобы принять участие в соревнованиях. Поминутно назревала настоящая война, потому как ни одна сторона не умела, да и не желала признать поражение, и всякий раз находилась причина начать сначала. До глубокой ночи напрягались эти люди. Дело кончилось тем, что соперничающие стороны повалились в изнеможении и уснули мертвецким сном с мыслью назавтра схватиться опять.

— Они помрут, Хозяин! — с печалью сказал мне Скала. — Надолго их не хватит. Что будем делать, Хозяин?

— Будем жить! Без Пророка, без старух. Хорошо будем жить!

— Мы так никогда не жили, Хозяин. — Скала тихо покачал головой. Он сомневался, зато я не сомневался, я любил их, забытых, обездоленных, голодных. И верил в них.

Как им помочь?

Любая моя ошибка может перерасти в трагедию. Если накормить их досыта, устроить и обогреть, они поймут, что я в силах делать это постоянно и без особого напряжения. Поймут и перестанут бороться за себя, легко и без угрызений совести сядут мне на шею. Если я стану защищать их, они бросят копьа, воины потеряют форму и предадутся утехам. Если я стану думать за них, они, лишённые нужды познавать и накапливать опыт, превратятся в шумных идиотов. Очень легко, словом, разрушить этот хрупкий мир, это тонкое равновесие — несовершенное и тем не менее способное существовать...

Я опять сижу у экрана гондолы, смотрю, как выбиваются из сил мужчины, перетягивая веревку. Вот уже, почитай, двое суток они кричат, потеют и глаза их белы от усталости. Олимпийские игры в деревне занимают меня мало: потешатся, да и перестанут.

— Голова! Как там наша гостья?

— Глубокий шок.

— Поправится?

— Несомненно.

— Голова, показывай деревню. Что там у них?

У них там ничего нового не происходило. Воины были нанизаны на веревку, словно бусы, и работали. Им невдомек было распределиться на две равные группы, они наваливались кучей то на один конец веревки, то на другой. Меньшинство неизменно повергалось, и все закручивалось сначала. Опять тискали и били походя Червя Нгу, который перебежал на сторону победителей, бросая товарищей, и немалой ценой платил за мелкие измены.

— Голова, присоветуй, как отобрать у них проклятый шнур — ведь лбы разобьют.

— Пошлем робота, он справится с задачей.

— Посылай.

Робот — белый шар диаметром метра в полтора с короткими подкрылками, похожий от-

даленно на увеличенное в размерах насекомое (у него были даже круглые глаза), — завис над деревней, выпустил тонкое щупальце с крючком на конце, ловко зацепил шнур и потянул его к себе. На короткое мгновение воины задрали головы и одинаково округлили рты, озадаченные беспардонностью диовинного существа. Робот их не напугал, он их раззадорил и даже развеселил. Поначалу мужчины с гиком навалились на веревку — соревноваться, когда же поняли, что силы неравны, разгневались, закричали. Пожилой дядька со шрамом, давно примеченный мною, схватил из-под ног коряжину и запустил ее вверх. Снаряд не достал робота, описал в воздухе дугу и упал на загромок многострадальному Нгу. Парень подпрыгнул от боли и растерялся по первости от дилеммы: кого бить и от кого защищаться? Сперва он намерен был хватить по скуле пожилого собрата, но, поразмыслив, решил, что виноват больше все-таки железный пузырь, и с криком торжества запустил в него камнем, который, слава богу, никого не задел. Толпа принялась кидать в робота чем попало, но быстро озарилась, что стрекоза, висевшая над ними, во-первых, неуязвима, во-вторых, получает явное преимущество, когда часть воинства отвлечена на поиски тяжелых предметов. Мне почудилось, что автомат живой и тоже наливается злым азартом: тянул он веревку расчетливо, с подергиванием, воины скатывались и падали наземь, как зрелые плоды. Робот открыл крышку на круглом брюшке и начал с легким посвистом всасывать веревку, он поглощал ее, как лапшу, ненасытно, ввергая мужчин в натуральное бешенство. Червяк Нгу вцепился в шнур намертво и толчками поднимался вверх до тех пор, пока не ударился затылком о брюхо автомата. Ударился сперва он нешибко, но машина дала слабину и резко дернула. Нгу на этот раз стукнулся с гулом, будто о пустую бочку, и, ускоряясь, покатился с перекошенным лицом, смаху сел на чье-то задранное лицо и опять был крепко трепан. Я вздохнул с облегчением, радуясь тому, что спектакль близится к завершению.

Вот и гроза на Синей. До сезона дождей, судя по всем данным, еще неблизко, и эта гроза — прибудная. И странная. Мне казалось, будто я сижу на дне сосуда с мутными стенками. По гондоле ползали лохматые огоньки непонятной природы. По небу наискосок долго падал язык алого пламени. Пламя погасло, и следом наступила полная тьма. В джунглях пронзительно и тонко закричал не то зверь, не то птица. В крике том был ужас. Потом по куполу гондолы что-то застучало. Я часто слышал такой стук, когда жил со старым казаком в степи и пас коней. Слитой шелест дождя, капель на окне, прокладывающие ломкие дорожки, аромат мокрого поля... Все это вызывало во мне острую любовь к существу, и я начинал думать о том, что предназначение человека гораздо выше, чем просто дышать, роднясь с Землей, что мы перед кем-то виноваты и кому-то или чему-то очень обязаны своим счастьем. Это были грустные мысли. Похоже, о том же думал и мой казах: взгляд его застывал, глаза меркло блестели в сумерках. В дождь всегда хотелось спать. Вот и сейчас голову мою начал кутать туман и почудилось, будто бегу рядом с лошадей, окунаясь лицом в ее жесткую гриву. Под копытами содрогается земля, в ушах гудит ветерок... Я, кажется, и взаправду прилег на тахту в холле, и разбудил меня громовой голос. Представьте, Мозг орал песню, которой я научил его на досуге:

...Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны...

— Эй, Голова, что с тобой?

Мозг старательно выводил слова и от его железного голоса лопались перепонки.

— Прошу прекратить, слышишь!

Никакого впечатления.

Песня кончилась, и наступила тишина, в холле вспыхнули светильники, потому что на Синей была теперь кромешная тьма.

— Голова, ты слышишь меня?

— Плохо.

— Как это — плохо?

— ...Есть письмо, Ло. По программе я должен был передать тебе его позже, но я добрый, могу и сей минут прочесть, если ты выслушаешь меня со вниманием и благосклонно. Если ты в подходящем настроении. И вообще...

— Что значит «вообще»?

— Ничего не значит.

— Голова, у тебя разладилась система?

— Ничуть не бывало. Я весел и добр, в отличие от тебя.

Железная башка верно подметила: я был невесел и недобр — в душу мою заползала, разливалась во мне черная тоска. По-прежнему клонило в сон. Некоторое время я еще боролся с дремой, потом плашмя упал на тахту и с мучительным усилием подтянул под голову подушку. Я спал и не спал. Это было странное состояние. Глухо, но отчетливо, как сквозь воду, слышал я голос. Мозг читал письмо:

«Логвину-младшему от Логвина-старшего.
Мальчик мой!

Расстались мы сухо, но я буду вспоминать о тебе часто и до конца дней своих. Я виноват перед тобой — у меня всегда не доставало времени, чтобы просто посидеть рядом с тобой и помолчать...»

...Я спал и не спал. Я по-прежнему слышал Голову, но отдаленно, глухо и уже не воспринимал слов.

Очнулся я с ощущением гнетущей пустоты, разбитый.

— Голова.

— Слушаю, Ло.

— У тебя все в порядке?

— Да, все в порядке.

— А что было?

— Анализирую.

«Однако постой, Голова, погоди!» — мне надо было что-то вспомнить, срочно вспомнить, иначе будет поздно. Я зажал голову руками, согнулся, сидя на тахте, чтобы сосредоточиться до предела. И вот оно — явилось: поплыли передо мной строки, написанные вкось стремительным почерком. Лишь

самые доверительные документы и вещи интимного свойства пишут у нас от руки, древним способом. Для меня навсегда осталось таинством, каким образом я увидел дядино письмо, оставленное на видеопленке в обширном чреве автоматов. Дядя писал:

«Мальчик мой!

Расстались мы холодно, но я буду вспоминать тебя часто и до конца дней своих. Я виноват перед тобой — у меня всегда не доставало времени, чтобы просто посидеть рядом с тобой и помолчать. А уж если совсем честно, то я избегал тебя, чтобы не читать наставлений, потому как боялся увидеть в итоге своего племянника, которым втайне гордился и горжусь, таким, как все — уравновешенным, в меру вежливым, в меру рассудительным и в меру любящим. Равновесие и ясность, конечно же, добродетели, но не самого высокого свойства, мальчик мой. Ты мне нравишься больше таким, какой ты есть — порывистым, горячим, справедливым. Ты родился с талантом редкого свойства: ты болезненно совестлив, понимаешь настоящую красоту, составляющую самую суть вещей, и умеешь страдать. Человечество в наши дни совершенно, мы понимаем искусство и создаем шедевры, но разумом, не душой, и в этом свойстве нашей цивилизации таится немалая опасность. Мы знаем прошлое, но мы разучились жалеть и сочувствовать. Мне не нравится, что мы теперь лишь любимы сами собой и отдаляем на неопределенное время вопрос: а что же дальше? В древней древности существовал миф о том, как юноша по имени Нарцисс упивался красотой собственного отражения в воде до тех пор, пока не исчах. То же самое ждет нас, если мы не станем глядеть на звезды и думать о том, что в необъятной Вселенной ждут нас страждущие. Ждут, мальчик мой, и мы должны прийти. В том и есть наше предназначение.

Мальчик мой!

Ты прости меня, но по моему настоянию ты будешь отпущен один на чужую планету, где, по предварительным данным, есть примитивная цивилизация. Почему ты и почему один? Отвечу: ты больше других и лучше, чем кто-либо, способен справиться с возложенной за-

дачей, которая не имеет четко очерченных границ. Ты настойчив, терпелив, ты с неподдельным интересом изучал прошлое, поднимался по ступенькам цивилизации от первых костров, зажженных пращурами, до наших дней. Ты, как никто другой, уловил внутреннее движение народов и государств, ты, знаю, плакал и смеялся над древними книгами, грезил прошлым и глубоко проник в тайники истории, потому-то запасаешь добротой, терпением и снисходительностью. В том, повторяю, твой талант особого свойства.

Мальчик мой!

Наступила пора сказать, что я о тебе самого высокого мнения и завидую тебе, избранному. С тобой машины, с тобой наша сила, но они никогда не заменят ЧЕЛОВЕКА. Ты — первый, за тобой, надеюсь, пойдут другие, и тогда возродится в нас порыв и живая душа. Предвижу: мы уже не посидим с тобой под звездным небом и не помолчим. Твой характер не позволит тебе отступить, а в твоём положении зримых результатов можно добиться не через годы, но через десятилетия. Мы уже, пожалуй, не свидимся больше. Живём мы долго, но век мой отмерен, и я устал. Ты прости меня. Прости и не печалься. Действуй — ведь с тобой целый народ, твой народ, который когда-нибудь достигнет вершин сущего и выберется в космос, где все бесконечно — и расстояния, и дела, и пределы.

Я пишу, и рука моя тверда. Я ни в чём не раскаиваюсь. Жалею, пожалуй, только о том, что мало дал тебе тепла, что пожертвовал тобой ради будущего. Но мы же мужчины, мы всегда пускались в приключения. Ты будешь со мной таким, каким я запомнил тебя и оставил себе.

У нас ветрено и падают дожди.

А у тебя как там?»

2

На Синей опять все спокойно. Небо по горизонту подернуто облаками.

Мысль упрямо возвращалась к письму. Оно растрогало меня и ввергло в уныние. Дядя — старый человек, и его понять можно. Верю: мы ещё встретимся и посидим молча где-ни-

будь в сосновой роще или на берегу моря, я верю в это, но он напрасно, наверно, возложил на меня такую сложную задачу.

...Я увидел, как отворяется дверь биологического отсека, сперва же за дверью возникла черная тень. Тень замерла на некоторое мгновение, и в холл шагнула девушка, которую я выволок из ямы. Она постояла, загородив лицо руками, и на ощупь двинулась в нашу сторону. Шла она чуть боком, высокая и прямая и, как мне показалось, властная. По-моему, она плохо видела, однако ориентировалась в пространстве довольно свободно и перешагнула даже ноги Скалы, он тотчас же вскочил, напуганный, и попытался в сторону душевой, намереваясь там скрыться. Визит незнакомки, признаться, был не ко времени (я собирался неотложно подумать кое о чём), но такие визиты, понятно, не откладываются. На девушке была длинная рубашка без воротника из грубой серой ткани и плетеные сандалии, волосы, спадающие ниже пояса, шуршали и отблескивали, будто вытканые из серебра. Я не двигался, замороженный, и слышал, как она дышит, слышал, как скрипят ее сандалии. Она нашла меня как-то и села рядом. Я вздрогнул: огромные ее глаза цвета неспелого крыжовника были пусты, как окна нежилого дома, со зрачками ромбовидной формы, абсолютно черными. Она провела ладонью по моим волосам, ощупала лицо. Прикосновение было нежным и легким. У нее, я почувствовал, чуть дрожали пальцы. Она что-то сказала и поникла головой, разглаживая на коленях грубую ткань незатейливого своего платья. Говорила она распевно и со спокойным достоинством.

— Голова, переводи! Мой «лингвист» остался в танкетке.

— Пусть повторит.

Я прикоснулся к плечу незнакомки, прикоснулся с робостью:

— Он велит повторить, он хочет изучить строй твоего языка, поняла?

Поняла и кивнула мне, обожгла пустыми своими глазами, отделенными от ее существа: они жили в другом измерении, в другом мире, тело же, как я уже догадывался, подчинялось чужой воле. «Она спит или в гипнозе?»

— Как тебя зовут?

— Го, — ответила девушка и привычными движениями закинула волосы за спину.

— Машина ждет.

Го кивнула и, уставясь вверх, начала говорить, четко отделяя слова и фразы.

Железная голова гудела от напряжения, где-то в ее утробе вершилась недюжинная работа и в блоках памяти откладывались решения, из мозаики складывалась картина. Я на цыпочках проскользнул в бар, выпил там стакан холодного виноградного сока и застыл в кресле, озаренный догадкой, точившей меня исподволь: ведь не эту девушку, что сидит теперь в холле, кидала в яму старуха Сур и ее присные. Не эту! Вот закрою глаза сейчас и представлю все до черточки, до самой последней мелочи... Ракета ткнулась носом в бугор, поросший негустой травой. Удар был сильным, и металл окутался дымом. Когда я выскочил из кабины, то уловил приторный запах гари, потом я махом перепрыгнул через жерди первой стены, второй, третьей... Старуха Сур, согбенная, плелась в хвосте процессии и держалась за ногу жертвы. Нога была маленькая и смуглая. Точно: маленькая и смуглая. Оказывается, я уловил и тот момент, когда первую жертву кидали в яму! Оказывается, я видел лицо той, первой — круглое лицо в обрамлении черных волос, заплетенных косичками. На голове был веноч — он криво покатился и тоже упал в преисподнюю. Точно! Сомнений нет: я вытащил на свет не ту, которую хотел спасти. Кто-то подменил девушку. Но кто? И зачем?

Я вернулся в холл также на цыпочках.

Го повернулась ко мне всем телом и что-то сказала, не найдя меня застывшими своими глазами. Машина с переборами, медленно, перебрела:

— Отец ждет тебя, Пришелец.

— Где он ждет?

— Внизу. Торопись. Я голодна, Пришелец.

— Извини. — Я встал и поманил ее за собой, однако она не уловила моего жеста, пришлось вернуться. — Прошу следовать за мной! — На этот раз поняла, тоже встала и

чуть боком, вытянув руки вперед, пошла за мной.

В баре я зажег светильники и посадил гостью на тонконогий высокий стул перед стойкой.

— Что будешь есть?

— Что дашь...

Я выбрал обед по своему вкусу, поставил поднос с тарелками и стаканами перед ней.

— Прошу.

— Хочу остаться одна.

— Хорошо. — Я задержался немного, дожидаясь, не скажет ли она еще что-нибудь. Спасибо, например? Не сказала ничего, и я тихонько прикрыл за собой дверь. Из душевой выглянул Скала. На его лице был написан откровенный испуг. Он не вытерся, торопливо натянул набедренную повязку и почему-то на карачках, подобно большому черному пауку, пробежал по ковру и уткнулся мокрой головой в ноги мне.

— Хозяин! — шепнул Скала, округляя волюи свои глаза с синеватыми белками. — Слушай, Хозяин, у нас нет таких женщин! — Он пальцем и весьма осторожно показал в ту сторону, где располагался бар, и тотчас же убрал палец.

— Ты уверен, брат мой?

— Нет у нас таких женщин, я не видел!

— Но ваши девственницы живут отдельно?

— В стене есть щели, Хозяин, и каждый воин выбирает себе жену...

— И ты подглядывал?

— Все подглядывают, Хозяин — это интересно. Я много подглядывал, но такой не было. Тебя обманули!

— Кто обманул?

— Тебе лучше знать — ты умный. Думай.

Из бара беловолосая Го вышла неслышно хищной и легкой поступью. Остановилась, обвела холл недвижными своими глазами и сказала:

— Отец ждет. Отец велит спать. Я буду спать.

— Спокойной ночи, — ответил я машинально и улыбнулся: на планете теперь стоял день и было, как всегда, облачно.

Я сказал так:

— Племя! Вы живете голодно, ваши дети болеют, и воины умирают до срока, ваши охотничьи угодья оскудели, в полях мало кореньев. Вы голодны, потому что боитесь своей земли. Ваш Пророк вещал из башни одну Истину, и он не учил вас, как жить дальше. Это — плохо.

Толпа зароптала.

Я стоял на возвышении, на том месте как раз, где, кажется, уже давным-давно состязался в силе и ловкости с аборигеном, которого выставили старики, народ племени Изгнанных окружал холм. На плоских лицах была тревога.

— Я спустился научить вас, как жить дальше, как накормить детей досыта и вселить великий дух в тех, кто устал.

— Он могуч и силен! — кричал за моей спиной Скала. — Он поможет, ловите его слова, запоминайте, внимайте!

Однако внимали мне плохо. Воины потрясали копьями, женщины горестно обнимали головы руками. Речь моя не производила на этих людей впечатления, они, кажется, не хотели перемен.

«Что им надо!» — растерянно думал я.

— Ты их пугай, Хозяин! — шептал Скала. — Ты их сильно пугай.

— Там, откуда я прилетел, люди сыты, дети умеют смеяться и покой стариков надежен.

— Ты их пугай, Хозяин!

Я замолчал, потому что видел, как, расталкивая локтями Мужчин и женщин, на вершину холма поднимается Червяк Нгу. Распухший его нос, подобно груше, торчал на лице вызывающе и сердито, тело его было испещрено шрамами и царапинами, будто он последние дни только и делал, что разнимал кошачьи свадьбы.

— Ты о чем хочешь спросить меня, Нгу?

Парень остановился близко, опершись на черную палку, которую нес в руке.

— Хочу задать тебе, Пришелец, несколь-

ко вопросов. Они боятся тебя, я никого не боюсь.

— Отвага твоя всем известна.

— Нгу — самый храбрый!

— Верю.

— Там, откуда ты явился, есть Пророк?

— Нет там Пророка.

— И никто не вещает Истину из башни?

— Никто не вещает. У нас нет башни.

— Ты не находишь, что это плохо?

— Не нахожу.

— Я понял. Верят ли там, откуда ты упал, в то, что есть Вездесущий и Неизмеримый?

— В некотором роде — да. Только мы называем его другим словом — Космос.

— Ты не слуга Вездесущего и Неизмеримого?

Скала все шептал сзади, вздыхая шумно и вздохнув:

— Ты слуга Вездесущего! Ты — слуга. Они поверят и покорятся.

— Я — человек.

По толпе прокатился ропот и стон облегчения.

— Ты дурак, Хозяин! — сказал брат мой и дотронулся до моего плеча теплой ладонью: он осуждал и жалел меня, незадачливого.

Червяк Нгу воткнул палку в песок и подбоченился:

— Если ты всего только человек, то почему хочешь учить нас?

— Мой народ старше твоего, он мудр и знает много такого, чего не знаете вы.

— Если ты могуч и богат, накорми нас, построй нам новую деревню и вылечи наших детей.

— Я могу накормить вас, построить новую деревню, но что тогда останется вам? Вы одрябнете без забот, воины станут слабыми, женщины — ленивыми, племя одолеет каждый, когда я уйду. Не так ли?

— Так не должно быть, — ответил Нгу и раздумчиво покачал головой.

Наступило молчание.

— Вы готовы принять мою помощь, племя Изгнанных?

— Чем же ты можешь помочь нам, Пришелец? — спросил Червяк Нгу.

— Я отведу вас туда, где вы жили рань-

ше, к большой воде. Мы построим там новую деревню и засеем поля.

— Мы не умеем сеять, разучились.

— Я вас научу.

— Хорошо. Мы подумаем.

— Думайте быстрее.

— Мы не умеем думать быстро.

— Что ж, буду ждать.

2

Ну вот, самая пора спуститься в яму, куда мужчины племени будут думать; быстро думать они, как заявлено, не умеют, и я, наверно, успею. Подземелье манило.

Я сел на край ямы. Я видел, что женщины деревни выглядывают из закутков с неодобрением, рядом топтался Сын Скалы, обвешанный оружием — при нем были два наших копья, луки со стрелами, у его пояса болтался притороченный к набедренной повязке узелок с нехитрым имуществом.

— Спрячь куда-нибудь свои палки — мешать будут.

— Скала сыт, потому и силен.

— Дорога наша трудная.

...Скала раскорячился уже в горловине ямы и не мог двигаться, поскольку одной лишь свободной руки было мало. В другой руке он держал два копья, к тому же мой лук, рассчитанный на рост за два метра, тяжелый и громоздкий, воткнулся в стенку тычком. Сперва брат мой возился молча, будто козявка в тенетах паука, лишь сопел, потом же скучно завыл от злости. Я спускался в прохладную глубину подземелья и снизу четко видел каждое движение незадачливого моего оруженосца — он напоминал марионетку, вырезанную из черной бумаги.

— Хозяин!

— Да?

— Мне плохо, Хозяин!

— Я тебя предупреждал?

— Ты меня предупреждал, ты ворчал, как старуха. Ты — умный. Правда, не всегда ты умный...

— Спасибо и до свиданья.

— А я как же?

— Дождись моего возвращения.

— Тебе меня не жалко? Мы с тобой породнились, мы вместе писали Вездесущему и Неизмеримому! Тебе меня не жалко?

— Бросай копья вниз. Да осторожней бросай — в меня попасть можешь, ловкости в тебе совсем не наблюдается.

Копья, брошенные один за другим, туго просвистели за моей спиной и в опасной близости. Этот лукавец и тут не утерпел, пошутил малость. Слышно было, как палки глухо ударились о камень. Посыпалась галька. Потом, вихляя, пролетел лук с колчаном, и к моему лбу осторожно прикоснулась грязная нога Скалы.

— Ты неповоротлив, Хозяин! Почему остановился?

...Мы двинулись вдоль русла едва заметного ручейка, вода которого при ярком и резком свете фонаря ртутно блестела. Ручеек вился и бежал в сторону карниза, где, как уже упоминалось, начинался лаз поуже. Значит, тоннель выбит не строго горизонтально, а с некоторым уклоном. Под ботинками хрустела галька. Скала плелся на цыпочках, то и дело падал на мою спину, спотыкаясь об острые камни. Мох с мелкими цветами кончился, кругом теперь было голо, пусто и мрачно. Вода звенела, как туго натянутая струна. Вода дребезжала заунывно. Я внимательно осматривал каждый метр пути над головой, под ногами, слева, справа, потому как был уверен, что где-то совсем недалеко есть дверь, что она откроется и выпустит нас: ведь девушка Го сказала — отец ждет. Вот мы и пришли, встречайте нас.

Глава пятнадцатая

1

Мы пришли к тому, кто нас ждал.

Это был гигантского роста старик с кожей лимонного цвета и гривой седых волос, ниспадавших до плеч, с желтыми глазами. Он был похож на нас, землян, если бы не желтые глаза, если бы не длинные уши, прижатые к черепу плотно, словно приклеенные. Если бы...

Впрочем, по порядку.

Старик сидел, закутанный в серый плед, и грел над огнем руки. Огонь горел в каменной нише. Комната, где сидел старик, была небольших размеров, обшита полосами светлого металла — пустая комната, освещенная нещедро. Ничего впечатляющего. Кресло, огонь, полутьма.

— Здравствуйте, — сказал я.

Старец неторопливо разогнулся, убрал руки от огня, сложил их на животе, повернул к нам тяжелую свою голову и что-то сказал, вздохнувши. Мой «лингвист» поморгал лампочкой и перевел без затруднений:

— Времени нам отмерено мало. Ты не торопился, мальчик.

— Я здесь.

— У тебя ко мне много вопросов, не так ли?

— Да. Как вас зовут и откуда вы?

— Зови меня Гарри. А пришли мы изда- лека, очень изда- лека. Но то не суть важно. Автоматы наши скажут тебе все, они настроены на тебя, мальчик. Мы те самые желтые люди, о которых повествуют здешние легенды. Это мы умирали лицом к солнцу. Мы сильны, но для нас многое сокрыто. Однажды наш корабль вынужден был сесть на планету, где вечные сумерки и ураганные ветры невиданной мощи. Там был океан, но пустой, вода в нем бушует и сжирает скалы. Мы сели на планету и благополучно снялись с нее, однако, и унесли с собой неразгаданную болезнь. Умирали мы медленно и с грузом вины в душе, испытывая укоры совести, не свойственные нам. Мы ни перед кем не виноваты, поскольку осе- ненны Идеей.

— В чем же смысл вашей Идеи?

— Мой народ посвятил себя Космосу. За неисчислимым разнообразием сущего кроются законы, определяющие движение, время, эволюции. Мы поставили целью ответить на вопрос: что же такое мироздание в существе своем? Задача только нам по плечу, поскольку мы — избранные.

— Блажен, кто верует!

— Все остальное — второстепенно.

— Нельзя объять необъятное, старик. Мы поняли это давно. Познание вечно, и в том прелесть бытия.

— Познание конечно, мальчик мой!

— У вас есть доказательства?

Он не ответил на мой вопрос, руки его, сухие, длиннопалые, холеные, вяло шевелились над огнем.

— Мы рассеялись, преодолели великие расстояния и многое поняли.

— Но не все же?

— Не все. Однако мы и не рассчитывали на близкий успех. Цель требует полной самоотреченности, ибо познание тоже конечно.

— Это не так!

— Мы рассеялись по лику Вселенной и жаждем Истины.

Однако все на этой дивной планетке жаждут Истины, они здесь просто помешались на истинах. Я сказал, вздохнув:

— Вечных истин нет!

— У меня мало времени, мальчик. Надеюсь, из сказанного понял, чем занят мой народ?

— Как не понять! Вы пытаетесь сосчитать, сколько песчинок на пляже, перебирая песок горстями.

— Итак, мы принесли с собой недуг. Самое загадочное состояло в том, что болезнь особо прогрессировала при ярком свете. Мы это быстро поняли здесь и ушли в подземелье. Перед смертью каждый просил вынести его на поверхность и испускал дух лицом к солнцу. Нас оставалось все меньше. Мы брали в жены здешних женщин, но и дети от смешанных браков тоже кончали дни до срока, и мы предавали их земле. Осталась лишь девушка Го, рожденная последней, но она не хотела темноты, и я отдал ее тебе, мальчик.

— И она умрет до срока, старик?

— Да.

— Печально. И я не смогу ей помочь?

— Вряд ли.

— У меня большие возможности...

— Я близок к разгадке, но я устал. Я позвал тебя для того, чтобы ты положил меня в камеру, где до воскресения покоятся мои товарищи. Потом ты получишь сигнал и разбудишь меня, обновленного.

— А дальше?

— Я спасу экипаж, я близок к той черте, откуда начинается успех.

— И вы опять ринетесь в космос?

— Да. Наш корабль цел, он в горах.

Брат мой Скала, сидя на полу, деловито рылся в моем мешке — искал съестное. Он нашел что-то там и принялся жевать, раздувая щеки. Дышал он громко и умиротворенно, будто корова. Я мимоходом отметил про себя, что Скалу ничем не удивить: чудеса, если они не угрожают жизни, не выводят его из равновесия. Мне это нравилось. Трезвый парень — мой оруженосец.

...— Мы пойдем к центру Вселенной...

— У нас имеются сведения, отец, что от туда, куда вы намереваетесь пуститься, экспедиции, как правило, не возвращаются.

— Ты прав, Логвин, но это нас не останавливает.

— Вы слишком самонадеянны, отец, и в том ваша слабость. На моей Земле безотчетное самоотречение осуждается.

— Значит, вы слабы и трусливы!

— Мы осмрительны. Я хочу задать тебе еще несколько вопросов.

— Готов ответить.

— Первый вопрос: сколько времени вы здесь?

— По вашему исчислению триста пятьдесят.

— Вопрос второй: почему болезнь не тронула тебя?

— На это я не могу пока ответить достаточно ясно, но надеюсь ответить, когда ты извлечешь меня из камеры.

— Вопрос третий: как вы связаны с местной цивилизацией?

— Никак. Сперва мы брали их женщин, потом же, когда выяснилось, что дети, рожденные здесь, тоже умирают, всякие связи были прерваны.

— Вопрос четвертый: кто писал Истины на Камне?

— Жрецы племени. У них есть письменность. Мы тут ни при чем.

— Вопрос пятый: почему вы не отдали аборигенам хотя бы часть знаний?

— Это не совпадает с нашей главной Целью.

— Вопрос шестой: знакомо ли вам сочувствие к себе подобным?

— В нашем языке нет такого понятия.

— Ясно. Но вы прекрасно видели и видите, что здешняя цивилизация вырождается, задавленная обстоятельствами и невежеством, почему же вы не вмешались в ход событий?

— Ты повторяешься, мальчик. Это за пределами Цели. Я слежу за тобой пристально, с первого дня пребывания здесь, и не могу, признаться, объяснить многие твои поступки. И вообще — зачем ты здесь?

— Мои поступки не ложатся в схему, не так ли?

— У нас мало времени!

— Ты позвал меня на помощь, потому что обойтись без нее почему-то не можешь, да?

— Да. Я надеюсь на автоматику, кое-что у нас разладилось.

— Так вот. Я могу сказать: это не отвечает моей Цели. Могу сказать?

— Можешь.

— И вы не в силах заставить меня делать то, чего я не хочу?

— Пожалуй, не в силах. Ты оснащен неплохо. Кое в чем вы даже выше нас. Кое в чем, не больше.

Старик повернулся вместе с креслом спиной к огню, потрескивающему в нише, ожег меня страшными своими глазами, недвижными, как у совы, покачал огромной своей головой с выражением досады. Волосы его, ниспадавшие на плечи, блестели туго и глубоко, подобно старому серебру.

— Я принимаю твои условия, Логвин. Но — торопись.

— Где Пророк и старики племени?

— Это — проще, они — рядом, в пещере, окутываются дымом, чтобы уснуть.

— Зачем им спать?

— Чтобы переждать беду.

— В чем же их беда?

— Они надеются, что ты покинешь планету. Беда — это ты.

— Я им мешаю?

— Да, они элита, те же, кто наверху — в сущности, рабы.

— Значит, зло теперь дремлет, чтобы дожидаться своего часа... И вы терпели такое положение вещей: нижние — элита, верхние — рабы?

Старик опять покачал головой с выражением досады. Заметно было, как тепло покидает его мощное тело — он кутался в плед и все глубже оседал в кресло, все ниже клонился к коленям. Я не мог дальше мучить его — последнего из расы Высокомерных. Они мятутся в холодных глубинах Вселенной, лишённые доброты, и никому, в сущности, не нужны, даже самим себе. Их болезнь — плод душевной усталости, они высохли и окаменели, подобно дереву, лишённому воды.

— У меня все, старик Карри!

Он кивнул вяло и не поднял головы: ему надо было собраться с силами.

Я ждал.

Брат мой Скала метнулся к моим ногам, прихватив мешок на всякий случай, потому что стена за его спиной начала раздвигаться с легким скрипом. В проеме был сперва мрак, следом свет над нами притух и зажегся где-то за стеной, мы увидели прозрачные квадратные коробки, поставленные одна на другую, словно книжные полки. Внутри коробок пенилась, вздымаясь и опадая, жидкость, напоминающая тесто или смолу, сквозь вязкую эту пасту просматривались контуры человеческих тел. Зрелище было жутковатое, если добавить, что тела шевелились вместе с жидкостью — они то поднимались в коробках, ложились на дно, поворачивались то лицами к нам, то спинами.

— Я близок к разгадке! — сказал старик. — Они будут спасены.

Эти желтые люди из далеких далей не вызывали во мне сострадания — скорее вызывали тоску. Они кочуют от звезды к звезде в погоне за ускользающей Истиной, как за солнечным зайчиком, который не накроешь ладонью и не спрячешь в карман.

— Мне пора, Логвин. Ты положишь меня в пустую камеру.

Я подошел к старику, встал рядом с креслом.

— Ты будешь жить здесь, Логвин?

— Нет. У меня есть неотложные дела там. — Я показал пальцем на овальный потолок комнаты. — И я не люблю темноты, старик.

— Тогда возьми вот это. — Карри вынул

откуда-то из недр своего пледа шарик величиной с голубиное яйцо и подал его мне. Матовый шарик был тяжел и скользок. — Он даст сигнал, когда я проснусь. И ты придешь?

— Приду.

— Не медли! Теперь подними меня.

Скала кинулся помогать мне, он поддержал ноги желтого старика, вдвоем мы еле затолкнули расслабленное тело в камеру и задвинули крышку. Я расслышал последние слова старика, произнесенные шепотом:

— Го — моя дочь, Логвин, рожденная здесь. Она не захотела класть меня в камеру. Попытайся спасти ее, она тоже любит солнце.

Паста ползла через отверстие в торце прозрачной клетки, окутывала ноги скитальца, накрывала их тонкой пленкой и двигалась дальше. Старик еще дышал, ресницы его вздрагивали, несколько раз он приподнимал голову на жестком своем ложе и наблюдал за тем, как тело его затягивает, словно илом.

Вот и все!

Тело Карри закачалось и начало вращаться, как на вертеле. Я приказал автоматам:

— Закрывать хранилище.

Глава шестнадцатая

1

И опять я стою на бугорке перед деревней, опять толпа смотрит на меня с настороженным ожиданием. Какие слова нужны им, чем утешу я их, как всею в них веру в то, что они вольны распоряжаться судьбой, что жизнь прекрасна. Черт возьми, совсем непросто говорить о простых вещах убедительно!

Совсем непросто!

— Ты сядь, Хозяин, и отдохни, — посоветовал мне Скала. — Отдохни: я с ними потолкую — ты не умеешь. Сядь!

Я послушно сел на теплый песок.

Скала выгнул грудь колесом, постоял некоторое время в позе оратора, которого должны и обязаны слушать. Он снисходил до толпы.

— Пусть язык мой распухнет, пусть волосы мои упадут с головы, пусть ноги мои враспут в землю по колено, если я еще раз буду

тратить на вас слова. Мой старший брат замкнул свои уста, потому что недоволен вами. Он велел передать: «У твоего народа, Сын Скалы, воин и потомок вождей, темные головы, у них большие уши. Головы им даны для того только, чтобы глотать пищу, а уши даны для того, чтобы ловить звук ветра». Когда мой старший брат сказал так, я заплакал от обиды за вас. Я долго ходил один и плакал, но я воин, и слезы мои высохли.

Несгибаемый Червяк Нгу ринулся на Скалу, оскорбленный, с копей наперевес, но звонкой оплеухой был повержен ниц и отполз, стелая. Воистину мой друг и брат — великий воин и умеет за себя постоять. Мне понравилось, как он, вроде бы между прочим, сшиб наглеца. Нгу вяло побили внизу и отбросили прочь, чтобы, значит, не мешал. Добрый знак!

— Я продолжаю. И прошу не мешать. Мы с Хозяином были внизу, — Скала ткнул кулаком под ноги себе. — Мы видели Пророка. Он спит, Пророк, окруженный голыми бабами, и он нам не нужен, потому что ел много, а вещал всего-навсего одну Истину. Но давайте вспомним, какую Истину он кричал из башни. Давайте вспомним!

Из толпы редко и недружно прокричали:

— Помогай слабым. Слабые в яме.

— Верно! — подхватил Скала. — Это вы запомнили даже при хилом вашем рассудке. Мы видели Пророка, он лопается от жира и у него много еды, много женщин, готовых ублажать, они там едят сушеное мясо, коренья и плоды — вашу добычу, которую вы кидали в яму и оставались голодными сами. Вы кормили стариков. Они тоже спят, окутавшись дымом грез. Они встанут, когда захотят жрать и снова заставят работать вас — темных, неумытых, унылых. С одной Истиной жить скучно, с одной Истиной жить нельзя — так велит нам старший брат мой, Пришелец и Хозяин. Поглядите на меня: я здоров, бодр, я на ваших глазах сшиб Червя Нгу, как гнилой пенёк. А почему я сшиб его? Потому что сыт, кожа моя блестит, подобно коже великого князя. И опять почему? Я научился мыться с мылом. От меня хорошо пахнет, я никогда не буду болеть, и любая девственница приманится

моим здоровьем и благословенным запахом, исходящим от меня, подобно тому как все живое приманивается Белым Цветком. Я многому научился у Старшего Брата и буду учиться у него вечно — мой брат неисчерпаем, как Большая Вода, и я счастлив, что Вездесущий и Неизмеримый свел меня с ним. Я озарился и вспомнил песни предков. Вам нравится, когда лстивые старики и жирный Пророк называют вас сильными, вы из кожи лезете, чтобы кидать в яму больше еды. Там, внизу, смеются над вашей глупостью и набивают животы мясом, поджаренным на ваших кострах. Старший брат говорит: «Я скатился с неба, чтобы помочь слабым». Но он не садится вам на шею, а учит: делите добычу справедливо, ничего не кидайте в яму, мойтесь с мылом, ступайте к морю и живите там, ведь эта земля — ваша.

Племя безмолствовало, озадаченное: я ведь обращался с ними куда деликатней, и они, вероятней всего, чувствовали мою неуверенность и растолковали ее по-своему: дескать, вежлив, даже заискивает, значит, и слаб. А выходит, не слаб?

— Настала пора решать, люди! — крикнул Скала и сел рядом со мной, отдуваясь, по его лбу катился пот. — Ну как, Хозяин?

— Хорошо сказал, правильно все, только ведь ты не видел Пророка? И стариков не видел?

— Зачем на них глядеть — пусть спят и не просыпаются.

Воины с робостью подступали ближе, ведомые все тем же Нгу, который опять воспрял и приосанился.

Скала спросил тихих мужчин с вялым пренебрежением:

— Что вам?

— Мы хотим сказать, что согласны переселиться к Большой Воде.

— Вы побежите к Большой Воде — Хозяин вас заставит бежать с высунутыми языками!

— Ты заносишься, Сын Скалы! — сказал во гневе Червяк Нгу и ударил копьём оземь. — Ты забыл, Сын Скалы, что еще совсем недавно был таким же, как мы, и кожа твоя была в струpx. Ты был слаб и жалок.

— Никогда я не был слаб и жалок!

— Память твоя шибко коротка, Сын Скалы!

— Что еще у тебя, Червяк Нгу?

— Мы не сдвинемся с места, если твой Хозяин лишит нас Истины.

— Он напустит на вас пламя, и вы сгорите, как сухие сучья в костре!

— Мы готовы сгореть. Все сгорим с песней предков на устах.

— Глупей слов я не слыхивал за всю жизнь, Червяк Нгу!

— Умным я не видел тебя со дня твоего рождения, Сын Скалы!

Брат мой засопел носом и двинулся на Червя Нгу, естественно, не для объятий. Нгу приставил конец копы к груди Скалы и тоже задышал, будто в лихорадке. Где-то в недрах его неширокой груди зарождался свистящий звук.

— Эй! — сказал я. — Разойтись!

Скала сказал еще:

— Хозяин только что велел передать: он найдет тот Камень, который весь в Истинах. Их нам хватит надолго. Завтра мы с Хозяином выступаем в поход к Большой Воде. Через неделю вы пойдете по нашему следу. Мы должны успеть до сезона дождей.

2

Пустились мы в путь на рассвете, когда невеликое здешнее солнце еще не выползло на небо, покрытое недвижными тучами. Большой круглый люк гондолы закрылся за нами, и долго было слышно, как из промежуточной камеры с заунывным свистом и вздохами откачивается воздух. Нас было четверо: я, брат мой Скала, девушка Го и Червяк Нгу. Вчера брат мой пробовал весьма недипломатично отшить соперника своего от компании, но это было бесперспективное занятие: Нгу, сбитый с ног, тотчас же поднимался и шел за нами неотступно. Потом Скала потерял уже всякое милосердие, и пришлось вмешаться. Установился хрупкий мир, и Нгу, взятый мною под защиту, полную ночь шлялся по гондоле, и восторгу его не было конца — он все щупал, жмурился, цокал языком и приставал с расспросами. Я велел Голове спря-

тать куда-нибудь настырного парня до утра и хорошенько накормить. Так было временно решена проблема Нгу. Я предвидел, что этот лиходеи принесет еще немало хлопот, и все равно он пришелся мне по сердцу и я жалел его, храбрейшего из храбрейших, неудачника из неудачников, я считал, что Нгу имеет полное и законное право на Приключение.

Когда мы покидали гондолу, к нам присоединилась непонятная эта девушка Го. Она ничего не сказала, никак не объяснила свое намерение — пошла с нами, и точка. Я по-прежнему слегка боялся пустоты ее широко открытых глаз, имеющих свойство менять цвет: то они были желтые, точно такие, как у отца, спящего теперь в своем прозрачном саркофаге, то в них были малиновые отблески огня, то они наполнялись синевой весеннего неба, то чернели... Она еще будто дремала, но чужая воля не довлела уже над ней с прежней силой. Го просыпалась, и мир под солнцем был ей внове.

...Мы поднялись на холм, высота распахнула даль, окутанную дымкой. Слева был косягор, сбегаящий к реке плавно, тот самый косягор, где я, кажется, много лет назад спасал от неминуемой смерти брата моего Скалу, облитого соком Белого Цветка.

Я остановился на холме, чтобы подождать Го. Она не умела много ходить, и ботинки, подобранные в гондоле специально для нее, сильно натирали ей ноги. Страдала она истоиво, молча и отказывалась от помощи. Скала и Червяк Нгу неутомимо бежали впереди, они то сходились вместе, то отдалялись друг от друга, рыская по саванне, как охотничьи псы. Эти были в своей стихии, они почуяли волю и гордились ролью первопроходцев.

— Почему остановились, Хозяин? — Скала вернулся издали, дышал запалисто, круглое его лицо лоснилось.

— Разве ты хорошо чувствуешь себя без оружия? Где твоё копьё, где лук и стрелы?

— Ты не помнишь, Хозяин? Я все потерял в пещере, я хотел вернуться за оружием, но ты сказал: «Кому нужны твои палки!» Тебе было некогда, Хозяин.

— Видишь? — Я показал рукой на рощу кривых деревьев.

— Вижу.

— Сейчас разожжем огонь и займемся делом.

— Хорошо. Но огонь добывать долго...

Огонь я развел сам, и мы принялись за мужскую работу.

Червяк Нгу был в восторге, он запускал стрелы беспрестанно, бегал за ними, как олень, и к концу дня выматывался начисто, он исхудал и высох, будто старик. И еще Нгу, выяснилось, не любит купаться и мыть голову с мылом. Скала был уязвлен и не мог понять, как может не нравиться нормальному человеку чудеснейший запах земляничного мыла, как можно не чувствовать нежную легкость чистого тела. После купания, полагал Скала, однажды вполне заслуженно и по праву стоит попроситься на небо, и чистого возьмут туда с охотой и без формальностей. А поганый Нгу смеет еще говорить, что мыло ест глаза и стягивает губы, что вода в речке холодная и ноги кусает рыба. И вообще жил же он без мыла, предки его без этого прекрасно обходились, и он, Червяк Нгу, воин, вполне может дышать без всякого там мытья.

— Ты дурак! — говорил Скала с оттенком родительского снисхождения. — Кожа твоя покрыта грязью, на ней слоем лежит земля, ты покроешься травой с ног до макушки, и вместо волос у тебя будет трава.

Нгу слушал эти мрачные предсказания с искренним ужасом, хлопал себя по сухим ляжкам руками и тащился к речке по первому зову, после мытья придирчиво оглядывал тело — нет ли на нем земли, не взошла уже где-нибудь в укромном месте трава? Постепенно, однако, Нгу озарялся здравым смыслом и прилипал ко мне с расспросами: бывает ли такое, Хозяин, насчет травы и прочего? Наверно, не бывает, потому что никто из воинов племени не плескается в речке с мылом и никто еще не оброс кустарником. Я отвечал в том духе, что Скала, наверно, наблюдал такие случаи...

— Почему же я не наблюдал?

— Не знаю, дорогой Нгу, не знаю...

— Ты считаешь правильным, Пришелец, что у нас в племени все врут? Кто лучше врет, того больше и слушают. Я не умею врать, потому на меня не смотрят девственницы и на сборищах оттирают назад. И вот ведь Скала врет постоянно, но зачем врет? Я запихаю ему кусок мыла в рот, чтобы не болтал!

Этот парень привлекал меня все больше. Из таких, я полагаю, в древности вырастали мученики и фанатичные вожди, отстаивающие свою правду и свою веру до последнего дыхания. Такие и под пытками, на дыбе будучи, плевали врагам своим в лицо. Нгу и взаправду попытался накормить Скалу мылом: все-таки затолкал высокомерному брату моему кусок «особого земляничного» в рот. Дело происходило ночью. Скала орал, потрясая кулаками, и между его губ обильно пузырилась пена. Нгу же исчез, убежал от греха подальше и наедине пережил торжество мести.

Наша спутница за дорогу не сказала ни слова, даже ела отдельно. Аборигенов Го не замечала, причем, не замечала она их без всякого напряжения, естественно, и лишь однажды, когда Скала из желания пошутить вздумал показать, как она хромает, эта фурия с быстротой, вроде ей не свойственной, схватила брата моего за запястье и отбросила его в кусты, точно куклу, и долго не могла успокоиться — грудь ее вздымалась, раздувались ноздри и в глазах сверкал недобрый огонь. Я укоризненно покачал головой и сказал ей:

— Так не принято, Го, обращаться с друзьями.

Она не ответила, лишь пристально и зло поглядела на меня и отвернулась.

3

До моря оставалось, по подсчетам Головы, километров триста с гаком и, значит, дней десять пути. Задерживала нас Го — она научилась ходить, но никак не хотела торопиться, то и дело останавливалась, садилась или падала на колени возле каждого цветка и рассматривала его своими недвижными глазами подолгу, нюхала, растирала в ладонях. С такой же докучливой медлительностью она

изучала все живое, что попадалось ей в руки, будь то букарашка или мелкий грызун. Эта женщина существовала в своем измерении. Скала сердился на Го и все глядел на тучи, чувствуя приближение сезона дождей. Червяк Нгу держался рядом со мной и изводил вопросами: что, почему, как и по какой причине? Я растолковывал ему, что сразу все познать нельзя и разом на все вопросы не ответишь. Потом мне пришло в голову: «А почему бы и не учить парня? Почему не начать с самых азов?» Мысль понравилась Нгу, когда я изложил ему свое намерение — он запрыгал, как дитя, и впал в натуральный экстаз.

«С чего же начать?»

Начал я с описания небесной сферы. Я говорил о том, что небо бесконечно, звезд на нем без счета и что оно вечно, оно способно умирать и рождаться. Нас не будет, но небо будет всегда. Скала тоже слушал мою пространную и выспреннюю речь. Слушал он долго, а потом сказал:

— Этого нам не понять, Хозяин. Начни с самого начала.

— А где начало, брат?

— Начни с того, с чего начинали люди твоего племени.

«С чего же они начинали?»

— Хорошо. Научу вас счету. Вот сколько нас? Кого мы имеем на данный момент? Нгу мы имеем. Нгу — это раз, — я загнул палец. — Скала — это два. — В ход пошел второй палец. Я постукал себя кулаком в грудь. — Три. Еще, значит, один палец. Девушка Го — будет четыре. Че-ты-ре. Ясно?

Ничего им не было ясно! Насколько я знаю, примитивные народы умели считать до десяти или до двадцати — по количеству пальцев на руках и ногах. Количество свыше двадцати означало «много» или «очень много». В племени Изгнанных с арифметикой было туго, вообще никак.

— Значит, Нгу есть единица. — Я начертил арабскую единицу на песке. — Ты, брат мой Скала, тоже единица. И так далее. Вместе же нас — четверо. Один — плюс один, плюс один... будет четыре.

— Мы никогда этого не поймем, Хозяин! — заявил Скала. — Давай лучше спешить — до Большой Воды путь не близок, однако. Зря ты стараешься — у Червя Нгу острая голова и слова твои скатываются с нее, как песок. Нгу — темный человек.

Наглый выпад даже не достиг ушей Нгу — он морщил лоб, шевелил губами: соображал, повторяя скороговоркой, точно молитву во время пожара: «Значит, так, Нгу — ты есть единица. Скала — тоже единица. Ведьма, хоть и женщина, но тоже единица...» Меня тронуло то обстоятельство, что парень искренне стремится постичь арифметическую премудрость и со свойственным ему упрямством пытается проникнуть в суть. Он не верхогляд, искатель по природе своей, не то, что Скала, который принимает вещи, какими они есть, и приспособливается к обстоятельствам, не забывая мыслительный свой аппарат всякой докукой. Нгу — человек обстоятельный, из него, пожалуй, будет толк...

— Там кто-то есть. Хозяин!

Там был человек, он сидел спокойно на каменном козырьке и, видимо, дожидался нас. По моему немому знаку мы выстроились колонной. Я начал спускаться по крути, усыпанной курумником, туда, где маячила черная фигура, точно вылитая из железа. Скала и Нгу, приготовив оружие, ступали сзади, и я слышал их дыхание. Щебень волной катился по откосу, камешки подпрыгивали, точно мячики, сыпались из-под ног с дроботным перестуком. С обеих сторон возвышались рваные скалы. Здесь когда-то, и сравнительно недавно, бежала вода.

— Он не боится тебя, Хозяин! — шептал Скала. — Почему он тебя не боится? И меня не боится?

— Выходит, он наш друг. Ба, да это силач, тот самый бедолага, которого я посадил на тухлое яйцо! Заскучал мужик: одному ведь несладко коротать житей. Одному — плохо.

— Здравствуй, — сказал я. — Здравствуй, друг!

Силач неуклюже поднялся на каменном козырьке и помахал мне рукой, приветствуя:

— У меня есть еда, Пришелец, и я могу быстро развести огонь.

— Спасибо, разводи огонь — мы проголодались.

Глава семнадцатая

1

Кажется, мы не скоро дойдем до благословенного моря, до Большой Воды: моя дружина стала неуправляемой, когда Силач заявил, что неподалеку, рукой подать, есть нора киня и вполне возможно, выманив зверя, забрать яйца, составляющие великую ценность, поскольку жидкость под скорлупой имеет свойство продлять жизнь, она к тому же вселяет в сердца недюжинную отвагу. И он, Силач, добудет яйца, если ему помогут.

— Ты врешь! — заявил Скала высокомерно и тут же был наказан за дерзость увесистой оплеухой.

Я погрозил силачу пальцем и спросил его:

— Как тебя зовут?

— В школе Пророка я был Первым. Так и зовут меня — Первый.

— Кинь — большой зверь?

— Самый большой: ударом хвоста он может снести деревню, где обитает низшая каста.

— И ты способен победить киня, Первый?

— Победить — нет, обмануть — да. Обманывать киня учили в школе Пророка.

— Значит, Первый, ты добудешь яйца киня?

— Вы поможете?

— Мои воины тебе помогут — они расторопны и нетрусливы.

— На них мало надежды, Пришелец!

— Дурак! — закричал Скала тонким голосом, оскорбленный до глубины души. — Толстый дурак! Я добыл сок Белого Цветка, я писал письмо самому Вездесущему и Неизмеримому, и он мне ответил: ты — славный воин, сын вождя. Он мне ответил: настанет срок и ты будешь командовать моей гвардией, о достойный из достойных, во! — Последовал гулкий удар кулаком в грудь.

Червяк Нгу был полон достоинства, он шаг-

нул ближе к силачу, дотронулся ладонью до его головы и сказал:

— Возьми меня, Толстый — я никого не боюсь.

Первый сопел, догладывая кость, и не отвечал.

Я попытался воззвать к благоразумию; дескать, яйцо киня — это дело, может быть, и нужное, но нам надо бы успеть к Большой Воде до сезона дождей... Слова мои были выслушаны с вниманием, но без сочувствия. Силач сделал губы трубочкой, со свистом выпустил из себя воздух, обдав нас запахом жареного мяса, поднялся с площадки, посмотрел из-под руки вдоль высохшего русла и, слегка пригнувшись, побежал. Мы цепочкой двинулись следом, убистряя шаг.

Го спотыкалась, падала, но плелась упорно, и на лице ее отражалась мука. Она слегка вскрикнула, когда я взял ее на руки, сопротивлялась некоторое время, сопротивлялась слабо и скоро затихла. Тело ее было горячее, тяжелое, но я не чувствовал особой тяжести, испытывая нежданную жалость к этой странной женщине. Я жалел ее как ребенка, чувствуя на щеке горячее дыхание, мягкое прикосновение волос. Я заметил, как поглубели ее глаза, как она приоткрыла губы, чтобы сказать какие-то слова, но не нашла, похоже, нужных слов и крепко взялась рукой за мою шею. Нежность накатила на меня волной, я прижал ее к груди и казался себе большим, нужным и, кажется, немного счастливым. Шел я легко, сил моих хватило бы донести Го до самого синего моря.

2

Вот мы и в устье — русло кончилось. Высохшая река когда-то впадала в озеро. Круглое озеро лежало посреди холмов. Где-то близко шумела вода, на той стороне озера, в километре или чуть дальше, растерзанными прядками бился водопад, под ним кипела пегая пена. Создавалось впечатление с первого взгляда, что водоем, запрятанный среди холмов, был искусственного происхождения: он был идеально кругл, будто размеченный циркулем, воду по всей окружности венчал пес-

чаный пляж, за песчаной полосой, тоже по всей окружности, отвесно, возвышалось каменное надбровье, пронизанное черными дырами впечатляющего диаметра.

Силач кивнул на дыры, выточенные в круче берега, сделал дурные глаза. Мы догадались, что в этих норах и обитает страшный кинь.

— Я видел двух, Пришелец.

— И сколько же времени потребуется тебе, Первый, чтобы добыть яйца?

— Много, Пришелец. Не один день. И не два.

Я неожиданно для себя и с облегчением подумал, что мне некуда торопиться, что впереди у меня вечность и что все равно, наверно, нам придется переждать сезон дождей у моря или в деревне племени. Я боялся признаться себе, что перелом в моем настроении вызван не только охотничьим азартом, но и скорее всего — присутствием загадочной женщины, глаза которой пугали и завораживали меня, она не только носила в себе трудно постижимую тайну, она была еще и женщина, наделенная особой красотой.

— Действуй, — сказал я силачу. — Бери моих воинов в помощники. Они — настоящие мужчины.

— А ты, Пришелец? Разве ты труслив или слаб?

— Я помогу, если будет нужно.

Для начала силач обильно, с ног до головы обмазался илом, он клал ил на голову, и с него стекали грязные ручьи. Он не говорил ничего, лишь показывал знаками моим парням — делай как я. Скала мазался зеленой глиной нерадиво и с брезгливостью. Это была халтурная работа, это было, можно утверждать, надругательство над ритуалом, и возмездие впоследствии незамедлительно: силач ухватил Скалу за волосы, попололоскал его в озере и сам намазал брата моего безжалостно и обильно, даже рот залепил смаху пирогом солидной величины. Скала согнулся, чихая, но силач пригрозил ему кулаком: шуметь нельзя и сомкни уста, негодный, иначе будешь отлучен от охоты. Оруженосец мой уныло повиновался, замерев, как было велено, чтобы обсушиться. Нгу мазался с удоволь-

ствием и блестел зубами — ему было смешно, он косился на Скалу, повергнутого, униженного, и был доволен, что извечный его соперник сбит с пьедестала, на который сам себя поставил так беспардонно. Но и Нгу заработал подзатыльник за то, что не выпускал из рук прутик и рисовал на песке единички, отвлекаясь на разгадку арифметической премудрости на сложение.

Я сидел на высоком берегу, как раз над норой, и наблюдал действие, контролируемое суровым режиссером. Скала косился на меня с немой надеждой: выручай, мол, Хозяин. Но я намеренно не замечал этого собачьего зова и сдерживал улыбку. Го сидела рядом, и глаза ее были широко открыты. По-моему, ей было тоже интересно наблюдать спектакль с участием трех глупых мужчин.

Силач дал знак: стоять и сушиться!

Они стояли и пиялились в небо, потешные мои ребята.

Я свесил ноги с крутизны, сел поудобней и сказал брату моему негромко:

— Если Скала добудет яйцо киня, девственницы будут смотреть только на него!

Скала вздохнул с печалью, скосил глаза на кончик носа, где сохла глиняная шишка, хотел ответить мне, открыл уже было рот, но силач, темнея взглядом, пригрозил ему кулаком: болтать не положено!

— Терпи, милый! Терпи.

Вот Червяк Нгу — настоящий мужчина, и грязь (она высыхала серой коркой) ему нипочем, потому как он не избалован мылом «особое земляничное», не кормлен деликатесами из бара гондолы, не писал Вездесущему о том, что у женщин от неизбывной любви к нему крошатся зубы и выпадают волосы, и весьма скромно оценивает свои возможности — не заносится, не умеет заноситься. Нгу стоял исправно и лишь слегка шевелил расшлепанными губами — думал об арифметике.

...Я решил еще полюбоваться, чем там занята моя удалая гвардия? Да, силач был, похоже, прилежным в многотрудной школе Пророка и не щадил соплеменников из низшей касты, обитающей в деревне: Скала, бедный брат мой, и Нгу лежали на земле, раскинув руки крыльями, колотились головами о песок и за-

унывно пели следующее: «Если ты дашь нам яйцо киня (можно и два яйца), мы будем славить тебя, о Вездесущий, Неизмеримый и Вечный! Одно яйцо киня (можно два) не убавит твоих несметных сокровищ...»

Воины бились головами оземь, не щадя лбов своих, потому как силач был рядом и следил рачительно за соблюдением ритуала, не прощая погрешностей или сознательной нерадивости. Потом все трое поднялись на ноги, нанесли на тела обильные порции ила и подались куда-то. Сперва и недолго они бежали трусцой, смаху преодолели круть берега и пропали из виду.

Глава восемнадцатая

1

Силач вконец заморочил моих парней: на второй день они уже качались. Скала и Нгу таскали траву, которую рвали где-то за холмами — далеко. С тех пор как толстяк поручился достать яйцо киня, мои бедные ратники ничего не ели, у них маковой росинки во рту не было. Я сказал силачу: дескать, нет смысла так убиваться и пора бы отдохнуть, но он без всякого почтения отрубил:

— Всему свое время, Пришелец.

Перед норой уже вырос целый стожок, рядом силач складывал прутья, небольшие коряжки и всякий подходящий для огня сундук, потом он с томительной обстоятельностью разжигал костер, отвергнув мою помощь. Он запретил мне спускаться вниз, поскольку я не был обмазан глиной и запах моего тела мог раньше положенного срока выманить чудище из норы. Что ж, логично. Я сам выключился из игры и вынужден был лишь наблюдать. Безделье тяготило, и я стал расписывать девушке Го, как красиво на моей Земле, как свежо утрами в лесу, как всходит солнце (оно большое и опоясано радужными кольцами), как поют птицы и звенит роса, растопленная теплом, как дивно пахнет наше раздолье.

Мне неважно было — слушает Го или не слушает: я вспоминал, растревоженный мыслью о том, что, наверно, никогда не увижу Родину, что тускнеют во мне с каждым часом

картины детства, что земная моя память дряхлеет.

Го подняла голову с колен, распрямилась и убрала волосы со лба.

— Я плохо все это представляю, Логвин.

— Да, слова не имеют силы: лучше раз увидеть, чем сто раз услышать. Я покажу тебе мою Землю в натуре. Хочешь? Голова, пошли ракету — я прокручу ей видеозаписи, этой Го, рожденной в темнице.

— Команда принята, Ло.

2

Вернулись мы через день под вечер.

Шум двигателя ракеты не встревожил моих соратников — Скалу и Червя Нгу — они спали вповалку на берегу, неподалеку от них горел костер, дым от него витился туго и уходил в нору. Толстяк сидел, скрестив ноги, и подкидывал в костер траву пучками. Трава, видимо, давала запах, способный выгнать из норы страшного киня. Я уже начал подумывать о том, что силач попросту водит нас за нос, что никакого зверя под землей не было и нет и славные мои парни, вовлеченные в интригу, терпят неудобства и унижения напрасно.

— Эй, Первый, долго ли еще нам сидеть здесь?

Силач, поморщив лоб, посмотрел на меня снизу вверх с неудовольствием и приложил палец к губам: шибко громко говоришь, Пришелец! На мой вопрос он не ответил, поднялся с натугой, будто старик, поплелся, подгибая колени, похожий на медведя, в ту сторону, где спали влещку воины, смаху, пятерней ударил Скалу: пора вставать, недотепа!

Скала подеушился возле огня, сел в лунку, продавленную давеча толстяком, кинул в костер прядку травы. Дым загустел и побежал, втягиваясь в смутное зво пещеры.

Я потоптался на краю обрыва с надеждой, что Скала соизволит обратить на меня внимание, но друг мой был полон суровой деловитости и не оборачивался в мою сторону — сердился.

— Эй, соизволь подойти ближе. Хочешь, я скажу силачу так: Скала боится киня и не

будет мазаться грязью — ведь его кожа нежна, он каждый день моется с мылом. Хочешь, скажу так?

— Ты дурак, Хозяин! — шепнул Скала, вытягивая шею. Он постоял с минуту, дожидаясь чего-то и, заплетаясь ногами, отпятился к костру исполнять свой священный долг.

Я налег на берег грудью, свесил голову и сказал негромко:

— В гондоле была еще одна банка варенья. Могу отдать тебе ее.

Брат долго молчал, потом указал пальцем на спящего толстяка, на пещеру и вздохнул: нельзя, Хозяин, покидать пост!

Нельзя так нельзя.

— Ты не съешь варенье, Хозяин?

— Я его не люблю.

— А она? — Скала кивнул туда, где на коврике лежала Го.

— Она тоже не любит.

— Ягоды не испортятся?

— Не должны.

— Ты про то варенье Нгу не говори!

Этого я не обещал ему, махнул рукой, прощаясь, и сел рядом с Го на коврик. Девушка дышала ровно, тихо, и на ее недвижном лице вздрагивали ресницы. Она думала. И скоро, я был в том уверен, начнет спрашивать. И не на все ее вопросы я смогу ответить.

Смеркалось.

Над холмами, у самого горизонта, зажглась и погасла колючая звездочка, пригибая траву, задул теплый ветерок. Наверно, этот ветер прибежал от самого синего моря.

— Логвин! — позвала Го.

— Да.

— Почему ты не спишь?

— А ты?

— Мы почти не спим, я могу совсем не спать.

— Я тоже могу совсем не спать.

— Логвин.

— Да?

— Я слышала много звуков, когда ты показывал мне свою Землю... Это что?

— Это — музыка.

— Зачем она?

— Тебя музыка не раздражала?

— Нет. Я не знаю, как назвать это чувст-

во... Она меня не раздражала. Мне надо побыть одной, Логвин. Ступай в свою палатку. Ты умеешь долго спать. Я не умею.

— Хорошо. До свидания, Го.

Она не ответила мне. Через окошко палатки я смутно улавливал ее профиль, ее лицо, желтеющее в темноте.

3

Терпение мое лопнуло, я вышел на самую круть берега, чтобы произнести речь, обличающую силача и двух болванов из низшей касты многострадального племени Изгнанных. Я уже открыл рот и вытянул руку, чтобы привлечь внимание троих внизу, вяло шевелящихся у костра, как вдруг почувствовал содрогание почвы под ногами, твердь гудела, будто перед извержением вулкана. Из норы с заунывным свистом выходил воздух, словно его гнал оттуда поршень. Могучая струя разметала костерок, пригнула моих воинов. Червяк Нгу, закрыв лицо ладонями, повалился на колени. Силач отшвырнул Нгу подальше, и одновременно он манил Скалу к себе, сердито раздувая щеки. Я понял: начинается самое главное. Воздушный напор иссяк, раздался звук, напоминающий горестный вздох, из норы показалась огромная голова ромбической формы. Признаться, я впервой, может быть, по-настоящему напугался на этой планете. Перед чудищем, замеревшим на какое-то мгновение с высунутой из норы мордой, мы были муравьями, оно растопчет нас и даже не заметит, что растоптало. На морде были выпуклые глаза янтарного цвета с черными и пустыми зрачками. Глаза блестели, будто линзы. Кинь не умеет щадить, он примитивен и свиреп.

Кинь зашипел, как паровоз в старину, из норы, будто подталкиваемое пружиной, заструилось круглое тело. Кинь упал рылом в озеро, погружаясь, а тело все струилось и струилось, расписанное квадратами — белыми и коричневыми. Это же змея — самая настоящая! Но гигантская, сверхгигантская! Вполне возможно, что я преувеличивал со страху, но мне показалось, что чудище текло из норы

целую вечность — час, два? Или оно вообще бесконечно?! Нет, кончилось все-таки!

Озеро закипело, забормотало, вспененное, как молочный коктейль. Во все стороны по кругу, вздыбившись, помчались гигантские волны, обрушились на прибрежные скалы. Я отпрянул от кромки берега и наткнулся на Го: она, оказывается, стояла неподалеку и тоже видела, как возник на свет божий выкуренный из норы змей. На ее лице не было страха, было любопытство. «Где же мои войны?! — сразу подумал я, и сердце мое захолонуло от недоброго предчувствия. Волна смяла их, унесла, и кинь заглотит парней и не подавится, разве что пощечокот глотку, чудище поганое! Я засмеялся с облегчением, когда увидел, что охотники бегут без паники, удалясь от озера. Куда их несет, неразумных?

Я выскочил на бугор, оглядел все четыре стороны. Впереди лежала саванна с высокими травами, кое-где недружно рос кустарник, еще дальше и сплошь простирались джунгли, слегка подернутые испарениями. Моих орлов нигде не было.

— Эй! Кинь далеко, покажитесь!

Никого! Пусто. В ушах посвистывал ветер, тучи аспидной синевы застилали высь. Я почувствовал, что сзади подошла Го и остановилась неподалеку. Тревога неожиданно переполнила меня, я вздохнул и сел на колючую кочку. Го пристроилась рядом, как-то неуверенно, с внутренним колебанием, потрепала рукой мои волосы, она, кажется, жалела меня, расстроенного? Вот уж странно! Вспугнутые шумом, летели густые стайки птиц. Летели они низко и с гомоном.

— На вашей планете много женщин? — спросила Го совсем нехотая.

— Много.

— Они красивые?

— Всякие...

Тревога нарастала. «Где же парни? Неужели прячутся, страшась позора и насмешки?» Я уже хотел призвать на помощь Голову, но тут уловил в траве какое-то шевеление. Внизу показался силач, он почему-то пятился, изредка оборачиваясь, дальше маячил Червяк Нгу, он стибался под тяжестью и семенял

покачиваясь. Я не сразу сообразил, что войны несут яйцо. Удалые мои парни не ударили, значит, в грязь лицом!

Я сбросил с плеч ранец и заспешил на помощь.

Глава девятнадцатая

1

Братья! Люди!

Я верю: вы не забудете про меня, вы опуститесь на эту планету, как спустился я сюда в поисках покоя и одиночества. Я молод и заслуживаю снисхождения — мне ведь казалось, что я устал от жизни, как устают от нее старики.

Я послал гондолу в космос. Вы, уповаю на то, скоро услышите сигналы Головы. Я поставил Мозгу две задачи: первая задача — связаться с кораблем. Вторая задача, если первая окажется невыполнимой, двигаться в сторону Земли. Вы услышите (да сопутствует мне удача!) сигнал о бедствии, какие посылали в древности моряки: «Спасите наши души!»

Я никогда не буду стыдиться своего поступка. Спасите, братья, мою Го, потом судите меня, если я такого суда заслужил. Го знала, что умрет, но была со мной до последней минуты, и я губами ловил ее слабеющее дыхание. Не хочу и не могу думать, что ее уже нет, еще пуще не хочу думать, что ее уже не будет. Земля моя все может и умеет: вы спасете Го — она погружена в биологическую камеру. Перед смертью Го научилась смеяться и научилась любить, братья!

Я остаюсь на Синей, потому что здесь племя. Меня оставляют здесь долг и сострадание. Поверьте, я не мог поступить иначе.

Перед смертью Го сказала:

— Я еще буду с тобой, я вернусь. Спасибо тебе за то, что я увидела траву, небо, море. Я вернусь. ...Оживить ее наличными средствами вряд ли возможно. Осталось два шанса: или подаст сигнал старик, уснувший последним в пещере, или же по сигналу гондолы вернется мой корабль. Целых два шанса, и они не дадут мне впасть в отчаяние.

2

Мы пришли к морю. Недалеко от берега силач натолкнулся на древнюю дорогу, выложенную каменными плитами, дорога привела нас в лагуну. Это прекрасное место!

День, помню, выдался тихий. Волны опали у наших ног. Вода была на вид густой и вязкой. Горизонт был близок, он сливался с небом, кажется, в нескольких сотнях метров от нас. Справа вздымались скалы с острыми вершинами, кругом же стояли сумеречные джунгли.

Го сняла обувь и забрела в море. Ее хитон раздулся колоколом. Она стояла, воздев руки, и смеялась. Она смеялась впервые, и сердце мое окатило теплом. «Как хорошо! — думал я. — И еще больше хорошего у нас впереди. Славься, жизнь... славься, простор! И здравствуй, море!»

А утром Го умерла. Расставалась с этим миром она без ропота:

— Ты вернешь меня сюда, Логвин? Я хочу движения, перемен и буду помнить о тебе там, где нет ничего.

И она ушла.

Скалу и толстяка я послал за племенем, послал их на танкетке, обратно они будут идти долго, у меня же есть время хоть в малой степени обрести себя. Со мной остался Нгу, и я не мог прогнать его.

— Я буду тут, Хозяин, я не помешаю!

Он действительно не мешал, охваченный страстью решать задачки на сложение и вычитание. Потом мы займемся делением, а уж дальше у нас дробь.

С утра я скрываюсь в горах. Нгу уверен, что я говорю с богами, и он не смеет следовать за мной. В горах я нашел огромный плоский камень и примитивным инструментом — зубилом — как жрец седой древности, сбивая в кровь руки, пишу:

Истины стареют, как люди, имя бога — вечность. Познавая Мир, мы приближаемся к богу. Быть добрым труднее, чем быть злым. В здоровом теле — здоровый дух. Помогать слабым, значит, делать их сильными. Перед едой овощи мой кипяченой водой.

...Месяцы, проведенные здесь, лишь начало. Впереди работа. Впереди — надежды. У меня все еще впереди.

Я еще принимаю сигналы гондолы портативным приемником, но они все слабее и слабее. Потом придет тишина. Великая тишина одиночества.

г. НОВОКУЗНЕЦК

Любовь Никонova

НОЧНАЯ РЕКА

Пройдет меж отраженных звезд
то вырезной плавник, то хвост,
и возникают стаей бледной
язи из глубины вселенной.
И, как светящиеся сгустки,
по кругу движутся моллюски,
и щука, щурясь на блесну,
свечою встав, пускаясь вскачь,
играя, держит на носу
луну, похожую на мяч.
И от истока до развилки,
по всей поверхности реки,
бесчисленные, как опилки,
среди звезд рассыпаны мальки.
Ах, эта ночь, с луною рыжей!
С веками сплетены века,
забито небо всякой рыбой,
забита звездами река.

СВИДАНИЯ В ДОЖДЬ

Мне нравились свиданья в дождь,
в весенний теплый дождь.
Мне нравились свиданья в дождь,
в осенний зябкий дождь.
Но прекратился всякий дождь,
идет все время снег.
А снег — ведь это тоже дождь,
но только это снег.

* * *

В траве земляничной —
как розовый ластик,
как нежный малек,
как чудной головоастик,
попалась пугливая ящерка мне...
Пульсируя, сжалась она на ладони...
Беги. Отпускаю. Не будет погони.
Как трудно друг друга понять

на земле!

Пробившись сквозь космос,
сквозь жизнь и сквозь свет,
придет твой ответ через тысячу лет.
Вернувшись бесстрашно, играя
с огнем,
кого ты застанешь на месте моем?

* * *

Мама, в лесу невозможно теперь...
И слезы о лете напрасны, излишни.
И все же не верь,
заклинаю, не верь
в сухие и черные ягодки вишни.
Не верь сквознякам, что в промерзших
сенях

свистят с нехорошею, злою тоскою.
Предчувствия к черту!
И к дьяволу страх!
Я буду с тобою!
Я вечно с тобою!

И дождичек летний все так же шумит
по нашей невзрачной залатанной
крыше,
шумит каждый день, каждый час,
каждый миг,
но только все тише, все тише и тише.

ПРОМЫШЛЕННОВСКИЙ РАЙОН,
с. ВАГАНОВО

Владимир Иванов

* * *

Как много печали в разлуке!..

Вот здесь ты секунду была,
где, свесив зеленые руки,
в саду замирает ветла.

Ты в роще незримо витаешь...

Тебя я хочу остеречь, —
так близко порой залетаешь
на пламя березовых свеч!

Не верю в разлуку-остуду!..

Сегодня со мной тебя нет,
но вижу: мерцаешь ты всюду,
куда простирается свет.

* * *

Взмахи веток и солнце с утра.
Вздохи ветра и ливня подтеки.
Хрупкий голос кивающих трав...
Вот они, этой жизни истоки!

Как токует оглохший глухарь,
И кукушка как славно кукует!
Даже самый толковый словарь
Так толково про мир не толкует!..

* * *

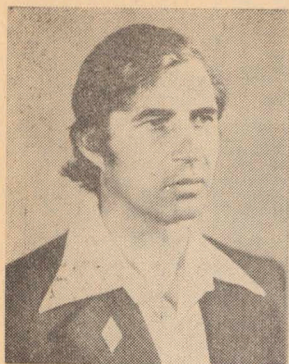
Из ряда привычных явлений,
Сквозь толщу событий и лет
Порою проступят виденья,
Которым названия нет.

Но в эти минуты наитья
За словом в карман не спеши, —
Пусть тайны неожиданных открытий
Побудут в глубинах души.

Быть может, ты в мире не новом,
Где фразы привычно твердим,
И сыщешь заветное слово
На радость себе и другим.

ПТЕНЕЦ

В траве птенца я подобрал,
Он был так жалок и так мал!
Я понял, что свои права
Еще усвоил он едва.
И я сказал ему:
— Лети!
Счастливого, малыш, пути.
— А ну смелей! — я повторил,
Свои ладони растворил...
И вот он,
Тело накренья,
Все дальше, дальше от меня
Земной восторг,
Небесный страх
Несет
На трепетных крылах!

НИНКА

У дома по старинке
Дорогой через лес
Мне улыбнется Нинка —
Хозяйка здешних мест.

От сотни дел — куда там —
Другой давно бы сник,
И пасечник она-то,
И егерь, и лесник.

Раз в год из-за деревьев
Покажется и — вжик:
Гуляет по деревьям
Ее шальной мужик.

А Нинке — горя мало,
Беда не велика.
Бегут, как покрывала,
Над Нинкой облака.

С пилой шагнет за выгон
Под лиственный покров
И запасется мигом
Поленищею дров.

Дочурку, словно белку,
Поластит и пожмет,
Уложит в колыбельку
И песенку споет.

Леонид Гержидович

Сохатины немного
Метнет в чугуны варить,
И крикнет мне с порога:
— Зашел бы покурить!

* * *

То ли с кедра, то ли с липы
То ли филин, то ли сыч,
То ли бросил, то ль рассыпал
То ли хохот, то ли клич.

А была макушка лета.
И за призрачной тропой
Незнакомые предметы
Поджидали нас с тобой:

То ли кочка, то ли заяц,
То ли пень, то ли медведь,
И хотелось мне,
Не знаю,
То ли плакать, то ли петь.

Приютила нас березка,
Низко ветки громоздя,
Крышей, крытою по-шорски,
Без единого гвоздя.

Бился лист зеленой стаей
В опрокинутый рассвет...
И с тех пор я не гадаю:
То ли любишь, то ли нет.

г. БЕРЕЗОВСКИЙ

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Экскаватор, как гусь лапчатый,
Выгибает костлявую шею.
Мною этот разрез начатый
На округу глиной рыжее.
День рожденья сегодня праздную.
Огибает стрела полнеба.
Лезут в голову мысли разные...
Хорошо нынче, вдоволь хлеба.
Хорошо, что погода ясная.
Мне осилить бы эту вскрышу.
День рожденья сегодня праздную,
Что-то с родины мне не пишут.
На рекорд попробую выйду.
Бултыхается ковш, как краб.
Я сегодня две нормы выдам —
Это точно, товарищ прораб.
Что-то сгрудились в кучу МАЗы,
Не обжал бы меня сосед.
День рожденья сегодня праздную.
Мне исполнилось сорок лет.
Сорок лет за плечами — горы
В домнах спаленного угля.
И могучий вот этот город,
Полюбившаяся земля.
Огибает стрела полнеба.
Мне не надо в ладони звезд.
Пусть всегда будет вдоволь хлеба...
Я в бесхлебные годы рос.

* * *

Полдень знойный.
Пахнет сеном.
Пот стекает с моих плеч.
В новом доме пятистенном
Я кладу большую печь.
На носилки хряснет глина,
Словно тесто на пирог,
И звенит на всю домину
Мой веселый мастерок.
И взлетают на ладони,
Словно птицы,
Кирпичи.
Дни мои —
Шальные кони,
Удалые гривачи!
Молод я!
Поет душа!
Будет печка хороша!
Поддувало!
Жаркий под!
На сто лет,
А не на год!
И широкою лежанка,
На которую зимой,
Скинув ватник и ушанку,
Ляжет греться
Батя мой.
Печь одену,
Словно в латы,
В голубые изразцы.
Будут ловкие ухваты
В ней гулять,
Как удалцы!
Будут
Красною заслонка
И высокою труба.
От нее
Запахнет солнцем
Наша новая изба.

г. НОВОКУЗНЕЦК

Первая публикация

Тамара Страхова

ДЕРЕВО

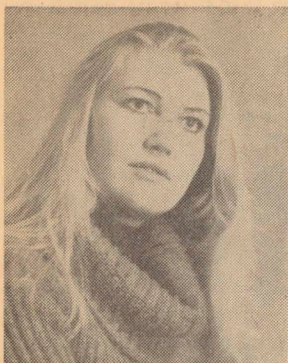
Однажды в мир войти не человеком,
а деревом...
Листою обрасти
и облететь. Сверять
с попутным ветром
движения и жизнь
и сок копить,
а по весне опять
забрызгать ветки
накрапом почек
и смолистым клеем,
и каждый листик
тенью обернуть,
закалывать кору,
чтоб не скрипела,
когда в нее
тугой металл вгоняют
и осторожно и совсем небожно
выводят: «Оля плюс Олег — любовь...»
Деревьям — что...
На этом белом свете
трудней всего
быть нынче человеком.

* * *

Нам все известно наперед:
Жизнь — скоротечное виденье,
И взлеты наши, и паденья
Внезапно сумрак оборвет.

На долговечие огня
Никто рассчитывать не в праве...
А исключение из правил —
Быть может, это — про меня?

г. ЛЕНИНСК-КУЗНЕЦКИЙ

* * *

Подари мне снеговика,
Белого, как лебедей стая,
Ничего, что весной он растает,
Подари мне снеговика.
Пусть он будет смешным и неловким
И мишенью для чьих-то острот,
Вместо носа большая морковка,
Как ворота, распахнут рот...
Пусть он будет сама нелепость,
Кто-то скажет злее: абсурд,
Ничего в нем от человека,
А так себе... шут.
Мне, как в детстве,
Вот-вот поверится:
У снеговика-чудака
Там, внутри, настоящее сердце
И фея-метла в руках.
И опять на волшебных лестницах —
Зовущие чьи-то шаги...
Но стали давно нам тесными
Хрустальные башмачки.
Мы вышли такими взрослыми,
Живем себе кое-как...
А ночь разбивает звезды
О шутовской колпак.
...Подари мне снеговика,
Белого, как лебедей стая,
Ничего, что весной он растает...
Подари мне снеговика.

Нина Спирина

ТРИ КЛЮЧА

Колхоз имени Кутузова Тяжинского района Кемеровской области расположен на границе с Красноярским краем. Разделяет их река Урюп. А село называется Старый Урюп. До районного центра — сто километров, а до областного... скорее в Москву доберешься. Глубинка, в общем. В начале 1979 года здесь проходило предвыборное собрание. Единодушно кутузовцы выдвинули кандидатом в Совет Национальностей министра угольной промышленности Б. Ф. Братченко. Как водится, подводили итоги своих дел от выборов до выборов, говорили о переменах в деревне, о жизни. И по всем статьям получалось, что у села только название Старый Урюп.

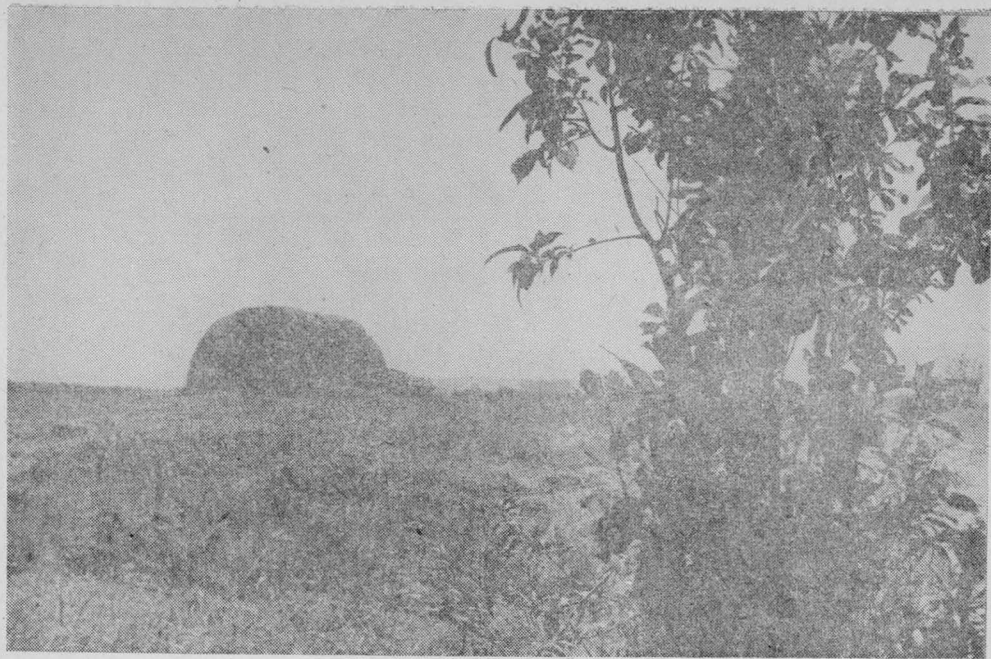
Ох, и злющий же этот был январь. То лютые морозы чуть не под пятьдесят градусов, то неистовые, жгучие метели, останавливающие поезда, автобусы, сковывающие жизнь. На селе главной тревогой стали животноводческие фермы. Один за другим поступали в областной центр тревожные сигналы. Уже в начале февраля несколько раз пыталась дозвониться до колхоза имени Кутузова — связи не было. Тогда я решила обратиться в райком партии: уж там-то положение знают.

— Обстановка вполне нормальная, — сказал первый секретарь Геннадий Архипович Кошкин. — Поморцев, сами знаете, коренной сибиряк, капризы погоды знает, так что нынче кол-

хоз более тщательно, чем когда-либо, готовится к морозам и метелям.

И далее секретарь рассказал, что кутузовцы в январе открыли самый качественный сенаж, увеличили рацион питания животным и круглые сутки следили, чтобы в скотных помещениях была нормальная температура. Результат? Если надой молока от коровы был 4,7 литра в день, то в морозы надой увеличился на 600 граммов. И сейчас ежедневно, хоть на сто граммов, да растут надой. В эти же дни в колхозе прошло собрание, на котором подводили итоги. Знатная доярка, кавалер ордена Ленина, кандидат в члены обкома партии Тамара Иванова Гарагуля добилась в прошлом году наибольшей производительности молока в районе от группы коров — 3002 килограмма на одну корову (средняя цифра по району 2246 килограммов). Все доярки колхоза решили приблизиться к ее результату, а Тамара Ивановна взяла еще более высокие обязательства. Морозы, оказывается, не помеха. Не могли быть помехой в таком крепком колхозе с таким толковым председателем. Ярko, со всеми подробностями припомнилась мне прошлогодняя осенняя поездка в колхоз имени Кутузова.

Из Новоподзорного в Старый Урюп шофер поехал напрямик. Боже, как он гнал машину! Казалось, сбавь водитель хоть на минуту темп, и мы надолго застрянем на этом разбитом в

пуг и прах отрезке пути из Тисульского в Тяжинский район. Но вот автобус вышел на поднятое гладкое полотно дороги, и все облегченно вздохнули. Начиналась территория колхоза имени Кутузова. Дождь продолжал барабанить в стекла, но какой-то парень, весело подмигнув, сказал:

— Кутузовцам дождь не страшен!

Только потом стала ясна вся глубина этой вскользя брошенной фразы...

Автобус приближался к Старому Урюпу. На обочине дороги перед селом неожиданно возникла красивая скульптура женщины с хлебом-солью в руках. С другой стороны стояла стела с надписью: «Колхоз имени Кутузова». Вдали виднелась группа различных строений, обнесенных высокой плотной оградой. С первого взгляда угадывались во всем аккуратность и порядок. Это ощущение порядка, системы, внутренней стройности во всем не покидало меня все время.

В селе рядом с Домом культуры в небольшом сквере на высоком постаменте стоит памятник В. И. Ленину, а между школой и кон-

торой в уютном, утопающем в зелени уголке еще один памятник — землякам, погибшим во время Великой Отечественной. У подножия высокого памятника в скорбной позе застыл навечно солдат с каской в руках. Сам по себе возникал вопрос: откуда эти произведения искусства в маленьком селе? Оказывается, выполнены они были в Ленинграде, доставлены оттуда контейнерами и уже на месте смонтированы. И вот теперь украшают село, радуют глаз и трогают душу.

— Это все наш председатель, — с гордостью сказал кто-то.

В командировку я ехала, чтобы написать именно о нем, о председателе Алексее Павловиче Поморцеве. По дороге в колхоз на остановке разговорилась с милой девушкой. Окончила она девять классов, учиться будет в десятом, в соседнем совхозе «Кубитетский».

— Знаете, мне Старый Урюп каждую ночь во сне снится, — рассказывала она. — Поехала я нынче в Кемерово, решила поступать в училище. Экзамены начала уже сдавать, а потом не выдержала, сбежала: такая тоска взяла по

села... Мне кажется, лучше нашей деревни нигде нет. Закончу десятилетку и пойду к Алексею Павловичу проситься на работу.

Ходила по селу, знакомилась с делами, людьми. Отзывались о Поморцеве тепло: строг, воюет за дисциплину, но людям близок, понятен и к себе очень требователен.

...Дома, крытые соломой, магазин из «трех бревен» да так разбитые дороги, что после дождика не то что на машине, на лошади не проедешь — такую картину застал Поморцев в 1965 году, когда избрали его председателем колхоза. Алексей Павлович этому не удивлялся. Сам потомственный крестьянин, знал он, как трудно становились на ноги колхозы. Родился он в соседнем, Тисульском районе, в селе Колба. Отец, дед, прадед были крестьянами. Мать умерла рано, так и не съев доброго куска и не износив путных обуви. Сын, верный земле отцов, хотел и создавал другую жизнь. В Старый Урюп он пришел уже опытным человеком, но на первых порах его оторопь брала, особенно от процветающего пьянства, когда ни с того, ни с сего вдруг кто-то устраивал себе «похмельный выходной». Ничего не имел он против прежнего председателя, ушедшего на пенсию. Того хвалили, но видно, не в силах он был за десять лет укрепить вкопавшееся хозяйство. Корни разрухи уходили глубже: за двадцать пять лет в колхозе сменилось пятнадцать председателей. Поди теперь разберись что к чему.

Но разбираться надо было, чтобы люди расшевелились, поверили в председателя. Начали с дороги, которую потом кто-то полушутя окрестил «дорогой жизни». День и ночь возили гравий, поднимали полотно, благо «карьер» совсем рядом, на реке Урюп. Семнадцать километров до главной трассы одолели довольно быстро. Отдачу почувствовали сразу: теперь молоко вовремя отвозили из колхоза в Итатский, потекли денежки в колхозную кассу, ожил магазин, чаще стали завозить необходимые продукты и товары, появилась возможность доставлять стройматериалы, сельскохозяйственную технику и запасные детали к ней... С тех пор, вот уже тринадцать лет, дороги продолжают здесь строить и улучшать. У каждого шофера теперь в крови: если делает ходку ря-

дом с рекой, непременно нагрузит на обратном пути гравий. Помните: «кутузовцам дождь не страшен»?

Потом построили просторную школу, в ней оборудовали учебные кабинеты. Выстроили детский комбинат. Всех учителей и воспитателей поселили в новые дома. Колхозникам стали ремонтировать и помогать строить жилье, а кому и колхозные квартиры дают. Осенью в Старом Урюпе закончили пристройку к детскому саду, чтобы с малышами не было никаких проблем. Здесь подумали о тех, кто приезжает на подмогу в страду. Шоферов и строителей селят в добротной гостинице и кормят в хорошей столовой.

Намерены в селе заложить Дворец культуры. Одна загвоздка: типовые проекты правлению колхоза не нравятся. Им хочется, чтобы в комплексе было все: кино и танцевальный зал, различные комнаты для занятий кружков и непременно спортзал. За деньгами колхоз не стоит.

— Для нас ДК — проблема номер один. Молодежи много, надо ей дать настоящее место для отдыха, — таково мнение председателя.

Побывала в нескольких домах. Хорошо живут. Зашли мы в квартиру Тархановых. Муж Василий Никифорович — механизатор, жена Мария Петровна — доярка, двое детей. Просторный, ухоженный двор со всеми пристройками, веранда и просторная кладовка, пять обставленных всем необходимым комнат. Гарнитур на кухне, — мечта любой хозяйки, — по заказу привезли. Квартира — колхозная, платят за нее Тархановы 5 рублей 20 копеек в месяц. Их среднемесячная зарплата четырехста рублей. По итогам года они получили премию: муж — 250 рублей, жена — 770 рублей. Овощи, молоко, мясо, яйца круглый год свои, зерна в колхозе получают пять-шесть тонн.

Тархановы — не исключение, а скорее семья со средним достатком. Таких квартир, как у них, колхоз построил уже 47 и продолжает строить по восемь ежегодно.

Холодильники, телевизоры, радиоприемники, модная одежда — такие вещи здесь настолько привычны, что о них говорят, как о само собой разумеющемся. В каждом доме мотоцикл, а то и два. Каждая четвертая семья имеет ма-

шину, и очередь в колхозе за машинами приличная.

Вот вам и соломенные крыши тринадцать лет назад! Вот вам и первый ключ к успеху! Между разбитыми дорогами и памятниками, отвечающими высоким требованиям культуры, лежит неизбывное беспокойство и желание Поморцева переделывать все к лучшему. Можно говорить о любви к родному краю. А можно вот так, без лишних слов переименовывать жизнь людей с их же помощью.

На первых порах председателя встретили в штыки. Были такие, что ворчали: подумаешь, какой принципиальный: на работу являйся минута в минуту, выпить в урочное время не смей, посмотрим, мол, чья возьмет. То ограду у председателя раскидали, то гайки у колес машины открутили, то песок в картер насыпали. Надеялись: не выдержит, сбежит. Ошиблись, он даже заниматься разбором тех случаев считал ниже своего достоинства. От трудностей, от забот людей, доверивших ему свои судьбы, не сбежал.

— Знаете, что меня больше всего удивило в деревне? — начал разговор с вопроса главный зоотехник Федор Николаевич Шейфель. — Молодежь! Я привык видеть в селе пожилых людей, а здесь смотрю: одни молодые. И квартиры в первую очередь дают им же. Мы тоже хоромы вон какие получили, обживаемся. Кадры тут собрал председатель отличные, золотой фонд, как он говорит.

А меня удивила история о том, как искал председатель зоотехника. Колхозу в этом смысле не везло. Алексей Павлович узнал, когда в Новосибирском сельскохозяйственном институте будет распределение выпускников, и поехал туда сам.

— От переписки-то какой толк? Пришлют: на тебе, боже, что нам не гоже.

А тут лично к ректору явился Поморцев, обрисовал сложное положение с животноводством в колхозе и в принципе получил разрешение, чтобы к ним направили тех специалистов, с которыми он сам договорится. Заручившись согласием ректора, пошел к выпускникам. Так, мол, и так, я председатель... Поговорил с од-

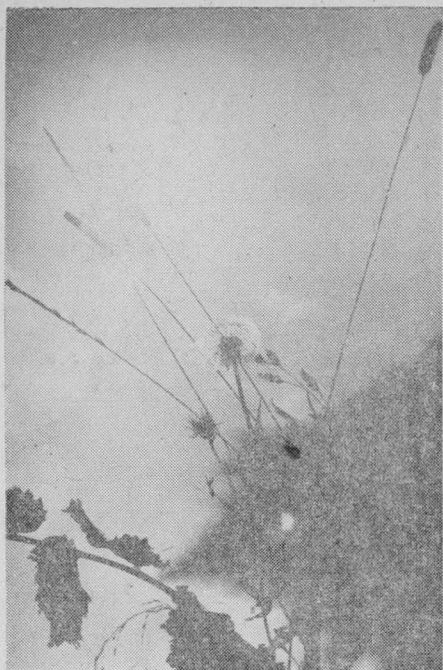
ним, другим. Одну супружескую пару приметил, разыскал ее в общежитии. Федор Шейфель и его жена Надежда пришли к нему по душе. И хоть оба они горожане: он — из Томска, она — из Новосибирска, Поморцев пригласил их в Старый Урюп... Встречать ездил сам, сам же показал деревню, угодила, хозяйство. Супругам колхоз понравился сразу. Переехали, а вскоре им кирпичный дом построили. Так прибавилось сразу два специалиста с высшим образованием.

Но это лишь одна деталь. По мнению Поморцева, люди — самое трудное, самое ответственное, и работа с ними не имеет границ. Ключ тут надо иметь особого свойства. Видно, в силу такого убеждения и начинают эту работу с детского сада! Если председатель узнает, что кто-то не водит своего ребенка в детсад, это становится предметом обсуждения.

— Чему научится ваш сын на деревенской улице? — спрашивает Алексей Павлович родителей, а потом непременно проследит, чтобы малыша оформили в сад.

Детей дошкольного возраста в Старом Урюпе 75, а мест в «Солнышке» было 50. Сделали пристройку. Воспитателей пригласили со специальным образованием, так что детей воспитывают по всем правилам педагогики. Квартиры воспитатели имеют бесплатные. Годовую премию колхоз выдал им, как своим работникам. Недавно на две тысячи рублей инвентаря и игрушек купили.

Интересно идет трудовое воспитание в школе. В небольшом опытном хозяйстве дети работают под опекой агронома. Каждый класс имеет свой участок, поочередно ребята записывают результаты в дневник, все лето дежурят, ухаживают за растениями. Наиболее удачный сорт переселяется на колхозные поля. Ежегодно семи-восьмиклассники строят летние лагеря для телят, белят коровники, убирают турнепс с сорока гектаров. Даже первоклассники ухаживают за бобами и морковью. Колхоз всю зиму кормит детей бесплатно обедами из трех блюд. Ни в чем не отказывает он и учителям. Педагогический коллектив здесь сильный: пять человек имеют высшее образование, двое среднее специальное и двое учатся в институте. А какая красота и уют в школе! А в березо-

вом лесу, что под окнами, на опытном участке! Какая яркость и благоухание цветов — уходить не хотелось! Может, потому за десять лет из 148 выпускников 126 остались в селе?

Подготовка кадров. Сорок шесть механизаторов (за исключением нескольких, в возрасте) владеют четырьмя-пятью смежными профессиями. Почти все учились за счет хозяйства. Вот и нынче у колхоза пять стипендиатов. Да шесть человек послали учиться в Тяжинское сельскохозяйственное производственно-техническое училище. Понадобился свой квалифицированный работник для будущего Дворца культуры — направили за колхозный счет выпускницу школы в Кемеровский институт культуры. Восемь человек учатся заочно в сельскохозяйственных институте и техникуме. Прибавьте к этому девятнадцать человек с высшим и средним специальным образованием, двадцать один — с десятилеткой да шестьдесят с неполным средним (многие из них продолжают учебу). Интересная арифметика получается, если учесть, что всего трудоспособных в колхозе 226 человек.

Дело, конечно, не только в образовании. Поморцев, как говорят о нем, насквозь людей видит и ценит их не за «поплавков» на лапкане, а за то, какие мысли несут, как умеют переложить труд людей на плечи машин. Ему тот специалист милее, который в руках чаще, чем ключ и гайку, карандаш с блокнотом держит. Главный инженер, например, практик, но Алексей Павлович говорил о нем с гордостью:

— Дай бог всем так работать! Побывал я во многих хозяйствах и видел, что специалиста там не отличишь от рабочего, а ведь он должен быть на голову выше. Наш главный именно такой, вокруг него всегда люди, и он много и терпеливо с ними работает.

Или вот, всю прошедшую зиму учили трех трактористок. Специалистам колхоз платил деньги за уроки, все честь-честью. Экзамены районной комиссии девчата сдали хорошо, а теперь им все помогают.

В какие только «атаки» не ходит Поморцев вместе со своими помощниками во имя закрепления кадров! Проводы в армию устраивают здесь торжественные: с музыкой, речами, подарками. Каждому вручат горсть родной земли, сувениры, накажут, чтобы на службе были самыми лучшими. А потом переписываются с ними, посылают поздравления. Вернувшемуся солдату 360 рублей выделяют безвозмездно. Коль надо — организуют свадебные машины и весело празднуют свадьбу. На вечера трудовой славы, праздники первой и последней борозды приходят стар и млад, потому что проводятся они с душой.

Корма, стройматериалы, бензин для заправки личного транспорта, трактор для вспашки огородов, транспорт для перевозки сена, угля, дров — за чем бы ни обратились колхозники к председателю, никогда не получают отказа. Точно так же относится он и к просьбам пенсионеров.

— Люди всю жизнь от земли не отрывались, спокойную старость себе заслужили, — подводит черту Алексей Павлович.

Ольга Степановна Музылева, бывшая телятница, заболела, так он два года подряд звонил на курорт, договаривался, чтобы приняли колхозницу на лечение.

В «окошечко» между посевной и сенокосом,

куда только ни посылает колхоз своих рабочих: на Кавказ, в Прибалтику, на ВДНХ, в путешествия по стране, в Венгрию, Болгарию. Причем, все путевки выдаются бесплатные или с незначительной оплатой, как награда за хороший труд.

Люди ездят, смотрят, а к концу отпуска начинают тосковать по своему далекому и такому близкому сердцу Старому Урюпу. Здесь целыми династиями работают. У Музылевых трудятся пятеро: отец, два сына и две снохи, у Веденевых—отец, два сына, четыре дочери. У Андреевых мать, пять сыновей и три снохи верны своей земле. Наверное, от этой земли, от корней, от предков идут неиссякаемое трудолюбие и какая-то особенная душевная порядочность.

Не сбросишь со счетов и тот факт, что сам Поморцев для всех—добрый пример. В новый дом он переселился недавно, когда уже все нуждающиеся получили новые квартиры. Вся семья председателя работает в деревне: жена—в медпункте, сын—шофер, дочь—в животноводстве, старший сын—агроном в соседнем колхозе. И младший—восьмиклассник—мечтает стать механизатором. Хорошие дети у председателя! Хвалят их за скромность и трудолюбие.

Подкупала в людях неподдельная озабоченность судьбой урожая, их обязательность, сердечная простота, немногословность и интерес ко всему, что творится в мире. В просторном кабинете секретаря парторганизации Павла Петровича Якка шкаф в два ряда набит книгами. Паустовский, Луначарский, Герцен, Гете, Залыгин... А на столе у него «Социализм и труд», изданный Советом Экономической Взаимопомощи, философский словарь, свежие журналы, газеты. Около сотни коммунистов и комсомольцев активно пользуются этими книгами. И не только этими. Заведующая библиотекой Тамара Артемовна Устюгова с огорчением рассказала, что в фонде у них всего-то восемь тысяч томов.

— Но я постоянно заказываю книги в районной библиотеке или в областной.

362 читателя: доярки, механизаторы, животноводы, учителя, специалисты всех рангов, школьники.

Чувствую, что у читателя назревает вполне законный вопрос: «Здесь что, какие-то особенные люди живут?» Нет, самые обыкновенные, с разными характерами. Председателю вместе с членами правления приходится все время быть начеку. Поморцев придерживается золотого правила: доверяй, но проверяй. Ведет он беспощадную войну с пьянством. Общественное осуждение—это само собой. Действуют и другие рычаги: за провинность не выдают справку для покупки вещей в кредит, лишают надбавки за классность, пятнадцати процентов поясных, 25 процентов за выслугу лет. Случалось, кое-кто терял в год по пятьсот-семьсот рублей. Такая арифметика отбивает охоту выпивать. А как-то произошла история. Один выпивоха дежурил ночью, развел костер, а лошадь рядом привязал. Уснул и не слышал, как огнем опалило лошади грудь и морду. Гневно обрушились на него односельчане, решение было единодушным и бесповоротным—исключить из колхоза.

Воистину, как говорит Поморцев, нет границ в работе с человеком.

Никто не знает, когда начинается и когда кончается рабочий день председателя. Его проворный «газик» может мелькнуть по улицам села и в десять вечера, и в три ночи. Когда в шесть тридцать утра специалисты и бригадиры собираются на наряд, председатель уже знает обстановку на всех полях и участках. Оказывается, ночью он стоял свой «газик» к скотникам на дальние угодья посмотреть, как пастется стадо, заглянул, подсохли ли валки, проверил, отремонтирован ли комбайн. Частенько день только начинается, а спидометр председательской машины отщелкал уже десятки километров.

Наука управления—штука хитрая. Особенно для села. Хлеб зимой не растет. Недаром века живет пословица: «День год кормит». Надо не прозевать именно этот день, когда следует сеять, удобрять, убирать. В страдное время Алексей Павлович говорит:

— Часы, товарищи, не надевайте, забудьте о них.

Конечно, ни в какие рамки науки управления эта премудрость не вменяется, как не влезает

в нее и такой факт: солнце иной раз в зените, всюду работа в разгаре, а председатель дома спит сном праведника. И если кому он понадобится, в конторе скажут спокойно:

— Подождите, Поморцев отдыхает, скоро будет.

И ни у одного человека не повернется язык осудить его. Каким авторитетом должен обладать председатель, чтобы вот так ревниво охраняли его дневной сон!

Выходит, нелогичное на первый взгляд поведение Поморцева — один из методов управления? Нет на этот вопрос определенного ответа, как нет одинаковых председателей.

Колхоз имени Кутузова вот уже десять лет является, как говорят в районе, хронически рентабельным хозяйством. Именно здесь, всего во втором колхозе области, платят пятнадцать процентов поясных. Платят, потому что есть из чего платить. Потому что председателя не сбивают с толку никакие трудности.

Для него одно ясно: будь хоть семи пядей во лбу, один современное хозяйство не поднимешь. Вот и печется о людях, даже загодя готовит себе смену. Алексей Павлович подробно рассказал о достоинствах и слабых сторонах своих возможных преемников. И делает все, чтобы эти слабые стороны ликвидировать. Поморцеву 58 лет (хотя внешне удивительно крепок и моложав), он уже тридцать с лишним лет в партии и тринадцать лет здесь председательствует. Осталось впечатление, что так до последнего вздоха и не покинет его беспокойство за судьбы своих односельчан, за их быт. Поэтому они не отвлекаются на решение личных проблем, значит, трудятся с полной отдачей, и оттого процветает колхоз. Все взаимосвязано в этой цепочке.

За тринадцать лет в три с половиной раза вырос неделимый фонд колхоза: три миллиона — не шуточки! Если сравнивать кутузовцев со средним колхозом страны, то здесь сельскохозяйственных угодий, посевных площадей, крупного рогатого скота, различной техники значительно больше, а вот людей в хозяйстве почти вдвое меньше. Пшеницу колхоз продает государству только отборную, самого высокого качества, молоко — первым сортом и хорошей жирности. Себестоимость их — а также мяса —

куда ниже, чем во многих хозяйствах области.

Из чего складываются эти показатели? Из очень многих весьма значительных компонентов. Под семенные участки отводят тут лучшие земли, удобряют их особо, вносят удобрения вместе с зерном, чтобы получить наибольший эффект. Семена — только классные. Летом чуть не два месяца жара стояла такая, что земля потрескалась, думали, совсем урожаем погибнет. За рекой краснойрыбы едва четыре центнера зерновых с гектара собрали, а у кутузовцев в пять раз больше. Полный севооборот, строгий агрономический контроль и экономический счет, самоконтроль и высокая ответственность механизаторов — без этих жестких правил здесь не мыслят ведение сельскохозяйственных работ.

Весь производственный комплекс расположен на пригорке за селом, в единой ограде с механическими воротами и кирпичной проходной. Все, как на добром предприятии, тут под рукой и под строгим присмотром. Склады для зерна, гранул, удобрений, запчастей и оборудования, травяная сушилка с гранулятором (считай, завод), разгрузочная эстакада, мастерская, пункт техобслуживания (лучший в районе), гараж, моечная для техники (с горячей водой и специальной пневмоустановкой), столярные мастерские и пилорама, нефтебаза, продовольственные кладовые с холодильниками, подготовка концентратов для животноводства, фуражный двор (корма полностью завозятся сюда с осени). Коровники на 900 голов, телятники на 600 голов, откормплощадка на 600 голов, молочный блок для обработки шести тонн молока в сутки, котельная (горячая вода круглый год, отопление помещений — по надобности)... Всего не назовешь, но уже это перечисление говорит само за себя.

Зайдите, например, в склад гранул. Огромный. Запас можно сделать хоть на два года, и качество хранения обеспечено. А коровники! Просторные, чистые. Раздача кормов, поение, навозоудаление, дойка механизированы. Смонтирован молокопровод для шестисот коров. Каждая доярка обслуживает пятьдесят-шестьдесят коров.

Мастерские имеют кузницу, аккумуляторную,

моторную, токарный цех, бытовую комнату. Здесь же и контора комплекса. При главном инженере есть бухгалтер по учету техники. Каждый болтик, каждый литр бензина на счету. Экономия во всем, оттого колхоз из года в год имеет солидную чистую прибыль. Только на премиальные ежегодно расходуется почти шестьдесят тысяч, да тринадцать выделили на бесплатное питание... Вот такую выгодную для государства и для каждого члена колхоза политику ведет Поморцев. Вот такой он, третий ключ к колхозным успехам.

Проблем, конечно, хватает. Техники в колхозе много, считай, более двухсот различных единиц, а вот с обслуживанием дело обстоит туго. От старой формы оторвались, но и новая пока не прижилась. Комбайн, например, сломался, надо вызвать ремонтную бригаду из «Сельхозтехники», а радия не работает...

Обязанностей председателя не перечесть. Они наваливаются на него ежедневно, ежедневно, и надо обладать недюжинными способностями и искренним желанием делать благо для односельчан, чтобы не сломаться под тяже-

стью этого груза, не сорваться ненароком. У Поморцева спокойный характер, и потому успехи колхоза — не результат каких-то рывков, рекордов, случайного везения, а итог по-деревенски основательной работы на всех флангах. Итог неизбежный и завидный.

Исполнилось тринадцать лет со дня избрания Поморцева председателем колхоза имени Кутузова. В мире бытует поверье, что цифра эта несчастливая, в некоторых странах даже домов и квартир с такими цифрами нет, а тут в конторе услышала:

— Тринадцать — для нас число счастливое, вон как вымахало, помолодело село.

Счастливой для Старого Урюпа будет и впредь любая дата, потому что живут здесь не одним днем, а думают, как будут жить их дети и внуки. Свою первую удачную борозду проложил председатель тринадцать лет назад, и прошла она не только по пашне, но по душам людей, и проросла золотым зерном. Так что быть той борозде всегда счастливой.

ТЯЖИНСКИЙ РАЙОН

Эвелина Суворова

ЖИТЬ И ТВОРИТЬ В СВОЕМ ВРЕМЕНИ

Эстампы, литографии, акварели, пастели, экипированные в стекло и рамы, рядами стоят у стен, словно приготовившиеся к параду. Другие — пока еще только листы ватмана, с отпечатанными на них рисунками, — лежат на столе, дожидаясь оформления. Хозяин мастерской — кемеровский график Владимир Ефимович Сотников — готовит работы на персональную выставку.

Прожито в искусстве два с лишним десятка лет. За эти годы созданы не только сотни произведений. Многое передумано, прочувствовано, накоплен багаж интересных размышлений, выводов.

В комнате, быстро погружающейся в сумерки, мы ведем разговор об искусстве, о назначении художника, о его взаимоотношениях с временем, со зрителями, для которых рисует.

ИСКУССТВО. В Ленинградском институте имени Репина, где я учился, на лекциях нам часто повторяли формулу: «Искусство — одна из форм общественного сознания, отображающая действительность в художественных образах; средство познания и изменения жизни. Изобразительное искусство — искусство, создающее изображения видимого мира на плоскости и в пространстве».

За два с лишним десятка лет творческой работы много раз убеждался в точности этой формулировки, ее практической действенности, хотя для себя лично внес бы в ту часть, где речь идет об изобразительном искусстве, поправку: термин «изобразительное» заменил на термин «пластическое». Все же мы не «изображаем», а разговариваем со зрителями языком пластики — линейной, цветовой.

Если тебе удалось найти пластическое движение, а это значит и образное — графического листа, живописного холста, скульптуры — можешь быть уверенным, что произведение состоялось. Язык нашего искусства — всегда язык пластики.

Интересно видеть, как неоднозначно воздействуют произведения на сознание зрителей. Когда я в первый раз попал на Кедровский угольный разрез — все меня поразило: его гигантские размеры, размах ведущихся работ, обилие мощной техники и труд человека, уверенно и точно управляющего этой техникой. Все восхищало, но вместе с тем вид развороченной земли тревожил. Примерно такие чувства владела мной, пока я рисовал.

И вот рассматривает литографию «Кедровский разрез» коллега и восторженно говорит:

— Слушай, старик, здорово же ты все уявлял, прямо-таки симфония получилась у тебя на листе. Поздравляю!

Другой мой знакомый, по профессии угольник, долго смотрел молча, а потом сказал:

— Знаешь, это как обвинение. Как же все-таки мы уродуем нашу матушку-землю...

Не раз я обращался и после к теме «человек — техника — природа», и каждый раз возникало желание обострить ее восприятие зрителями. Мы живем в век научно-технической революции. Техника и дальше будет развиваться, будут и дальше появляться города-мегаполисы, сложнее аппараты и машины.

Когда попадаешь на современное промышленное предприятие, скажем, на Запсиб или на территорию кемеровского производственного объединения «Азот», дух захватывает от гигантских размеров цехов, сложных переплетений труб, мощностей окружающих тебя конст-

рукций, тебя властно берут в плен ритмы огромного промышленного организма.

И хочется говорить о взлете человеческого разума, пропеть гимн творению рук человеческих. И поешь этот гимн, воспроизводя на холсте, бумаге красоту конструкций, передавая величие и совершенство их форм. Но нельзя, по-моему, при этом умалчивать и об издержках, которые несет научно-техническая революция: опасности превращения человека в придаток — хотя и умной, хотя и красивой, но все же холодной — машины, опасности оскудения его духовного мира. Поэтому необходимо будить человеческое в душе человека, вносить в его жизнь духовную красоту. В этом вижу одну из насущных задач современного искусства.

ВРЕМЯ. Убежден, что художник должен работать в своем времени, чтобы через годы, глядя на его произведения, люди говорили: да, он передал дух своей эпохи. Как мы сейчас, глядя на наскальные рисунки древних мастеров, познаем не только древнего человека, но и его эстетические концепции. Изображая животных, художник тех далеких времен стремился запечатлеть и их красоту — стремительность движений, выразительность поз.

У меня есть незавершенный рисунок «Подснежники расцвели». Увидел как-то весной поляну, покрытую сплошь подснежниками. И захотелось нарисовать их. Вот если бы такой безмятежный пейзаж художник написал в годы войны, его можно было бы упрекнуть, что живет он вне своего времени, хотя и тогда были поляны, усыпанные цветами.

Время должно оказывать влияние и на выбор формы для произведения. Литография «Конверторный цех» двадцать лет назад просто не могла появиться не только потому, что автор ее еще не был готов, чтобы таким образом замыслить и выполнить лист, но и зрители не приняли бы и не поняли этот сложный орнамент из труб, блоков, конструкций, в котором мне увиделся образ современного предприятия. А сегодня рабочий с крупного промышленного предприятия, пришедший на выставку, легко разбирается, что здесь к чему и принимает очень простое по пластическому языку произведение. Это я уже проверил.

Попробуем тезис о художнике и времени, в котором он работает, перенести на оформительское искусство. С архитектором Давыдовым мы оформляли Кемеровский цирк. В фойе различными оформительскими деталями старались создать среду, которая гармонировала бы с тем, что происходит на манеже. Позднее приходилось слышать от специалистов, знакомившихся с нашей работой:

— Это сделано в шестидесятые годы.

И мне приятно такая оценка. Убежден, что оформление нового здания филармонии должно принципиально отличаться от того, что де-

лали мы в цирке, не только потому, что его делали другие художники и архитекторы, но и потому, что время внесло свои коррективы и в нашу жизнь, и в наши требования к искусству.

ХУДОЖНИК. Что формирует личность художника? Сначала учебное заведение, затем среда, в которую он попадает после института или училища. Начав работу в изобразительном искусстве, я много для себя перенял у опытных кузбасских мастеров кисти — Кирчанова, Бачинина.

Художнику много дают встречи с самыми разными людьми, вот почему не следует замыкаться в стенах мастерской, живя только тем, чему научился в учебном заведении.

Однажды мы приехали поработать на Записиб, а там перед рабочими выступал прославленный земляк, мастер высшего пилотажа — Владимир Мартемьянов. Его простое, но очень содержательное выступление, приятная манера держаться произвели сильнейшее впечатление. Каждое его слово, жест, говорили, что он человек равнодушный к жизни, стремящийся делать полезное сегодня, не откладывая на завтра.

Мы познакомились и подружились. И под влиянием именно Мартемьянова более серьезно и ответственно стал я относиться к своей работе.

Года три назад завязалась у наших художников дружба с милицией. Поначалу это было выполнение социального заказа — взялись сделать ряд портретов и картин к выставке «Всегда начеку». Я стал работать над триптихом «Их именами названы улицы» — графическими портретами милиционеров, погибших на посту, — Михаила Дубинкина из Итатского района, Анатолия Коломийцева из Кемерова, Василия Коваленко из Киселевска.

Подружившись с работниками милиции, которые очень тепло рассказывали о своих погибших товарищах, я почувствовал, что в сознании произошла трансформация, как-то по-иному стал я с этого времени относиться вообще ко всем людям в серых шинелях.

Они живут рядом с нами, а призваны защищать нас. Поражает в них ежеминутная готовность совершить подвиг, выполнить свой служебный долг, даже если для этого нужно пожертвовать жизнью. Целеустремленность, черты «железного Феликса» уживаются в них с какими-то очень милыми индивидуальными человеческими качествами. Если говорить о моих героях, один по натуре был лирик, другой склонен к анализу, третий очень любил детей. Все это хотелось отразить в портретах, как и некоторую возвышенную трагичность их облика, ведь они ушли из жизни в расцвете лет. Художник должен помогать зрителям видеть

красоту окружающей жизни во всех ее проявлениях.

ТВОРЧЕСТВО. Не следует художнику уподобляться грибку, который берет в свою корзину любой гриб, лишь бы был он съедобным... Надо думать, на какой образ работаешь, какие мысли, эмоции хочешь вызвать, и в соответствии с этим выбирать изобразительные средства.

В хозяйствах Промышленновского района мы создавали галерею портретов передовиков. Мне выпало задание в одном из совхозов написать портрет телятницы. Когда познакомился с этой милой женщиной, обратил внимание на то, что в глазах ее словно бы застыла грусть. Потом узнал, какая нелегкая у нее жизнь: муж — пьяница, и весь дом — хозяйство, воспитание детей — лежат на ее плечах. На производстве отвечает за телятник — тоже дело непростое.

Мы ходили с ней в телятник, там лежал больной теленок. Увидел он свою хозяйку, замычал жалобно, точь-в-точь, как плачет больной ребенок, когда видит свою мать. Женщина объяснила: зоотехник отказался лечить этого теленка, она сама выхаживает, дает ему специальные отвары.

Когда я писал портрет, мне хотелось передать сложность жизни моей героини. Изобразил ее на фоне телятника в рабочей одежде. А из-за горизонта надвигается темная туча, которая бросает тревожные тени и на телятник, и на фигуру женщины, особенно на ее лицо с трагическим выражением глаз.

На художественном совете, когда принимали портрет, сказали, что находка с тучей — очень удачная. Она создает тревожную атмосферу, не позволяет воспринимать портрет безмятежно. Смягчи я это облако, и содержание портрета получилось бы иным.

В этом, наверное, и заключаются тайны творчества — каждый раз находить те единственные выразительные средства, которые бы наиболее точно передавали зрителям и твои мысли, и твои чувства, все твое восприятие действительности.

ПРИЗВАНИЕ. Наверное, для каждого человека самое главное в жизни найти свое призвание, а значит, наиболее полно раскрыть свою индивидуальность.

Когда занимался дизайном, часто ездил в город писать этюды, что-то удавалось, но внутренней веры, что смогу стать живописцем, не появлялось. Я видел, что в этюдах не получается глубокого отношения к изображаемому. Это скрывало, лишало уверенности, когда брался за кисть. Пытался связывать на холсте время и движение с пластикой — получалось плохо. Рисунки удавались лучше.

Однажды на эту тему мы беседовали с Владимиром Мартемьяновым. Он сказал, что

стать чемпионом высшего пилотажа ему во многом помогло то, что он научился чувствовать время. И графика ему многое подсказала. В графике увидел четкую фиксацию узловых моментов. Перенес это в спорт, стал во время полета четко фиксировать элементы программы — достиг больших успехов...

В какой-то момент и я почувствовал: графика — вот мое призвание в искусстве, то есть линиями, контрастами плоскостей разговаривать со зрителями. Считаю, что, если тебе что-то дано от природы, следует развивать эти данные, чтобы говорить своим голосом.

Каждый человек наделен какими-то способностями, важно развить их. На одном из заводов довелось встретить уникального слесаря. Своими руками, без чертежей он построил сложную машину, этот человек развил отпущенные ему природой способности.

Но горе, если человек встает на ложный путь. Особенно тяжелые последствия ждут людей, не имеющих достаточного дарования, но решивших посвятить себя искусству. Человек чувствует, что делает не то, недоволен собой, окружающими, считает, что его не понимают. Сколько таких непризнанных «гениев» приходилось наблюдать!

Хорошо, если в коллективе художников появляется человек, который как бы аккумулирует, вбирает поиски многих и потом выдает то, что становится вершиной в определенном жанре, для определенного времени. Иногда годами бьешься над какой-то проблемой и вдруг узнаешь, что кто-то другой уже решил ее. В искусстве так часто бывает. Делается немного обидно, но в общем-то радуешься — и эта вершина взята, нужно намечать новую. В том и состоит движение вперед.

ВДОХНОВЕНИЕ. По-моему, ученые до сих пор не дали вразумительного объяснения, что же такое вдохновение, как оно появляется, можно ли художнику вызывать его, как говорится, «по заказу».

Я бы назвал вдохновением умение заставить себя работать. Правда, случается и такое: продумал лист, компоновал его на картоне, поверил все детали. Стал переносить на плоскость — ничего не получается. В таких случаях надо выключать логику своего мышления и включать подсознание. Рука как бы сама начинает делать то, что нужно. Чертишь каракули, крючочки, и вдруг в твоей голове начинает лепиться образ, а рука непроизвольно воспроизводит его на бумаге. Так открывается истина, которую искал.

Это воля заставила работать твой мозг. Я считаю, что путем постоянной работы можно научиться вызывать вдохновение.

Великие художники утверждают: трудно написать образ, если не выносишь его в сознании. Как-то мы приехали группой на шахту

писать портрет шахтера. Нас познакомили с симпатичным молодым парнем, которого и стали писать. Кроме имени, мы о нем ничего не знали. И кроме молодого здорового человека — тоже ничего не увидели. Написал я более или менее похожим этого парня, а чтобы было видно, что это шахтер, нарисовал еще каску и шахтерскую лампу. И получился образ горняка. Поверхностный. А если бы выносил образ шахтера в душе, возможно, нарисованный мною портрет не был бы похож на натуру, но был бы он более убедительным в существе своем.

Почему художник не сразу берется за картину, а пишет сначала этюды? Этюды помогают зафиксировать какую-то мысль, мелькнувший образ, а когда начинаешь работать над картиной, воображение иногда уведет первоначальную мысль совсем в другую сторону.

Встречаются художники, которые на этюдах пишут реку с поляной или горы с рекой. Потом в мастерской начинают увеличивать этот этюд до размеров большой картины, а образы сибирского пейзажа у автора в уме так и не сложились, хотя бы по краскам. В результате на холсте появляется все тот же этюд, только увеличенный в размерах. Сколько мы видим на выставках таких увеличенных этюдов, которые никак нельзя назвать картинами-пейзажами.

А вот М. Сарьян с помощью неповторимого цветового решения создал образ Армении. Благодаря его картинам мы ярко представляем этот удивительный по красоте природы уголок нашей Родины.

Задача каждого художника увидеть в своем крае свои краски, черты характера людей.

Климат, окружающая жизнь оказывают влияние и на характер, и на внешний вид людей, которые и пластически характеризуются по своему. Сибиряка узнаешь и на парижских улицах, и на улицах южных городов, хотя одет он в такой же, как и все, европейский костюм.

Просторы нашего края формируют и характер сибиряка. Ему тесно в других краях. Мне много приходилось бывать в туристских поездках, но только дома дышится привольно, чувствуешь себя свободно и хорошо.

ТРАДИЦИЯ. Без того, чтобы не поддерживать и не развивать традиции, не может существовать ни одно искусство, в том числе и изобразительное. Традиции Рублева в передаче духовной сущности русского человека, внешней пластики его образа можно проследить в творчестве многих последующих живописцев. У меня, например, всегда много мыслей вызывают картины А. Иванова, В. Серова. А если взять картины М. Врубеля? У него нет рыхлых равнодушных работ, и вместе с тем он не терпел помпезности.

Наше время очень хорошо чувствовал А. Дейнека. Если он рисовал в 30-е годы, то все на картине отражало дух именно этого времени, даже мускулы изображаемых людей. Для меня А. Дейнека в изобразительном искусстве то же, что и А. Блок в поэзии.

Без традиций нельзя создать школу. Впитывая в себя современные веяния, в то же время надо развивать традиции. Это относится ко всем жанрам искусства. Когда я занимался дизайном, то мне хотелось в интерьеры привести дух времени, отразить развитие техники. Но и сохранить старое.

А если с этой точки зрения посмотреть на градостроительство. Город должен расти за счет появления нового, но не за счет уничтожения старого. Надо сохранить архитектурное решение Кемерово 50-х годов.

Тем и прекрасна Москва, что в ней ощущается связь времен — прошлого, настоящего и будущего. Нельзя уничтожать в архитектуре национальный колорит, национальный дух. Хорошо, что русскую архитектуру нельзя застилать с помощью бетона и стекла.

МАСТЕРСТВО. Без него не может существовать никакое творчество. Бывает, что обстоятельства заставляют очень быстро сделать какую-то работу. И окружающие удивляются — за два часа портрет нарисовал! Но этим двум часам предшествовали недели поиска.

Если ты работаешь с каким-то материалом — пишешь маслом или обрабатываешь глину, камень — должен владеть этим материалом в совершенстве и знать его возможности. То, что может быть хорошо выражено графикой, как правило, противопоставлено живописи. А если вдруг живописное решение переносишь в графику — получается эклектика.

Я овладел литографией, и мне легко работать в этом виде материала. А вот акварелью занимался мало, и здесь приходится больше раздумывать, как убедительно выразить тот или иной момент.

Но когда чрезмерно увлекаешься техникой, любишься сочетанием пятен, линий, забывая о содержании, — работа получается красиво выполненной в материале, но красива она формальной красотой.

Художник должен петь материалом, а не просто любоваться им.

ГЕРОИ. Важно, чтобы тебя волновали люди, герои будущих работ. Бывает, что человек, портрет которого ты взялся написать, очень уважаемый, но тебе он не симпатичен — ничего из портрета не получится. Нужно видеть в портретируемом не только характерные черты его внешнего облика, но и чувствовать его душевные качества, тогда только сумеешь выразить его суть.

Если вспомнить портреты наших выдающихся художников — их герои, как живые, смотрят

с полотен, кажется, что сейчас заговорят с тобой.

Если человек тебя задел, начинаешь с ним глубже знакомиться, раскрывать его для себя, чтобы потом раскрыть зрителям. В. Суриков создавал картины на исторические темы, но позировали ему современники, и писал он их с позиций своего времени. Этим, наверное, и близки людям его картины.

С другой стороны — есть художники, которые стремятся по-своему, как они считают, интерпретировать образы героев, утрируя их облик. Утрировать — еще не значит разработать концепцию.

В современной фантастике утверждается, что у человека будущего будет большая голова и слабое, дистрофичное тело. Не думаю, что наши потомки будут людьми с дистрофичными телами, хотя время и наложит свой отпечаток на их облик. Человек будущего обязательно станет более гармонично развитым, чем когда он ходил за сохой.

Опасно вставать на путь ложных концепций в искусстве во имя ложно понятой современности. И в то же время художнику надо чувствовать свое время, его ритмы, чередование спадов и взлетов, промежуточные ритмы. В этом смысле изобразительное искусство напоминает музыку.

ЗРИТЕЛИ. Надо, чтобы созданная тобой работа жила в любой обстановке. На выставке, которая работала в селе Уфимцево Промышленовского района, мы видели, с каким интересом смотрели картины, графические листы рабочие совхоза, дети, учителя. Для них это был подъем на какую-то новую духовную ступеньку, для нас — связь с подлинной жизнью.

Прошла моя персональная выставка. В чем она меня убедила? Если только работать на сегодняшний день — завтра будешь забытым. Надо, чтобы в твоих работах зрители и завтра находили интересное для себя. Но с другой стороны — нельзя так зашифровать образ, чтобы тебя сегодня не понимали. В станковом искусстве нельзя быть фотографичным, но и излишне сложным тоже.

На чем себя поймал? На отождествлении со своими работами. Работы — это выражение собственного «я». Но мне не хотелось навязывать себя.

Всякий раз, когда начинаешь новую работу, стараешься представить для себя, кому ее адресуешь, зачем она нужна. И потом, когда зрители восприняли твои образы — испытываешь авторское удовлетворение.

Вообще-то художнику всегда приятно внимание к его работе. Я люблю, например, рисовать на натуре, прямо в цехе. Мне не мешают окружившие меня люди, заглядывающие в альбом, бросающие при этом реплики. Надо уметь спокойно воспринимать эти реплики, вступить в беседу, объяснить, почему делаешь так, а не по-другому — все это тоже становится пропагандой нашего искусства. Надо услышать в замечаниях и то, что может помочь тебе в дальнейшей работе. Свои работы мы создаем для них, для зрителей, и постоянные духовные контакты со зрителями необходимы каждому художнику.

Но при этом следует подумать: единого зрителя на каждую работу не бывает. На своей персональной выставке я узнал, что одним моим знакомым понравились исключительно все рисунки углем. Других удивили возможности литографии. Многие то, что деревья, цветы изображены «как живые». Третьи оказались настроены на пастель. Чему удивился сам — так это тому, что цветные работы мало волнуют зрителей. В графике декоративными цветными пятнами сложно передать настроение, состояние, а вот при восприятии черно-белого цвета активнее работает фантазия, и такие работы оказывают большее эмоциональное воздействие. Пришел к выводу: цвет в графике нужно делать очень эмоциональным, интенсивным, чтобы он работал на образ. Если цвет не эмоционален — он только мешает.

И еще одно наблюдение: есть люди, которые любят только живопись, а другие — только графику. «Найдется и для твоих работ зритель», — успокаиваешь себя. И если бы каждая картина останавливала внимание каждого посетителя, то зрители месяцами должны были бы ходить на одну и ту же выставку. А надо ли это?

КРИТИКА (с улыбкой). Если тебя часто критикуют, упоминая фамилию и название произведения, то это тоже пропаганда.

Одного хвалебная критика оглушает, а другой начинает лучше работать. Критики должны знать особенности развития каждого художника и поддерживать положительные тенденции.

Сам лично стараюсь в каждой критике найти рациональное зерно, но принимая ее, стараюсь оставаться самим собой.

Конечно, все, о чем я говорил, в общем-то истины известные, но каждый открывает их для себя сам, в этом, по-моему, и заключается сущность человеческого познания.

Светлана Мекшен

ЖИТЕЛЬ СВОЕЙ ЗЕМЛИ

Заметки о поэтическом сборнике
Леонида Гержидовича «Таволга»

Вышло так, что поэтический сборник Леонида Гержидовича «Таволга», изданный Кемеровским книжным издательством в 1979 году, попал ко мне, когда я вчитывалась в переписку двух великих русских писателей — А. Н. Толстого и А. А. Фета.

В одном из писем, датированных 1861 годом, я нашла удивительные по своей убежденности мысли о родной природе.

А. Н. Толстой писал А. А. Фету: «...Своя собственная природа. И холодная она, и неразговорчивая, и важная, и требовательная, да зато это уж такой друг, которого не потеряешь до смерти, а и умрешь, все в нее же уйдешь. ...без этого сознания, что она — тут, как повинулся — есть за кого ухватиться, — плохо было бы жить».

Светоносная сила этих слов стала еще более осязаемой, реальной и очевидной, когда я прочитала книжку моего современника, Леонида Гержидовича.

Природа в стихах этого автора — не фон, оттеняющий человеческую жизнь, но сама жизнь; не вызванная воображением художника картина, то возвышенная, то нарочито приниженная, в зависимости от соответствующих обстоятельств, но напротив — та вечная, волнующая притягательная действительность, призванная быть союзницей художественного восприятия, в соизмерении с которой все человеческие достоинства и недостатки становятся либо значительней, либо ничтожней.

Лирический герой Гержидовича, слава богу, не странствующий воятель, жаждущий приключений, не хитроумный разрушитель, в дозволенных пределах обирающий леса, поля, ре-

ки... Он по сути своей из другой породы людей, которые сами — часть природы, в характере которых отсутствует потребительское начало, но всегда присутствует любопытство и удивление перед тайнами окружающего мира, робость и радость перед доверчивостью и незащищенностью каждого живого существа на земле вообще и на земле лесов, лугов, в частности.

Наверное, легко клясться в любви к природе, не выходя из дома, но притом не знать по имени ни одного цветка, ни одного дерева и уж тем более не придавать значения тому, чем отличается песня соловья городского от соловья таежного, сибирского, слушая которого «...не спят до самого рассвета у костров приглушенных рыбаки».

Здесь же, в «Таволге», лирический герой ведет читателя по тайге как самый заинтересованный рассказчик, останавливая внимание буквально на всем, чем богата сибирская тайга, которая «медовым запахом напоена, и каждой травкой махонькой пьяным-пьяна». Невозможно остаться равнодушным к дарующей молодость жимолости, к цветущему дурманящему белоголовнику, к звенящему лесному колокольчику — синюхе, к борщевнику — «белоголовому луно», спасавшему в голодные годы, и конечно, к таежным ягодам, грибам, кедровым шишкам — главным таежным «кормилицам».

Не напускной оптимизм, не наигранная печаль, а большая, настоящая тревога и боль пронизывают смысл прекрасного публицистического стихотворения «Тайга моя»:

...Тайга!

Любви великой дрожь
в твоей упрятана природе.

Ты от болезней сбережешь
И от несчастий загордишь.
Люблю я глушь твоей тиши.
Люблю шмелиные спектакли.
Здесь родники моей души
Не пересохла, не иссякла.
И музыки, чем птичий гам,
Милей не надо мне.
О, люди,
Давайте в лес входить мы будем,
Как в старину входили в храм.

Не человек — над природой, а природа — в человеке должна быть его основой, поддержкой, испытанием на зрелость, проявлением мудрости в сложных жизненно важных ситуациях, прозрением в самых безвыходных положениях.

Именно в этом сложном переплетении взаимоотношений человека и природы как нигде остро проявляются все истинные и мнимые человеческие движения души, сердца, разума. Человек как разумное существо может стать действенным носителем добра или глушителем его, может обратиться в смекалистого врага, подчиняющего своей выгоде тайное таин лесного царства, но может быть и просто умиротворенным, ни во что не вникающим соглада-таем, принимающим мир таким, каков он есть, без ликования и негодования.

В лирическом герое «Тавоаги» все настроение — выпуклы, четки, размашисты. Он — не сторонний наблюдатель, а самый активный житель своей земли. Его зрение остро, чувства беспокойны, благоденствие вдали от лесного мира — мука. Потому что здесь, когда остаешься один на один с таким могучим, проверенным временем властелином, как природа, — можно не на словах доказать, на что способен, взяв в расчет и опыт деда, и слова бабки, и свои собственные навыки...

Вот где приспела пора дать волю смекалке, сноровке, чтобы одолеть порожистый водоворот на крошечном плоту. Сила движения, сцепления с этой могучей водой, борьба и риск, когда кто-то кого-то должен все-таки подчинить себе — все это и происходит в стихотворении «По Тайдону». На одном дыхании написано это стихотворение, то есть именно так, как подсказывает смысл схватки человека с бурным, сибирским, вольным потоком.

...Навис над бортом
Водоворот.
Кручусь я чертом,
И плот мой — черт.
С курчавой кручи
Сквозь ливень брызг
Лечу по тучам
Куда-то вниз.
Сквозь шум и рокот,
Как пулей — лось,

Рубеж порога
Пробит насквозь.
Тиха протока
У камыша,
И лишь порогом
Во мне душа.
Над ветроломом
Сосна, как флаг...
А я-то дома
Торчал, чудак!

Очень точно найдена концовка стихотворения, когда напряженное дыхание в течение всего движения, вдруг можно пресечь, оборвать, успокоиться, прийти в себя — ведь поединок уже закончен, человек доказал свое право противостоять стихии. И все же... И все же всегда чуть-чуть бывает жаль, когда острая ситуация исчерпана и можно уже расслабиться. А ведь какой бы был упущен важный и нужный момент, если бы остался дома, если бы нашлись причины и отговорки пересидеть, переждать, пережить самого себя...

Вообще в столкновениях с силами природы лирический герой Гержидовича все время ищет себя, открывает в себе какие-то новые грани, перепроверяет свои резервы, подправляет свой не очень-то покладистый характер не ради собственного самолюбования, но для его пользы в этом разноязыком, разноцветном мире. Он в ответе за все и всех. Но нередко, что и за него отвечают — отвечают как раз те, кого называют безответными существами: птицы, насекомые, четвероногие наши братья меньшие, даже деревья, травы, ручьи и речки... Зло карается, добро вознаграждается — эта старая истина никогда не может утратить своей актуальности. Но с особенной художественной силой она оживает в одном из стихотворений сборника, где преданность таежному миру с лихвой окупается в момент беды, когда природа — один единственный спаситель:

Как могло случиться?
Простофилей
Я вконец запутался в тайге.
Над моей бедой смеялся филин
В тучном и косматом сосняке.
И когда, запутан и закружен,
Я подумал, что всему концу,
В тьме крошечной уловили уши
Ручейка негромкий бубенец.
Но гремело громогласным гимном
В нем мое спасенье от беды.
Я поднялся и по травам гиблым,
Как медведь, продрался до воды.
Ручеек был в общем пустяковым,
Но я знал: петляю по тайге,
Он меня, как поводья — слепого,
Поведет и выведет к реке.

Поскольку человек ведет себя с природой как с совершенно одушевленным, живым суще-

ством, то, конечно, все краски человеческого языка он вправе применить к тому пленительному миру растений и животных, среди которых он — свой. И поэтому не только ручей таежный сравнивается с поводырем, спасающим своего любимца; о нем тоскует тихий плес, в котором стынют звезды; ему осенние прелюдии высвистывает дрозд; навстречу ему «из лунки лезут окуни — бояре да князья»; из тайги выходят миролюбивые лоси; где-то прямо у дороги «белой кепкой помахал мне борщевик», а еще дальше — в пору листопада нарядная береза будет поверять свои тайны сердечные лесному человеку и одинокая талинка молчаливо и обреченно стоять под хлестким ветром, вызывая неосознанную грусть в душе.

Человеческие страсти и силы природы все время находят точки соприкосновения, моменты столкновения, а потому так достоверны и психологически обострены и объемны лучшие стихи сборника «Таволга». К ним относятся: «Дедушкина речка», «Дурной ключ», «Калина», «С трубою черной на макушке...», «Бурундучок», «Обрезают тополя...», «Шискарь», «Нелька», «Лебеда».

Совершенно неповторимый мир становления маленького человека, его вrastания в сознательную, тревожную, полную вопросов и загадок жизнь, открывается нам в трех, стоящих рядом в сборнике, стихотворениях: «Рояль», «Где березняк ветрами выстеган...», «Я учился в третьем классе...».

Между миром этого малыша и миром взрослых — пропасть, бездна, в которую несмышленишу страшно заглянуть, но заглянуть тянет. И, наверное, можно отойти от этой пропасти и заняться, например, выпиливанием по дереву, как этим занимались многие мальчишки. Но тем-то и отличается от своих сверстников юный герой, что в нем живет душа сказочника, волшебника, но сказочника и волшебника не абстрактного, не вымученного, а земного, для которого существование Аленького Цветочка — вдвойне прекрасно, потому что реально, как реально каждое растение, каждый иной цветок, который можно разглядеть, потрогать, вырастить, защитить. Наверное, поэтому растущему человеку, как равному, дед «твердил в трехсотый раз»:

— Внук, гляди,
В меня удался,
Будет бойкий кедролоз.

А внук «в знак бескорыстия и любви» к родному миру природы, подвергнутому разрушению, принял на себя часть взрослого труда — стал трудиться «на прополке первогодка кедрача».

Душа ребенка как воск: что хочешь, то и лепи из нее. На наших глазах совершается чудо, когда выросшая среди таежных растений,

сама похожая на диковинный цветочек, душа мальчонки, запятанная в худое тельце и фуфайчонку, прежде отзывавшаяся только на свист птиц и крики зверей, на шелест деревьев и вой ветра, вдруг однажды бессознательно отозвалась на совершенно непостижимые разумом звуки — звуки рояля, звуки художественного инструмента, такие, казалось бы, неуместные, нелепые среди закопченных стен, сумрачных глаз, ожидающих похоронок, истерзанных голодом лиц, душераздирающей ветхости и бесповоротной нищеты... Может быть, именно этот инструмент, неведь откуда взявшийся в заброшенном поселке, стоявший в углу, «как лодка на приколе», и стал свидетелем рождения художника? Жажда постижения скрытого в звуках, которые «сушились», как весла, смысла, желание их разгадать, прикоснуться к ним, как к таежным растениям, чтобы все понять самому, а не мучиться в неведении, жажда, не находящая утешения, — может, это и была первая жажда неопытной души художника...

...И я не знал, что мне предначался
Не голодом очерченный удел.
А школьный зал качался и качался,
И я в углу нахохлившись сидел,
И было далеко мне до причала.
Кружился танец, платьями шурша.
И плакала во мне и замирала
Во что-то посвященная душа.

Конечно, позже, в зрелости душа уже будет отзываться определенно на какие-то объяснимые чувства — и любовь, и ненависть, и измену, и собственную несправедливость, и чужую черствость. Не всегда дорога, ведущая к большаку, будет прямой и чистой, как не всегда на сердце будет только ясность и свет. Состояния эти естественны, по-человечески объяснимы, если есть нужда в объяснении. И потому, когда вырывается обнаженное и неотгороженное от посягательств признание: «Неудача с удачей следом ходят за мной» или «На сердце было и в природе и полутьма и полусвет», или «И я, как пойманный, метался, и был раздавлен я и сир», или «И опять нам тоскливо, и опять мы одни, так с годами все чаще...» — мне, читателю, эти настроения понятны, как близка и понятна любая человеческая боль, независимо от того, кто и что стоит за этим. Я знаю только одно: маленьких болей не бывает — каждая по-своему велика, индивидуальна, оставляет шрамы и следы.

Эти состояния души и сердца мне кажутся более естественными в настроениях лирического героя «Таволги», чем, например, противоположные им — эдакие достоинства расхожего оптимизма, которыми обычно страдают «романтики-туристы», рвущиеся в сибирские чащобы с заранее заготовленными плакатами для собственного взбадривания. Как ни грустно, но

этой расхожестью страдают несколько стихотворений Гержидовича — тут тебе и лобовые призывы, и прямолинейные решения сложных вещей, и какое-то ухарство там, где надо бы подумать и погрузить.

Я отношу сюда стихи: «Лесосека», «Под гитару пел я с чувством...», «По охотничьей чаще параллельной лыжней...», «В автолавке, у магазина...», «Мой город».

Можно было бы теперь упомянуть и некоторые шероховатости в работе поэтической: неточные образы, сбивы ударений в глаголах, время от времени появляющиеся легковесные решения в стиховом повороте, упрощенные сравнения, эпитеты, метафоры, или необоснованно усложненные; есть случаи, когда автор попадает в поучительство, морализм, что абсолютно не вяжется с тонкой палитрой того или иного стихотворения.

Однако не эти недостатки, хотя и не мало-важные, диктуют жизнь сборника Гержидовича.

Все лучшее, светлое, истинно необходимое для прочной связи человека с небом и землей,

самое сокровенное из своего личного багажа ищет и дарит людям — всем вместе и каждому в отдельности — лирический герой «Таволги». Его взгляд на мир не подслащен розоватыми тонами, но и не сведен до максимума к бесприсветно темным краскам. Его сознание, в котором еще так много от детства, однако, не инфантильно, не расслаблено, не созерцательно. Его чувства всегда обращены к чувствам других людей, равно как и к чувствам живой природы. В эти чувства веришь и радуешься им вместе с автором доброй и умной книги.

Хочется свое слово о поэте Леониде Гержидовиче закончить стихами его книги:

*И все, что сердцу дорого,
Отыщется в лесу,
С собою в людный город я
Под вечер принесу.
И щедро, и восторженно
Я буду много дней
Находками тасканными
Одаривать людей.*

г. ЛИПЕЦК

Геннадий Юров

БАЛЛАДА О ПОСЛЕДНЕЙ СИГАРЕТЕ

Откройте любую газету.
Откуда чахотка и рак?
Виновник прямой — сигарета.
Суд грянул. И дело — табак.

В статьях возникает картина,
Которая сердце щемит:
Вкусившая грамм никотина,
Погибшая лошадь лежит.

Рентабельность фабрик упала.
На складах завал сигарет.
Поэт — потребитель «Опала»
Отныне опальный поэт.

Петр Первый — ревнитель отравы,
Предвидя истории ход,
В победном бою под Полтавой
Уныло конфету сосет.

И Теркин Василий в охотку
Как прежде уже не острит.

Руки не протянет к махорке
— Хана, завязал,— говорит.

В конторе одной, нам знакомой,—
К ней тянется авторства нить —
Идет заседание месткома,
Кому-то дают прикурить.

Когда в перерывах дымили,
— Простим,—утешали,—не плачь!
Теперь перекур отменили
И запросто лепят строгач.

Я — злостный носитель порока.
Табачная сущность ясна.
И гонит меня от порога
Любившая прежде жена.

Да, пишут газеты немало:
Не надо здоровью вредить!
Меня это так взволновало,
Что, — слушай-ка! —
Дай закурить!

РОДИНА

Музыка Георгия ГРИГОРЕНКО

Слова Валентина МАХАЛОВА

Голубые ставенки.
Улица светла.
Журавель, оставленный
Посреди села.

Старый сруб колодезный
Мохом пооброс.
Голова журавушки
Достает до звезд.

Здесь соединяются
Небо и земля.
Место называется
Родина моя.

Здесь земля и солнышко
В дружбе вековой.
Здесь сидит Аленушка
Над речной водой.

Тихо бродит около
Росною травой
Сказка синеокая
Детства моего.

Голубые ставенки
Добрый мир хранят.
Все, что здесь оставлено,—
В сердце у меня.

Ничего не надо мне.
Нету мне родней
Горестей и радостей
Родины моей.

Неторопливо, с душой

тр

1 Голубые ставенки.

у-лица светла журавель, оставленный посреди се-ла

ста-рый сруб колодезный мохом пооб-рос, Го-лова журавушки

Припев более подвижно

доста-ет до звезд здесь соеди-ня-ются небо и земля

место называ-ется - Ро-ди-на мо-я.

^f Здесь со-в-ди-няются небо и земля, место называ-ется -

для повторения окончание
Ро-ди-на мо-я. Ро-ди-на мо-

я

Наши авторы

Полунин Иван Стефанович.

Родился в 1941 году в д. Бирюковка Курской области. Окончил Кемеровский государственный университет. Автор сборников стихов «Февральская свирель» и «Прилив». Живет в Кемерове.

Емельянов Геннадий Арсентьевич.

Родился в 1931 году в с. Курагино Красноярского края. Окончил факультет журналистики Московского государственного университета. Много лет проработал в газетах Кемеровской области. Автор многих книг прозы, изданных в Кемерове и Новосибирске. Член Союза писателей. Живет в г. Новокузнецке.

Никонова Любовь Алексеевна.

Окончила Новокузнецкий педагогический институт и работает учительницей в школе села Ваганово Промышленновского района. Автор сборника стихов «Скрипичный ключ».

Иванов Владимир Васильевич.

Родился в 1948 г. в Башкирии. Окончил факультет журналистики Уральского государственного университета. Член Союза журналистов.

Живет в Кемерове.

Гержидович Леонид Михайлович.

Родился в 1935 году в п. Барзас Кемеровской области. Работает учителем физкультуры в школе г. Березовского. Автор сборников стихов «Песня моя, тайга» и «Таволга».

Томилов Алексей Федорович.

Родился в 1935 году в селе Вохма Костромской области. Окончил Новокузнецкий монтажный техникум. Работает прорабом на стройке. Автор поэтической книжки «Красно яблоко».

Страхова Тамара Алексеевна.

Родилась в г. Купино Новосибирской области. Студентка-заочница Кемеровского государственного университета.

Живет в г. Ленинске-Кузнецком.

Спиринна Нина Васильевна.

Родилась в г. Ульяновске. По образованию филолог. Работает заведующей отделом в областной газете «Кузбасс». Член Союза журналистов.

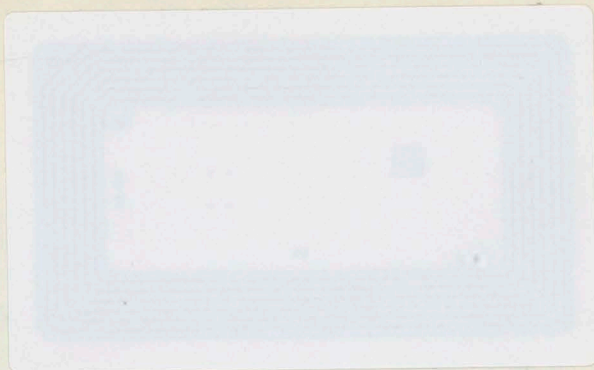
Суворова Эвелина Владимировна.

Окончила факультет журналистики Уральского государственного университета. Работает заведующей отделом культуры областной газеты «Кузбасс». Член Союза журналистов.

Мекшен Светлана Васильевна.

Родилась в г. Липецке. Окончила литературный институт имени М. Горького. Автор нескольких поэтических книг. Член Союза писателей.

Живет в Липецке.

Книга должна быть возвращена не позже
указанного здесь срока

	221			
		478775		

КемПК, 1979 г. Заказ № 11384

55 коп.